

ЗВЁЗДЫ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

КИР БУЛЫЧЁВ

ПОСЕЛОК

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ ПУТИ

ВЕЛИКИЙ ДУХ И БЕГЛЕЦЫ

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ ЗОЛУШКИ

Звезды советской фантастики

Кир Булычев

**Поселок. Тринадцать лет пути.
Великий дух и беглецы. Белое
платье Золушки (сборник)**

«АСТ»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Булычев К.

Поселок. Тринадцать лет пути. Великий дух и беглецы. Белое платье Золушки (сборник) / К. Булычев — «АСТ», — (Звезды советской фантастики)

ISBN 978-5-17-104149-6

Истории о докторе Павлыше – традиционная космическая фантастика: многолетние полеты к неизведанным звездам, приключения на загадочных планетах, встречи с иной жизнью. Роман «Поселок» – «робинзонада», история тех, кто выживал на далекой планете, и тех, кто пришел к ним на помощь. В повести «Тринадцать лет пути» герои встают перед выбором: потратить ли годы своей жизни на достижение Альфы Лебеда или повернуть обратно. В начале повести «Великий дух и беглецы» корабль терпит крушение, а единственно выживший знакомится с первобытными инопланетянами. Повесть «Белое платье Золушки» – о любви. В мирах Кира Булычёва жизнь необычна, а его героев из будущего мы хотели бы видеть в нашем настоящем.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-104149-6

© Булычев К.
© АСТ

Содержание

Истории о докторе Павлыше	6
Поселок	7
Часть первая. Перевал	7
Глава первая	7
Глава вторая	22
Глава третья	40
Глава четвертая	49
Часть вторая. За перевалом	60
Глава первая	60
Глава вторая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Кир Булычев
Поселок. Тринадцать лет пути. Великий
дух и беглецы. Белое платье Золушки

© Кир Булычёв, наследники, текст, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Истории о докторе Павлыше

Доктор Павлыш – один из самых известных героев Кира Булычёва. Впервые он появляется в повести «Последняя война» (1970). Корабль «Сегежа» прилетает на планету, недавно пережившую ядерную войну. Название корабля неслучайно: именно на сухогрузе «Сегежа» во время перехода по Северному морскому пути в 1967 году Кир Булычёв познакомился с корабельным врачом, ставшим прототипом его героя.

В 1972 году вышла повесть «Великий дух и беглецы». Корабль доктора Павлыша «Компас» терпит катастрофу. В живых остается только он один. Отправив сообщение о происшедшем, Павлыш отправляется исследовать планету, на которую ему удалось высадиться, и обнаруживает гуманоидов. Их цивилизация еще в самом начале своего развития, и в то же время, как видит Павлыш, над этими первобытными инопланетянами проводит эксперимент неизвестная высокоразвитая цивилизация.

«Белое платье Золушки» (1980) – история о любви. На Луне, на карнавале, доктор Павлыш встречает странную девушку. После мимолетного знакомства у него остается только ее имя, Марина Ким, и короткая записка. Спустя несколько месяцев, работая на планете Проект-18, почти полностью покрытой океаном, доктор Павлыш узнает, что Марина тоже здесь. Он пытается с ней встретиться, но она отказывается. Причина – она стала биоформом: ее тело изменили для работы в тех условиях, в которых обычный человек работать не может. Однажды случается землетрясение, и доктор Павлыш спасает птицу, которая на самом деле измененная Марина.

Повесть «Тринадцать лет пути» (1983) рассказывает о юности доктора Павлыша, когда он, тогда еще курсант, оказался на экспериментальном корабле «Антей», уже сто лет летящем к Альфе Лебеда. Благодаря телепортации экипаж меняется каждый год, но, когда прибывает смена Павлыша, связь с Землей обрывается. Приходится выбирать: возвращаться домой или лететь оставшиеся тринадцать лет до цели.

В романе «Поселок» (вышедшем полностью только в 1988 году) доктор Павлыш появляется лишь во второй части. А в первой описывается катастрофа корабля «Полюс» и семнадцатилетнее выживание оставшихся членов экипажа. В предельно неблагоприятной окружающей среде они постоянно находятся на грани жизни и смерти: старшее поколение стареет и теряет надежду, а младшее знает о Земле только от родителей. Но в момент отчаяния потерпевшие замечают в небе объект, который может быть только рукотворным. Действительно, на планету высадились еще одна экспедиция, в составе которой есть и доктор Павлыш. Обнаружив потерпевший крушение корабль «Полюс», его экипаж она сначала посчитала погибшим, но в конце концов встретила с выжившими.

Истории о докторе Павлыше – это классическая космическая фантастика 1970-х годов, эпохи интенсивного освоения космоса и холодной войны, наивных надежд на скорые полеты к дальним звездам и парализующего ужаса перед возможностью ядерной катастрофы. Но прежде всего они – о людях из будущего, которых мы хотели бы видеть в нашем настоящем.

Поселок

Часть первая. Перевал

Глава первая

В доме было сыро, мошка толкалась у светильника, давно надо бы его погасить, мать, конечно, забыла, но на улице дождь, полутьма. Олег валялся на койке – недавно проснулся. Ночью он сторожил поселок: гонял шакалов, они целой стайей лезли к сараю, чуть самого не задрали. В теле были пустота и обыкновенность, хотя сам от себя он ждал волнения, может, страха. Ведь пятьдесят на пятьдесят – вернешься или не вернешься. А если пятьдесят в квадрате? Должна быть закономерность, должны быть таблицы, а то вечно изобретаешь велосипед. Кстати, все собирался спросить старого, что такое велосипед. Парадокс. Велосипеда нет, а Старый укоряет им, не задумываясь о смысле фразы.

На кухне закашляла мать. Она, оказывается, дома.

– Ты чего не пошла? – спросил он.

– Проснулся? Супу хочешь? Я согрела.

– А кто за грибами ушел?

– Марьяна с Диком.

– И все?

– Может, кто из ребят увязался.

Могли бы и разбудить, позвать. Марьяна не обещала, но было бы естественно, если бы позвала.

– Есть не хочется.

– Если дожди не кончатся, – сказала мать, – до холодов огурцы не вызреют. Все плесенью зарастет.

Мать вошла в комнату, разогнала ладонью мошку, задула светильник. Олег смотрел в потолок. Желтое пятно плесени увеличилось, изменило форму. Еще вчера оно было похоже на профиль Вайткуса: нос картошкой. А сегодня нос раздулся, как будто ужалила оса, и лоб выгнулся горбом. Дику в лесу неинтересно. Чего ему грибы собирать? Он охотник, степной человек, сам же всегда говорил.

– Мошки много, – уронила мать, – холодно ей в лесу.

– Нашла кого жалеть.

Дом был поделен пополам, на другой половине жили Старый и близнецы Дуровы. Он их взял к себе, когда старшие умерли. Близнецы всегда хворали: один выздоровеет, другой простудится.

Если бы не их ночное нытье, Олег никогда бы не согласился дежурить по ночам. Вот и сейчас слышно было, как они хором захныкали. Невнятный, далекий, привычный, как ветер, монолог Старого оборвался, заскрипела скамейка. Старый пошел на кухню, и тут же загалдели его ученики.

– И куда тебе идти? – сказала мать. – Не дойдете же! Хорошо еще, если целыми вернетесь!

Сейчас мать заплачет. Она теперь часто плачет. По ночам бормочет, ворочается, потом начинает тихо плакать – можно догадаться, потому что шмыгает носом. Или начинает шептать, как заклинание: «Я не могу, я больше не могу! Пускай я лучше умру...» Олег, если слышит, замирает: показать, что не спит, стыдно, как будто подсмотрел то, что видеть нельзя. Олегу стыдно сознаваться, но он не жалеет мать. Она плачет о том, чего для Олега нет. Она плачет о странах, которые увидеть нельзя, о людях, которых здесь не было. Олег не помнит мать иной – только такой, как сегодня. Худая, жилистая женщина, пегие прямые волосы собраны сзади в пук, но всегда выбиваются и падают тяжелыми прядями вдоль щек, и мать дует на них, чтобы убрать с лица. Лицо красное, в оспинках от перекатиполя, под глазами темные мешки, а сами глаза слишком светлые, как будто выцвели. Мать сидит за столом, вытянув жесткими ладонями вниз мозолистые руки. Ну плачь же, чего ты? Сейчас достанет фотографию... правильно, подвинула к себе коробку, открывает, достает фотографию.

За стеной Старый уговаривает близнецов поесть. Близнецы хнычут. Ученики гомонят, помогают Старому кормить малышей. Ну как будто самый обыкновенный день, как будто ничего не случилось. А что они делают в лесу? Скоро полдень. С обеда выходить, пора бы им возвращаться. Мало ли что может случиться с людьми в лесу?

Мать разглядывает фотографию. Там она и отец. Олег тысячу раз видел эту фотографию и старался угадать в себе сходство с отцом. И не смог. Отец белокурый, курчавый, губы полные, подбородок раздвоенный вперед. Улыбается. Мать говорит, что он всегда улыбался. Вот Олег с матерью больше похожи, не с сегодняшней, а с той, что на фотографии рядом с отцом. Черные прямые волосы и тонкие губы. Широкие, круглые, дугами брови, под ними ярко-голубые глаза. И белая кожа с сильным румянцем. Олег тоже легко краснеет. И губы у него тонкие, и черные волосы, как у матери на фотографии. Отец с матерью молодые и очень веселые. И яркие. Отец

в мундире, а мать в платье без плеч. Называется сарафаном. Тогда, двадцать лет назад, Олега еще не было. А шестнадцать лет назад он уже был.

– Мать, – попросил Олег, – не надо, чего уж.

– Я не пушу тебя, – ответила мать. – Не отпущу, и все. Через мой труп.

– Мать, – Олег сел на койке, – хватит, а? Я лучше супа поем.

– Возьми на кухне. Он еще не остыл.

Глаза мокрые. Она все-таки плакала, словно хоронила Олега. Хотя, может быть, плакала по отцу. Эта фотография была для нее человеком. А Олег отца совершенно не помнил, хотя старался вспомнить.

Он поднялся и пошел на кухню. На кухне был Старый. Он разжигал плиту.

– Я помогу, – предложил Олег. – Воду вскипятить?

– Да, – отозвался Старый, – спасибо. А то у меня урок. Ты ко мне приди потом.

* * *

Марьяна набрала полный мешок грибов. Ей повезло. Правда, пришлось идти далеко, к ущелью. С Олегом она бы никогда не решилась пойти так далеко, а с Диком чувствовала себя спокойно, потому что Дик себя чувствовал спокойно. Везде. Даже в лесу. Хотя больше любил степь. Он был охотник, как будто родился охотником, но на самом деле он родился раньше, чем построили поселок.

– А ты в лесу как дома, – сказал Дик.

Он произнес это громко. Дик шел впереди и чуть сбоку. Куртка мехом наружу сидела на нем, как собственная кожа. Он сам сшил себе куртку. Мало кто из женщин в поселке смог бы так сшить.

Лес был редкий, корявый, деревья вырастали здесь чуть выше человеческого роста и начинали клонить вершины в стороны, словно боялись высунуться из массы соседей. И правильно. Зимние ветры быстро отломают верхушку. С иголок капало. Дождь был холодным, у Марьяны замерзла рука, в которой она несла мешок с грибами. Она переложила мешок в другую руку. Грибы зашевелились в мешке, заскрипели. Болела ладонь. Она занозила ее, когда откапывала грибы. Дик вытащил занозу, чтобы не было заражения. Неизвестно, что за иголка. Марьяна глотнула горького противоядия из бутылочки, что всегда висела на шее.

У белых толстых скользких корней сосны Марьяна заметила фиолетовое пятнышко.

– Погоди, Дик, – сказала она, – там цветок, которого я еще не видела.

– Может, обойдешься без цветов? – спросил Дик. – Домой пора. Мне что-то здесь не нравится. – У Дика был особенный нюх на неприятности.

– Одну секунду, – ответила Марьяна и подбежала к стволу.

Ноздреватая мягкая голубоватая кора сосны чуть пульсировала, накачивая воду, и корни вздрагивали, вытягивали пальцы, чтобы не упустить ни одной капли дождя.

Это был цветок. Обыкновенный цветок, фиалка. Только куда гуще цветом и крупнее тех, что росли у поселка. И шипы длиннее. Марьяна резко выдернула фиалку из земли, чтобы цветок не успел зацепиться корнем за сосну, и через секунду фиалка уже была в мешке с грибами, которые зашебурились и заскрипели так, что Марьяна даже засмеялась. И потому не сразу услышала крик Дика:

– Ложись!

Она сообразила, прыгнула вперед, упала, вжалась в теплые пульсирующие корни сосны. Но чуть опоздала. Лицо горело, как будто по нему хлестнули кипятком.

– Глаза! – кричал Дик. – Глаза целы?

Он дернул Марьяну за плечи, оторвал от корней ее судорожно сжатые болью пальцы, посадил.

– Не открывай глаз, – приказал он и быстро принялся вытаскивать из лица маленькие тонкие иголки. И приговаривал сердито: – Дура, тебя в лес пускать нельзя. Слушать надо. Больно, да?

Неожиданно он навалился на Марьяну и прижал к корням.

– Больно же!

– Еще один прилетел, – сказал он, поднимаясь.

Два шарика перекаטיפоля пролетели метрах в трех. Тугие, сплетенные из иголок-семян, но легкие как воздух, потому что пустые внутри, они будут летать, пока не ударятся ненароком о дерево или не налетят от порыва ветра на скалу. Миллион шаров погибнет зря, а один найдет своего медведя, утыкает иголками теплую шкуру, и пойдут от иголок молодые побеги. Они очень опасны, эти шары, и в сезон созревания надо быть осторожным в лесу, а то потом на всю жизнь останутся отметины.

– Ну ничего, – успокоил Дик, – больше иголок не осталось. И в глаз не попало. Это главное – чтобы в глаз не попало.

– А много ранок? – спросила Марьяна тихо.

– Не пропадет твоя красота, – сказал Дик. – Теперь домой скорей, пускай Эгли смажет жиром.

– Да, конечно. – Марьяна провела ладонью по щеке.

Дик заметил, ударил по руке.

– Грибы хватала, цветок брала. Психованная ты какая-то. Инфекцию занесешь.

Грибы тем временем выбрались из мешка, расплзлись между корней, и некоторые даже успели до половины закопаться в землю. Дик помог Марьяне собрать их. А фиалку они так и не нашли. Потом Дик отдал Марьяне мешок, он был легкий. Дик не хотел занимать руки. В лесу решают секунды, и руки охотника должны быть свободны.

– Посмотри, – произнесла Марьяна, принимая мешок. Ее прохладная узкая кисть с обломанными ногтями задержалась на руке Дика. – Я очень изуродована?

– Смешно, – сказал Дик, – у всех на лице точки. И у меня. Я изуродован? Это татуировка нашего племени.

– Татуировка?

– Забыла? Старый учил нас по истории, что дикие племена себя специально так украшали. Как награда.

– Так это дикари, а мне больно.

– Мы тоже дикари.

Дик уже шел вперед. Не оборачивался. Но Марьяна знала, что он все слышит. У него слух охотника. Марьяна перепрыгнула через серый стебель лианы-хищницы.

– Потом чесаться будет, спать невозможно. Главное – не расчесывать. Тогда следов не останется. Только все расчесывают.

– Я не буду, – сказала Марьяна.

– Во сне забудешь и расчешешь.

Дождь пошел сильнее, волосы прилипли к голове, и капли срывались с ресниц, мешали смотреть, но щекам было приятно от холодной воды. Марьяна подумала, что Дика надо подстричь, а то волосы до плеч мешают. Плохо, что он живет один. Все живут семьями, а он один. С тех пор как его отец умер, так и живет. Привык уже.

– Ты что-то чувствуешь? – спросила Марьяна, увидев, что Дик пошел быстрее.

– Да, – бросил он, – звери. Наверное, шакалы. Стая.

Они побежали, но в лесу трудно было бежать. Те, кто бегает не глядя, попадают на обед лиане или дубу. Грибы бились в мешке, но Марьяна не хотела их выкидывать. Уже скоро будет вырубка, а потом поселок. Там, у изгороди, кто-нибудь обязательно дежурит. Она увидела, как Дик достал из-за пояса нож и перехватил удобнее арбалет. Она тоже вытащила нож из-за пояса,

но ее нож узкий, тонкий, он хорош, чтобы резать лианы или откапывать грибы. А если тебя догоняет стая шакалов, то нож не поможет, лучше взять палку.

* * *

Олег доел суп, поставил кастрюлю с гущей повыше, на полку. Ученики простучали босыми пятками по глинобитному полу, и сквозь бойницу в стене Олег видел, как они, выскакивая из двери, прыгали в громадную лужу, набравшуюся за последние дни. Брызги во все стороны! Потом кто-то из них крикнул: «Червяк!» И они сгрудились в кучу, ловя червяка, а его розовый хвост высунулся из воды и хлестал учеников по ногам. Рыжая Рут – дочка Томаса – завопила: видно, червяк угодил ей по голой руке жгучей присоской; ее мать высунулась из дома напротив и кричала:

– Вы с ума сошли! Кто же лезет в воду! Так без рук можно остаться! Немедленно домой!

Но ученики решили вытащить червяка наружу, и Олег знал, почему. Тогда червяк меняет цвет, становится то красным, то синим, это очень интересно, только интересно им, а не матерям, которые панически боятся червяков, безвредных и трусливых тварей.

Линда, жена Томаса, стояла на краю лужи и звала дочь, а Олег, предупредив вопрос матери, произнес:

– Сейчас приду.

А сам вышел на улицу и посмотрел в конец ее, к воротам в изгороди, возле которых стоял Томас с арбалетом в руке. В позе Томаса было напряжение. «Неладно, – сказал себе Олег. – Неладно, я же так и думал. Дик ее завел куда-то далеко, и там что-то случилось. Дик не понимает, что она совсем другая, не такая, как он, и ее надо уберечь».

Ребята тащили червяка наружу, он уже стал почти черным, никак не мог приспособиться к плену. Тут рыжую Рут тоже взяли в плен, и Линда потащила ее домой. Олег побежал к изгороди и на бегу сообразил, что не взял арбалета и поэтому пользы от него никакой.

– Что? – спросил он Томаса.

Тот, не оборачиваясь, кинул:

– По-моему, шакалы опять шлещутся. Стая.

– Та же, что и ночью?

– Не знаю. Раньше они днем не ходили. А ты Марьяну ждешь?

– Они с Диком за грибами пошли.

– Я знаю, я их сам выпускал. Да ты не волнуйся. Если с Диком, то ничего не будет. Он прирожденный охотник.

Олег кивнул. Томас не хотел обижать Олега. Просто так получилось, что Дик надежнее: Дик охотник, а он, Олег, не очень охотник. Как будто быть охотником – высшее достижение человечества.

– Я, конечно, понимаю, – улыбнулся вдруг Томас. Он опустил арбалет и прислонился спиной к столбу ограды. – Но это вопрос приоритета. В небольшом обществе, скажем, подобном нашему, способности, к примеру математические, отступают на шаг по шкале ценностей в сравнении с умением убить медведя, что несправедливо, но объяснимо.

Улыбка у Томаса была вежливая, длинные губы гнулись в углах, словно не помещались на лице. Лицо было темным, все в глубоких морщинах, а глаза еще темнее лица. И белки желтые. У Томаса больная печень. Может, от этой болезни он стал совсем лысый и часто кашлял. Но Томас был выносливым и лучше всех знал дорогу к перевалу.

Томас вскинул арбалет и, не прицеливаясь, выпустил стрелу. Олег кинул взгляд туда, куда, взвизгнув, метнулась стрела. Шакал не успел увернуться. Он выпал из кустов, словно кусты держали его на весу, а теперь выпустили. Он рухнул на луг и, дернувшись, затих.

– Выстрел мастера, – сказал Олег.

– Спасибо. Надо оттащить, пока воронье не налетело.

– Я притащу, – предложил Олег.

– Нет, он не один. Лучше сбегай за своим арбалетом. Если ребята будут возвращаться, им придется сквозь стаю идти. Сколько шакалов в стае?

– Я шесть штук ночью насчитал.

Черная пасть шакала была разинута, белая шерсть торчала иглами.

Олег повернулся, чтобы бежать за арбалетом, но его задержал свист Томаса. Свист громкий, в любом углу поселка слышно.

Остановиться? Нет, лучше за арбалетом! Это одна минута.

– Что там? – Мать стояла в дверях.

Он оттолкнул ее, схватил со стены арбалет, чуть не вырвал крюк. Где стрелы? Под столом? Близнецы, что ли, утащили?

– Стрелы за плитой, – сказала мать. – Что случилось? Что-нибудь с Марьяной?

Старый выбежал с копьем. Как будешь стрелять из арбалета одной рукой? Олег обогнал Старого, на ходу вытаскивая стрелу из колчана, хотя на ходу этого делать не стоило.

Вся малышня поселка неслась к изгороди.

– Назад! – крикнул Олег грозным голосом, но никто его не послушался.

Рядом с Томасом уже стоял Сергеев, держа в руке большой лук. Мужчины напряженно прислушивались. Сергеев поднял руку без двух пальцев, приказывая тем, кто подбегал сзади, замереть.

И тогда из серой ровной стены леса донесся крик. Человеческий крик. Крик был далекий, короткий, он прервался; и наступила бесконечная тишина, потому что ни одна душа в поселке не смела дышать. Даже младенцы в колыбели замолкли. И Олег представил, нет, увидел, как там, за стеной дождя и белесых стволов, в живом, дышащем, движущемся лесу, прижимаясь спиной к теплой и жгучей коре сосны, стоит Марьяна, а Дик, упав на колено, – кровь хлещет из разорванной зубами шакала руки, – старается перехватить копье...

– Старый! – крикнул Томас. – Борис! Останешься у изгороди. Олег, беги за нами.

У леса их догнала тетя Луиза с ее знаменитым тесаком, которым она в прошлом году отогнала медведя. В другой руке она несла головешку. Тетя Луиза была большой, толстой и страшной женщиной – короткие седые космы во все стороны, балахон надулся колоколом. Даже деревья пугливо втягивали ветки и скручивали листья, потому что тетя Луиза была как злой дух, который зимой рычит в ущелье. И когда тетя Луиза споткнулась о лиану-хищницу, та, вместо того чтобы схватить жертву, спряталась за ствол, как трусливая змея.

Томас так неожиданно остановился, что Сергеев чуть не налетел на него, и, сунув два пальца в рот, свистнул. Никто в поселке не умел так оглушительно свистеть.

Когда свист прервался, Олег понял, как затаился, испугался лес человеческого топота, человеческой тревоги и гнева. Только слышно было, как тяжело дышит грузная тетя Луиза.

– Сюда! – крикнула Марьяна.

Голос ее прозвучал совсем близко. Она даже не крикнула, она позвала, как зовут с другого конца поселка. И потом, когда они побежали снова, Олег услышал голос Дика, вернее, рев, как звериный, и бешеное уханье шакала.

Олег метнулся в сторону, чтобы обогнать тетю Луизу, но перед ним возникла спина Сергеева, который не успел даже одеться, бежал в одних кожаных штанах.

Марьяна, как в видении Олега, стояла, прижавшись к мягкому белому стволу старой толстой сосны, который подался внутрь, будто старался оградить девушку. Но Дик не упал. Дик отбивался ножом от большого шакала, который увертывался от ударов, шипя и извиваясь. Еще один шакал корчился сбоку на земле, стрела в боку. И штук пять, не меньше, сидели в ряд в сторонке, будто зрители. У шакалов есть такая странная манера. Они не нападают скопом, а ждут. Если первый не справится с добычей, за дело принимается второй. И так, пока

не победят. Им друг друга не жалко. Они это не понимают. Сергеев, когда вскрывал одного шакала, с трудом отыскал у него мозг.

Шакалы-зрители, как по команде, повернули морды к людям, которые ворвались на поляну. И Олегу показалось вдруг, что красные точки шакальих глаз смотрят на него с осуждением. Разве можно нападать всем вместе? Это же не по правилам.

Шакал, который все норовил захватить зубами нож, вдруг повалился набок: из основания длинной шеи торчала стрела. Оказывается, Томас успел выстрелить, пока Олег соображал, что к чему. А Дик, словно ждал этого, тут же повернулся к остальным шакалам и бросился на них с копьем. Рядом с ними уже были Сергеев и тетя Луиза с тесаком и головешкой. Прежде чем шакалы поняли, что произошло, двое из них валялись мертвыми, тогда остальные помчались в чащу. Никто за ними не побежал. А Олег шагнул к Марьяне:

– С тобой ничего?

Марьяна плакала. Прижимала к груди шевелящийся мешок с грибами и горько плакала.

– Ну скажи, скажи! – испугался Олег.

– Меня перекаати-поле изжалило, – плакала Марьяна. – Теперь я буду рябая.

– Жаль, что вы так быстро прибежали, – сказал Дик, вытирая кровь со щеки, – я только во вкус вошел.

– Не говори глупостей, – одернула его тетя Луиза.

– Третий или четвертый тебя бы одолел, – добавил Сергеев.

* * *

По дороге к поселку Дика начало трясти, от шакальих зубов никому еще хорошо не бывало.

Все сразу ушли в дом к Вайткусу, сам Вайткус болел, лежал, а его жена Эгли достала из аптечки – ящика в углу – примочки и настой против шакальего яда, потом промыла рану Дика и велела ему спать. Марьяне смазали лицо жиром. Дик ушел. Через час-два лихорадка уляжется, а сейчас ему больно и плохо, он не хотел, чтобы другие это видели.

Эгли поставила на стол миску с сахаром, который вытапливают из корней осоки на болоте. Только они с Марьяной знали, как отличить сладкую осоку от обыкновенной. И еще малыши, которые чутьем знают, какая трава сладкая, а какую нельзя трогать. Потом Эгли разлила по чашкам кипятков, и каждый сам черпал ложкой густой серый сахарный кисель. У Вайткусов просто. К Вайткусам все любят ходить.

– Ничего страшного? – спросил Томас у Эгли. – Дик сможет идти?

– На нем, как на кошке, сразу заживает.

– Ты все-таки сомневаешься? – подал голос Сергеев.

– Я не сомневаюсь, – сказал Томас, – другого выхода нет. Ты предлагаешь ждать еще три года? Мы выйдем от скудности.

– Мы не выйдем, – сказал с койки Вайткус. Борода и копна волос на голове скрывали все лицо. Были видны только красный нос и светлые пятна глаз. – Мы окончательно одичаем.

– Одно и то же, – сказал Томас. – Попался бы мне Даниель Дефо. Жалкий враль.

Вайткус захохотал, словно закашлялся.

Олег уже слышал эти разговоры. Сейчас их вести – совсем уж пустое дело. Он хотел было пойти в сарай, где Старый с учениками снимал шкуры с убитых шакалов, поговорить со Старым. Просто поговорить. Но потом поглядел на миску с сахаром и решил съесть еще немного. Дома они с матерью доели свою долю еще на позапрошлой неделе. Он зачерпнул сахару так, чтобы ложка была неполной. Ведь он сюда не объедаться пришел.

– Пей, Марьяшка, – сказала Эгли, – ты устала.

– Спасибо, – ответила Марьяна, – я грибы отмачивать положу, а то засохнут.

Олег разглядывал Марьяну, будто впервые увидел, даже ложку забыл поднести ко рту. У Марьяны губы как будто нарисованы – четко, чуть темнее к краям, удивительные губы, таких ни у кого больше нет во всем поселке. Хотя она немножко похожа на Сергеева. Совсем немного. Наверное, тоже похожа на мать, только ее матери Олег не помнил. А может быть, на своего деда. Удивительная вещь – генетика. Старый в теплице – яме за сараем, хозяйстве Марьяны – ставил для учеников опыты с горохом. Ну, правда, не с горохом, а со здешней чечевицей. Все сходилось, только с коррективами. Иные наборы хромосом, разумеется, иные. У Марьяны треугольное лицо, скулы и лоб широкие, а подбородок острый, так что глазам на лице места много, и они заняли все свободное место. И очень длинная шея, сбоку розовый шрам, с детства. К нему Марьяна привыкла, а из-за перекаатиполя переживает. Не все ли равно, есть ли у человека точки на лице или нет? У всех есть. А вместо бус у Марьяны, как у всех в поселке, веревка с деревянной бутылочкой противоядия.

– Представь себе, что поход кончится трагически, – сказал Сергеев.

– Не хотел бы, раз я в нем участвую, – отозвался Томас.

Вайткус опять засмеялся, забулькало где-то в середине бороды.

– Парни – Дик с Олегом – надежда нашего поселка, его будущее, – продолжал Сергеев. – Ты же, Томас, один из четырех последних мужчин.

– Приплюсуйте меня, – произнесла басом Луиза и начала громко дуть в чашку, чтобы остудить кипяток.

– Меня ты не убедишь, – покачал головой Томас. – Но если очень боишься, давай оставим Марьяну здесь.

– Я боюсь за дочь, да. Но сейчас разговор идет о более принципиальных вещах.

– Я пойду грибы намочу, – сказала Марьяна и легко поднялась.

– Кожа да кости, – уронила тетя Луиза, глядя на нее.

Проходя мимо отца, Марьяна дотронулась кончиками пальцев до его плеча. Тот поднял трехпалую ладонь, чтобы накрыть ею кисть Марьяны, но она уже убрала руку и быстро прошла к двери. Дверь открылась, впуслав мерный шум дождя, и громко хлопнула. Олег чуть было не сорвался вслед за Марьяной. Но удержался, неудобно как-то.

Из второй комнаты вышел, нетвердо ступая, один из сыновей Вайткуса. Сколько ему? Первый родился той весной, а другой недавно, когда выпал снег. Значит, этому полтора года? А всего у Вайткусов шестеро детей. Мировой рекорд.

– Сахару, – сказал сердито ребенок.

– Я тебе покажу – сахару! – возмутилась Эгли. – А зубы у кого болят? У меня? А босой кто ходит? Я?

Она подхватила мальчишку и унесла его из комнаты.

Олег увидел, что его рука сама по себе снова зачерпнула ложкой сахару из миски. Он рассердился на себя и вылил ложку обратно. Пустую поднес ко рту и облизал.

– Давай я тебе еще кипятку налью, – предложила тетя Луиза. – Жалко мне ребят наших, всегда какие-то недокормленные.

– Сейчас еще ничего, – добавила Эгли, возвращаясь в комнату. Вслед ей несли басовитый рев Вайткуса-младшего. – Сейчас грибы пошли. И витамины есть. Хуже с жирами...

– Мы сейчас пойдем, – произнесла тетя Луиза. – Ты бледная совсем.

– Ты же знаешь почему. – Эгли постаралась улыбнуться. Но улыбка получилась гримасой, как будто ей больно.

Эгли месяц назад родила ребенка, девочку, мертвую. Старый сказал, что ей уже поздно рожать. И организм истощен. Но она человек долга. Род должен продолжаться. «Понимаешь?»

– Спасибо за угощение, – сказала тетя Луиза.

– Как ты умудрилась раздаться, непонятно, – пожал плечами Томас, глядя, как громоздкое тело тети Луизы плывет к двери.

– Это я не от хорошей жизни распухла, – кинула Луиза, не оборачиваясь. В дверях она остановилась и сказала Олегу: – Ты от всех треволнений к Кристине забыл зайти. Они тебя ждут. Нехорошо.

Конечно. Как плохо! Он же должен был час назад зайти.

Олег вскочил.

– Я сейчас.

– Ну ладно. Я так, для дисциплины, – махнула рукой тетя Луиза. – Я сама загляну. Своих сирот накормлю и зайду.

– Не надо.

Олег выскочил на улицу следом за тетей Луизой. И тут вспомнил, что забыл поблагодарить Эгли за кипяток с сахаром: стало неловко.

Они пошли рядом, идти недалеко. Весь поселок можно обежать за пять минут по периметру изгороди.

Дома под косыми односкатными крышами теснились, прижимались один к другому двумя полосками по обе стороны прямой дорожки, что резала поселок пополам: от ворот в изгороди до общего сарая и склада. Крытые плоскими длинными розовыми листьями водяных тюльпанов крыши блестели под дождем, отражая всегда серое, всегда туманное небо. Четыре дома на одной стороне, шесть домов на другой. Правда, три дома пустых. Это после прошлогодней эпидемии.

Дом Кристины предпоследний, за ним только дом Дика. Тетя Луиза живет напротив.

– Не страшно уходить? – спросила тетя Луиза.

– Надо.

– Ответ, достойный мужчины. – Тетя Луиза почему-то улыбнулась.

– А Сергеев Марьяну отпустит? – спросил Олег.

– Пойдет твоя Марьяна, пойдет.

– Ничего с нами не случится, – успокоил Олег. – Четыре человека. Все вооруженные. Не первый раз в лесу.

– В лесу не первый раз, – согласилась Луиза, – но в горах совсем иначе.

Они остановились на дороге между домами Кристины и Луизы. Дверь к Луизе была приоткрыта, там блестели глаза – приемыш Казик ждал тетю.

– В горах страшно, – сказала Луиза. – Я на всю жизнь запомнила, как мы по горам шли. Люди буквально на глазах замерзали. Утром поднимаемся, а кого-то уже не добудисься.

– Сейчас лето, снега нет.

– Принимаешь желаемое за действительное. В горах всегда снег.

– Но если пройти нельзя, мы вернемся.

– Возвращайтесь. Лучше возвращайтесь.

Луиза повернула к своей двери. Казик выбежал ей навстречу. Олег толкнул дверь к Кристине.

У Кристины душно, пахнет чем-то кислым, плесень уже закрыла стены, как обои, и хоть плесень желтая, оранжевая, яркая, в комнате от этого не светлей. И светильник не горит.

– Привет, – сказал Олег, придерживая дверь, чтобы разглядеть, кто где в этой комнате. – Вы не спите?

– Ох, – отозвалась Кристина, – пришел все-таки, я думала, что не придешь, забудеешь. Раз вы в горы собрались, зачем обо мне помнить?

– Ты не слушай ее, Олег, – произнесла тихо, очень тихо, почти шепотом Лиз. – Она всегда ворчит. Она и на меня ворчит. Надоело.

Олег нашел стол, пошарил по нему руками, отыскал светильник, вынул из кошелька на пояс кремень и трут.

– Чего без света сидите? – спросил он.

– Там масло кончилось, – ответила Лиз.

– А где банка?

– Нет у нас масла, – вздохнула Кристина. – Кому мы нужны, две беспомощные женщины?

Кто принесет нам масла?

– Масло на полке, справа от тебя, – сказала Лиз. – Вы когда уходите?

– После обеда. Как себя чувствуешь?

– Хорошо. Только слабость.

– Эгли сказала, что дня через три ты уже встанешь. Хочешь, мы тебя к Луизе перенесем?

– Я не оставляю маму.

Кристина не была ей матерью. Но они давно жили вместе. Когда они пришли в поселок, Лиз было меньше года, она была самая маленькая. Ее мать замерзла на перевале, а отец погиб еще раньше. Кристина несла Лиз все те дни. Она тогда была сильная, смелая, у нее еще были глаза. Так и остались они вдвоем. Потом Кристина ослепла. Из-за тех же перекаטיפоле: не знали еще, что делать. Вот и ослепла. Она редко выходит из дома. Только летом, если нет дождя. Все уже привыкли к дождю, не замечают его. А она не привыкла. Если дождь, ни за что не выйдет. А если сухо, сядет на ступеньку, угадывает по шагам проходящих мимо и жалуется. А раньше она была крупным астрономом. Очень крупным астрономом. Лиз как-то сказала Олегу: «Представь себе трагедию человека, который всю жизнь смотрел на звезды, а потом попал в лес, где звезд не бывает, и к тому же вообще ослеп. Тебе этого не понять».

– Конечно, – сказала Кристина, – перенесите ее куда-нибудь. Зачем ей со мной подыхать?

Олег отыскал на полке банку с маслом, налил в светильник и зажег его. Сразу стало светло. И видна широкая кровать, на которой под шкурой лежали рядом Кристина и Лиз. Олег всегда удивлялся, насколько они похожи, не поверишь, что даже не родственники. Обе белые, с желтыми волосами, с широкими плоскими лицами и мягкими губами. У Лиз зеленые глаза. У Кристины глаза закрыты. Но говорят, что были зелеными.

– Масла еще на неделю хватит, – сказал Олег, – потом Старый принесет. Вы не экономьте.

Чего в темноте сидеть?

– Жаль, что я заболела, – произнесла Лиз. – Я хотела бы пойти с тобой.

– В следующий раз.

– Через три года?

– Через год.

– Через этот год, значит, через три наших года. У меня слабые легкие.

– До зимы еще долго, выздоровеешь.

Олег понимал, что говорит не то, чего ждала от него эта девушка с широким лицом. Когда она говорила о походе, она имела в виду совсем другое: чтобы Олег всегда был вместе с ней, потому что ей страшно, она совсем одна. Олег старался быть вежливым, но не всегда удавалось: Лиз раздражала – ее глаза всегда чего-то просили.

Кристина поднялась с постели, подобрала палку, пошла к плите. Она все умела делать сама, но предпочитала, чтобы помогали соседи.

– С ума сойти, – бормотала она. – Я, видный ученый, женщина, некогда известная своей красотой, вынуждена жить в этом хлеву, брошенная всеми, оскорбленная судьбой...

– Олег, – начала Лиз, поднимаясь на локте. Открылась большая белая грудь, и Олег отвернулся. – Олег, не уходи с ними. Ты не вернешься. Я знаю, ты не вернешься. У меня предчувствие...

– Может, воды принести? – спросил Олег.

– Есть вода, – ответила Лиз. – Ты не хочешь меня послушать. Ну хотя бы раз в жизни!

– Я пошел.

– Иди.

В дверях его догнали слова:

– Олечка, ты смотри, может, там есть лекарство от кашля. Для Кристины. Ты не забудешь?

– Не забуду.

– Забудет, – отозвалась Кристина. – И в этом нет ничего удивительного.

– Олег!

– Ну что?

– Ты не сказал мне «до свидания».

– До свидания.

* * *

Старый мылся на кухне над тазом.

– Крупных зверей вы убили, – сказал он. – Шерсть только плохая, летняя.

– Это Дик с Сергеевым.

– Ты сердит? Ты был у Кристины?

– Там все в порядке. Потом принесите им масла. И еще у них картошка кончается.

– Не беспокойся. Заходи ко мне, поговорим напоследок.

– Только недолго! – крикнула мать из-за перегородки.

Старый ухмыльнулся. Олег снял полотенце, протянул ему, чтобы удобнее было вытереть левую руку. Правую старик потерял лет пятнадцать назад, когда они первый раз пытались пройти к перевалу.

Олег прошел в комнату Старого, сел за стол, отполированный локтями учеников, отодвинул самодельные счеты с сушеными орехами вместо костяшек. Сколько раз он сидел за этим столом? Несколько тысяч раз. И почти все, что знает, услышал за этим столом.

– Мне страшнее всего отпускать тебя, – произнес старик, садясь напротив, на учительское место. – Я думал, что через несколько лет ты сменишь меня и будешь учить детей.

– Я вернусь, – ответил Олег. Он подумал: «А что сейчас делает Марьяна?» Грибы она уже замочила, потом переложила свой гербарий, она обязательно перекладывает гербарий. Собирается? Говорит с отцом?

– Ты меня слушаешь?

– Да, конечно, учитель.

– И в то же время я сам настаивал на том, чтобы тебя взяли за перевал. Пожалуй, это тебе нужнее, чем Дику или Марьяне, ты будешь моими глазами, моими руками.

Старый поднял руку и посмотрел на нее с интересом, словно никогда не видел. И задумался. Олег молчал, оглядывая комнату. Старый иногда замолкал так, внезапно, на минуту, на две. У каждого свои слабости. Огонек светильника отражался на отполированном, как всегда, чистом микроскопе. В нем не было главного стекла. Сергеев тысячу раз говорил Старому, что пустая трубка слишком большая роскошь, чтобы держать ее на полке как украшение. «Дай мне в мастерскую, Боря. Я из нее сделаю два чудесных ножа». А Старый не отдавал.

– Прости, – сказал старик. Он моргнул два раза добрыми серыми глазами, погладил аккуратно подрезанную белую бороду, за которую тетка Луиза звала его купцом. – Я размышлял. И знаешь о чем? О том, что в истории Земли уже бывали случаи, когда по несчастливой случайности группа людей оказывалась отрезанной от общего потока цивилизации. И тут мы вступаем в область качественного анализа...

Старик опять замолк и пожевал губами. Ушел в свои мысли. Олег к этому привык. Ему нравилось сидеть рядом со стариком, просто молчать, ему казалось, что знаний в старике так много, что сам воздух комнаты полон ими.

– Да, конечно, надо учитывать временной диапазон. Диапазон – это расстояние. Запомнил?

Старый всегда объяснял слова, которые ученикам не встречались.

– Одному человеку для деградации достаточно нескольких лет. При условии, что он белый лист бумаги. Известно, что дети, которые попадали в младенчестве к волкам или обезьянам, а такие случаи отмечены в Индии и Африке, через несколько лет безнадежно отставали от своих сверстников. Они становились дебилами. Дебил – это...

– Я помню.

– Прости. Их не удавалось вернуть человечеству. Они даже ходили только на четвереньках.

– А если взрослый?

– Взрослого волки не возьмут.

– А на необитаемый остров?

– Варианты различны, но человек неизбежно деградирует... степень деградации...

Старик взглянул на Олега, тот кивнул. Он знал это слово.

– Степень деградации зависит от уровня, которого человек достиг к моменту изоляции, и от его характера. Но мы не можем ставить исторический эксперимент на одной сложившейся особи. Мы говорим о социуме. Может ли группа людей в условиях изоляции удержаться на уровне культуры, в каковой находилась в момент отчуждения?

– Может, – ответил Олег. – Это мы.

– Не может, – возразил старик. – Но для младенца достаточно пяти лет, для группы, даже если она не вымрет, потребуется два-три поколения. Для племени – несколько поколений... Для народа, может быть, века. Но процесс необратим. Он проверен историей. Возьмем австралийских аборигенов...

Вошла мать Олега, она была причесана, надела выстиранную юбку.

– Я посижу с вами, – сказала она.

– Посиди, Ирочка, – кивнул старик. – Мы беседуем о социальном прогрессе. Вернее, регрессе.

– Я уже слыхала. Ты рассуждаешь, через сколько времени мы начнем ходить на четвереньках? Так я тебе отвечу – раньше мы все передохнем. И слава богу. Надоело.

– А ему не надоело, – не согласился старик. – И моим близнецам не надоело.

– Из-за него и живу, – напомнила мать, – а вы его посылаете на верную смерть.

– Если встать на твою точку зрения, Ира, – сказал Старый, – то здесь смертью грозит каждый день. Здесь лес – смерть, зима – смерть. Наводнение – смерть, ураган – смерть, укус шмеля – смерть. И откуда смерть выползет, какое она примет обличье, мы не знаем.

– Она выползает, когда захочет, и забирает, кого пожелает. Одного за другим.

– Нас больше, чем пять лет назад. Главная проблема – не физическое выживание, а моральное.

– Нас меньше! Нас с тобой меньше! Ты понимаешь, нас совсем не осталось! Что эти щенки могут без нас?

– Можем, – ответил Олег. – Ты в лес одна пошла бы?

– Лучше повеситься. Я порой на улицу боюсь выходить.

– А я хоть сейчас пойду. И вернусь. С добычей.

– То-то сегодня Дика с Марьяшкой еле спасли.

– Это случайность. Ты же знаешь, что шакалы стаями не ходят.

– Ничего не знаю! Пошли все-таки стаей или нет? Пошли?

– Пошли.

– Значит, ходят...

Олег не стал больше возражать. Мать тоже замолчала. Старый вздохнул, дождался паузы и продолжил свой монолог:

– Я почему-то сегодня вспомнил одну историю. Тысячу лет не вспоминал, а сегодня вспомнил. Может, просто к месту пришлось? Случилось это в 1530 году, вскоре после открытия Америки. Немецкое китобойное судно, которое промышляло к югу от Исландии, попало в шторм, и его отнесло на северо-запад, в неизвестные воды. Несколько дней корабль несло по волнам среди айсбергов. Айсберг – это...

– Это ледяная гора, я знаю.

– Правильно. Через несколько дней показались заснеженные гористые берега неизвестной земли. Теперь она называется Гренландией. Корабль бросил якорь, и моряки спустились на берег. И представляете их удивление, когда вскоре они увидели полуразрушенную церковь, потом остатки каменных хижин. В одной из хижин они нашли труп рыжеволосого мужчины в одежде, кое-как сшитой из тюленьих шкур, рядом сточенный, ржавый нож. А вокруг запустение, холод, снег...

– Не пугай, Боря, – прервала его мать. Пальцы ее нервно стучали по столу. – Псевдоисторические сказки...

– погоди. Это не сказка. Это строго документировано. Тот человек был последним викингом. Ты помнишь, Олег, кто такие викинги?

– Вы рассказывали о викингах.

– Викинги бороздили моря, завоевывали целые страны, они заселили Исландию, высаживались в Америке, которую называли Винланд, даже основали свое царство на Сицилии. И у них была крупная колония в Гренландии. Там было несколько поселков, стояли каменные дома и церкви. Но вот корабли викингов перестали выходить в море. Колонии их перешли к другим народам или были заброшены. Прервалась связь с Гренландией. А тем временем климат там становился все более суровым, скот вымирал, и гренландские поселения приходили в упадок. В первую очередь потому, что потеряли связь с миром. Гренландцы, некогда смелые моряки, разучились строить морские корабли, их становилось все меньше. Известно, что в середине XV века в Гренландии была сыграна последняя свадьба. Потомки викингов дичали, их было слишком мало, чтобы противостоять стихии, добиться прогресса или хотя бы сохранить старое. Ты представляешь себе трагедию – последняя свадьба в целой стране? – Старый обращался к матери.

– Твои аналогии меня не убеждают. Много ли было викингов, мало ли – ничего бы их не спасло.

– А ведь альтернатива была. Приди тот немецкий корабль тридцатью годами раньше, и все сложилось бы иначе. Эти викинги могли бы уплыть на континент и вернуться в человеческую семью. Или иначе – наладилась бы связь с другими странами, появились бы торговцы, новые поселенцы, хотя бы новые орудия труда, знания... И все было бы иначе.

– К нам никто не приплывет.

– Наше спасение – не вживание в природу, – произнес старик уверенно. На этот раз он обернулся к Олегу. – Нам нужна помощь. Помощь остального человечества. И потому я настаиваю, чтобы твой сын шел за перевал. Мы еще помним. И наш долг – не обрывать нить.

– Пустой разговор, – устало сказала мать. – Водички согреть?

– Согрей, – ответил Старый. – Побалуемся кипятком. Нам грозит забывание. Уже сейчас носителей хотя бы крох человеческой мудрости, знаний становится все меньше. Одни гибнут, умирают, другие слишком поглощены борьбой за выживание... И вот появляется новое поколение, вы с Марьяной еще переходный этап. Вы как бы звено, соединяющее нас с нашим будущим. Каким оно будет, ты представляешь себе?

– Мы не боимся леса. Мы знаем грибы и деревья, мы можем охотиться в степи...

– Я боюсь будущего, в котором господствует новый тип человека – Дик-охотник. Он для меня символ отступления, символ поражения человека в борьбе с природой.

– Ричард – хороший мальчик, – отозвалась мать из кухни. – Ему нелегко приходилось одному.

– Я не о характере, – сказал Старый. – Я о социальном явлении. Когда ты, Ирина, научишься абстрагироваться от мелочей?

– Буду я абстрагироваться или нет, но если бы той зимой Дик не убил медведя, мы бы все перемерли с голоду, – сказала мать.

– Дик уже ощущает себя аборигеном этих мест. Он бросил ходить ко мне пять лет назад. Я не уверен, помнит ли он азбуку.

– Зачем? – спросила мать. – Книг все равно нету. И письма писать некуда. И некому.

– Дик много песен знает, – вступил Олег. – И сам сочиняет. – Олегу стало немного стыдно, что ему приятно ощущать недоброжелательство старика к Дику, и потому он решил Дика защитить.

– Не в песнях дело. Песня – заря цивилизации. А для малышей Дик – кумир. Дик – охотник! А для вас, бабы, он пример. «Посмотри на Дика. Вот хороший мальчик!» А для девочек он рыцарь. Ты не обращала внимания, какими глазами на него глядит Марьяшка?

– Пускай глядит. Замуж выйдет. Для поселка хорошо.

– Мама! – не выдержал Олег.

– А что?

Мать, как всегда, ничего не замечала вокруг, жила в каком-то своем мире, переживала древности.

– И тебя радует мир диких? – Старик был зол. Он даже грохнул кулаком по столу. – Мир благополучных быстроногих дикарей?

– А что ты предлагаешь взамен?

– Вот его. – Старик положил тяжелую ладонь на затылок Олегу. – Мир Олега – это мой мир, это твой мир, от которого ты пытаешься отмахнуться. Хотя тебе-то никакого другого не дано.

– Ты не прав, Боря. – Мать пошла на кухню, сняла с огня миску с кипятком и принесла в комнату. – Сахар кончился.

– У меня тоже, – ответил старик. – Сейчас корни худые, несладкие. Эгли говорит, что придется месяц потерпеть. Поедим с хлебом. Ты же интеллигентная женщина и должна понимать, что мы обречены на вырождение, если на смену нам придут дики-охотники.

– Не согласна я с тобой, Боря, – сказала мать. – Нам бы выжить. Я сейчас не о себе конкретно говорю, а о поселке. О детишках. Когда я гляжу на Дика или на Марьянку, у меня появляется надежда. Ты их называешь дикими, а я думаю, что они смогли приспособиться. И если они сейчас погибнут, мы все погибнем. Слишком велик риск.

– А я, значит, не приспособился? – спросил Олег.

– Ты меньше других приспособился.

– Ты просто боишься за меня, – ответил Олег. – И не хочешь, чтобы я шел в горы. А я из арбалета стреляю лучше Дика.

– Я боюсь за тебя, конечно, боюсь. Ты у меня один. Ты все, что у меня осталось. А ты с каждым днем все больше от меня отрываешься, уходишь куда-то, чужим становишься.

Старик мерно шагал по комнате, так бывало, когда он недоволен учениками, если они лентяят. Нагнулся, поднял с табуретки глобус. Он его сделал из гриба-гиганта, который вырос той зимой у сарая. Они тогда с Олегом вместе терли краски, цветную глину, которую Марьяна и Лиз отыскивали у ручья, ту самую, из которой теперь делают мыло. Ее высушили, получилось два цвета – белый и серый. А сам гриб был сиреневым. И Старый по памяти нарисовал все материки и океаны Земли. Глобус получился бледным, а за два года еще больше побледнел и стерся, стал как круглое яблоко.

Олег увидел на столе маленькое пятнышко розовой плесени. Это не желтая, это ядовитая плесень. Он осторожно стер пятнышко рукавом. Глупо, когда родная мать предпочитает тебе другого. В общем, это предательство. Самое настоящее предательство.

– Мы с тобой умрем, – напомнил старик.

– И отлично. Пожили достаточно, – отрезала мать.

– Тем не менее не спешим умирать, цепляемся за эту жизнь.

– Мы трусливы.

– У тебя всегда есть Олег.

– Я жила ради него.

– Мы с тобой умрем, – продолжал старик, – но поселок должен жить. Иначе пропадет смысл нашего с тобой существования.

– Больше шансов выжить у поселка охотников, – настаивала мать.

– Больше шансов выжить у поселка таких, как Олег, – сказал старик. – Если править нашим племенем будут Дик и ему подобные, то через сто лет никто не вспомнит, кто мы такие, откуда пришли. Восторжествует право сильного, законы первобытного племени.

– И будут они плодиться и размножаться. И станет их много. И изобретут они колесо, а еще через тысячу лет – паровую машину. – Мать засмеялась, как будто заплакала.

– Ты шутишь? – спросил Олег.

– Ирина права, – ответил старик. – Борьба за существование в элементарной форме приводит к безнадежному регрессу. Выжить ценой вживания в природу, принятия ее законов – значит сдаться.

– Но все-таки выжить, – стояла на своем мать.

– Она так не думает, – сказал Олег.

– Конечно, она так не думает, – согласился Старик. – Я знаком с Ириной уже двадцать лет. И знаю, что она так не думает.

– Я вообще предпочитаю не думать.

– Врешь, – сказал Старый. – Мы все думаем о будущем, боимся и надеемся. Иначе перестанем быть людьми. Именно груз знаний, которыми не отягощает себя Дик, заменяя их простыми законами леса, может нас спасти. И пока есть альтернатива, мы можем надеяться.

– Ради этой альтернативы ты гонишь Олежку в горы?

– Ради сохранения знаний, ради нас с тобой. Ради борьбы с бессмыслицей, неужели не ясно?

– Ты всегда был эгоистом.

– Твой материнский слепой эгоизм не в счет?

– Зачем тебе Олег? Он не перенесет путешествия. Он же слабый.

Этого говорить не следовало. Мать поняла сама и взглянула на Олега, глазами умоляя его не обижаться.

– Я не обижаюсь, мам. Но я хочу идти. Может, хочу больше, чем все остальные. Дик бы даже с удовольствием остался. Сейчас олени кочевать начнут. Самая охота в степи.

– Он нужен в походе, – сказал старик. – Как бы я ни возмущался перспективами его власти, сегодня его умение, его сила могут нас спасти.

– Спасти! – Мать оторвала взгляд от Олега. – Ты талдычишь о спасении. А сам в него веришь? Три раза люди ходили в горы, сколько вернулось? С чем?

– Тогда мы были еще неопытны. Мы не знали здешних законов. Мы шли, когда на перевале был снег. Теперь мы знаем, что он тает только в конце лета. За любое знание приходится платить.

– Если бы те не погибли, мы бы жили лучше. Было бы больше кормильцев.

– Но все равно мы оказались бы во власти закона деградации. Или мы часть человечества и бережем его знания, или мы дикари.

- Ты идеалист, Боря, кусок хлеба сегодня нужнее абстрактных ананасов.
- Но ведь ты помнишь вкус ананаса? – Старый повернулся к Олегу и добавил: – Ананас – это тропический плод со специфическим вкусом.
- Я понял, – ответил Олег. – Смешное слово.

Глава вторая

- Бумага, – повторил Старый. – Хоть десяток листов.
- Будет тебе бумага, – пообещал Томас.

Те, кому уходить, собрались у ворот в изгороди. Остальные пришли их проводить. Все делали вид, что поход самый обыкновенный, как за корнями к болоту, а прощались как будто навсегда.

Те, кто уходил, были тепло одеты – одежду собирали по всему поселку. Тетя Луиза сама отбирала, ушивала, подгоняла. Наверное, Олег никогда не был так тепло одет. Только Дик ничего лишнего не взял. Он сам себе все шьет.

Дождь почти перестал, в лужах вокруг столбов плескались, пищали плавунцы. К хорошей погоде.

Томас посмотрел на плавунцов.

- Дождь перестает. Надо бы столбы укрепить.
- Не думай об этом, – ответила тетя Луиза, – без тебя справимся.
- А ты мне что принесешь, пап? – спросила рыжая Рут, дочка Томаса.
- Не надо, – отозвалась его жена Линда. – Не надо даже думать об этом. Главное, чтобы папа вернулся. Закутай горло, ты опять кашляешь.
- С перевала держи правее, – сказал Вайткус Томасу. – Помнишь?
- Помню, – улыбнулся Томас. – Как сейчас помню. Ты бы лег...

Мать держала Олега за руку, и он не смел вырвать руку, хотя ему казалось, что Дик чуть усмехается, глядя на него. Она хотела пойти с ними до кладбища, но Сергеев ее не пустил. Он никого не пустил, кроме Луизы со Старым.

Олег несколько раз оборачивался. Мать стояла, приподняв руку, словно хотела помахать вслед и забыла. Она старалась не плакать.

Над изгородью были видны головы взрослых. Мать, Эгли, Линда, Сергеев, Вайткус, а сквозь колючки, пониже, темнели фигуры ребятишек. Маленькая шеренга людей, за ними – покатые, блестящие под дождем розовые крыши маленькой кучки домиков.

С холма Олег обернулся в последний раз. Все так и стояли у изгороди, только кто-то из малышей отбежал в сторону и возился у лужи. Отсюда, сверху, была видна улица – дорожка между хижинами. И дверь дома Кристины. Какая-то женщина стояла в дверях. Но с холма не разберешь, Кристина или Лиз. А потом вершина холма скрыла поселок из виду.

Кладбище тоже было окружено изгородью. Дик, прежде чем отодвинуть калитку, заглянул внутрь, не таится ли там какой-нибудь зверь. Олег подумал, что он сам, наверное, забыл бы это сделать.

Странно, отметил он, что могил, придавленных плитами мягкого сланца, отломанного от близких скал, куда больше, чем людей в поселке. Хотя поселку всего шестнадцать лет. Отца здесь нет, он остался за перевалом.

Дик остановился перед двумя одинаковыми плитами, обтесанными аккуратнее прочих. Это его отец и мать.

Поднялся ветер, холодный и занудный. Старый медленно шел от могилы к могиле. Он всех их знал. Сколько их было шестнадцать лет назад? Кажется, тридцать шесть человек взрослых и четверо детей. А осталось? Девять взрослых и трое из тех детей, что пришли. Трое. Дик, Лиз и Олег. Марьяна родилась уже здесь. И еще живы двенадцать детей из тех, кто родился в

поселке. Значит, семнадцать лет назад здесь было сорок человек, сейчас двадцать с хвостиком. Простая арифметика. Нет, не простая. Могил куда больше, это все малыши, которые умерли или погибли. Здешние.

Над ухом, словно подслушав его мысли, тетя Луиза сказала:

– Большинство умерло в первые пять лет.

– Конечно, – согласился Старый, – мы платили за опыт.

– Чудо, что все в первый год не умерли, – добавил Томас.

Они остановились перед плитами в центре кладбища. Плиты были неотесанные, грубые, кривые, они почти ушли в землю, и цепкие лапки мха заплели их, превратив в округлые холмики.

Олегу захотелось вернуться, чтобы еще раз увидеть поселок, он знал: мать стоит у изгороди и надеется, что он это сделает. Олег даже пошел к калитке в изгороди, но тут Томас сказал:

– Пора идти. Скоро начнет темнеть, а надо дойти до скал.

– Ой! – воскликнула Марьяна. Она быстро перебирала пальцами по мешку, висевшему через плечо.

– Забыла чего? – спросил Дик.

– Нет. Хотя забыла... Я на отца погляжу...

– Пошли, пошли, Марьяшка, – покачал головой Томас. – Чем скорее мы пойдем, тем скорее вернемся.

Олег увидел, что глаза Марьяны полны слез. Еще чуть-чуть – и выльются на щеки.

Марьяна отстала от остальных. Олег подошел к ней и сказал:

– Я тоже хотел вернуться. Ну, хоть бы с холма поглядеть.

Они шли рядом и молчали.

Шагах в тридцати от изгороди, где начинался коварный липкий кустарник, остановились.

Луиза всех поцеловала, Старый попрощался за руку. Последним с Олегом.

– Я очень на тебя надеюсь, – произнес он. – Больше, чем на Томаса. Томас заботится о благе поселка, о сегодняшнем дне. Ты должен думать о будущем. Ты меня понимаешь?

– Хорошо, – кивнул Олег, – а вы за мамой посмотрите, чтобы не скучала. Я принесу микроскоп.

– Спасибо. Возвращайтесь скорей.

Дик первым вошел в кустарник, легко и быстро отбрасывая концом копья легкие щупальца.

– Держитесь ближе ко мне, – велел он. – Пока они не опомнились.

Олег не оборачивался. Некогда было оборачиваться. Обернешься – ветка прилипнет к чеботу, потом не оторвешь, а оторвешь – три недели вонять будет. Отвратительный кустарник.

* * *

К сумеркам добрались до скал. Как Томас и рассчитывал.

Лес не доходил до скал, их алые зубы торчали из голой, покрытой пятнами лишайника долины, клочья облаков пролетали так низко, что острия скал вспарывали им животы и исчезали в сером мареве. Томас сказал, что пещера, в которой он ночевал в прошлый раз, сухая и добраться до нее легко. Все, кроме Дика, устали. А Дик, если и устал, об этом никому не говорил. Только скалил зубы.

– Тогда было холодней, – произнес Томас. – Мы тогда решили, что в холод легче перейти болота. А перевал был закрыт. Я помню, мы шли тут, и под ногами звенело – заморозки.

Между путниками и скалами лежало белесое круглое пятно метров двадцать в диаметре.

– Тут и звенело? – спросил Дик, который шел первым. Он резко остановился на краю пятна. Оно чуть поблескивало, как кора сосны.

– Да. – Томас остановился рядом с Диком.

Олег отстал. Он час назад взял у Марьяны мешок, чтобы не надорвалась. Марьяна не хотела отдавать, а Томас одобрил: «Правильно. Завтра я тебе помогу. Потом Дик». «Зачем помогать? – отозвался Дик. – Вынем ночью лишнее, разберем по мешкам, и всем незаметно, и Марьяшке легче. Надо было раньше подумать. Два месяца собирались, а не подумали».

«Интересно, а кому надо было думать? Ты такой же мыслитель, как и все», – заметил про себя Олег.

А тащить пришлось немало, хоть Дик и говорит, что можно не беспокоиться о еде, он прокормит. Все-таки взяли и вяленого мяса, и корней, и сушеных грибов, а главная тяжесть – сухие дрова, без них ни воды вскипятить, ни зверей отогнать.

– Знаете, на что это похоже? – сказала Марьяна, догнав мужчин. – На верхушку гриба. Громаднейшего гриба.

– Может быть, – ответил Дик. – Лучше мы обойдем его.

– Зачем? – спросил Олег. – По осыпи придется карабкаться.

– Я попробую, ладно? – Марьяна опустила на колени, вытащила ножик.

– Ты что хочешь делать? – спросил Томас.

– Кусочек отрежу. И понюхаю. Если это съедобный гриб, представляешь, как здорово? Весь поселок накормить можно.

– Не стоит резать, – сказал Дик. – Не нравится мне твой гриб. И не гриб это вовсе.

Но Марьяна уже вогнала нож в край пятна. Отрезать не успела – еле успела подхватить нож. Белое пятно вдруг вспучилось, задергалось, ринувшись валом в сторону Марьяны. Дик резко рванул девушку на себя, и они покатались по камням. Томас отпрыгнул следом и поднял арбалет.

Дик, сидя на камнях, расхохотался:

– Чтобы его убить, надо стрелу с дерево или больше!

– Я же говорила, что гриб, – произнесла Марьяна. – Ты зря испугался, Дик. Он пахнет, как гриб.

Судороги волнами прокатились по белому пятну, зарождаясь в центре и разбегаясь по краям, будто круги по воде от камня. А центр гриба все поднимался и поднимался, словно кто-то хотел вырваться наружу, тыкался головой. Потом от центра побежали в стороны темные трещинки, они расширялись, и получались огромные лепестки остриями к центру. Лепестки стали подниматься вверх и заворачиваться назад, пока не получился цветок.

– Это красиво, – сказала Марьяна, – это просто красиво, правда?

– А ты хотел по нему гулять, – напомнил Дик Олегу голосом старшего, хотя они ровесники.

Томас закинул арбалет на спину, подобрал Марьянин нож.

– Естествоиспытателям полезно сперва думать, а потом испытывать.

– Он ничего не может с нами сделать, – отозвалась Марьяна. – Он показывает, какой он красивый!

– Если только в нем никто не прячется, – добавил Дик. – Ну, пошли? А то стемнеет, пещеры не найдем. Все планы насмарку. Специально же вышли так, чтобы переночевать в знакомом месте.

Они обошли пятно по каменной осыпи. Сверху Олег попытался заглянуть в сердцевину цветка, но там было темно. И пусто. Лепестки постепенно сближались вновь, гриб-гигант успокаивался.

– Как мы его назовем? – спросила Марьяна.

– Мухомор, – предложил Томас.

– А мухомор – это гриб?

– Мухомор наверняка гриб, – кивнул Томас. – Ядовитый и большой. С красной шляпкой, а по красной шляпке белые пятна.

– Не очень похоже, – сказал Дик.

– Но красиво звучит, – произнесла Марьяна.

Давно уже так пошло, что названия неизвестным вещам давал Томас. Давал знакомые, не всегда совпадающие. Зачем придумывать новые? Был бы схожий признак. Грибы растут в земле, и их можно сушить. Значит, круглые оранжевые или синие шары, что закапываются в землю, но которые можно, если как следует вымочишь, сушить, варить, жарить и есть, назовем грибами. Шакалы ходят стаями, питаются падалью, трусливы и жадны. И не важно, что здесь шакалы – пресмыкающиеся. У медведя шерсть длинная, мохнатая, а сам большой... Хоть шерсть его – побеги перекаатиполя, схожие с зеленоватыми волосками.

Олег запыхался, пока они пробирались по осыпи. Камни катились из-под ног, Марьянин мешок оттягивал руку, свой давил на плечи. Олег считал шаги. Где же эта чертова пещера? Воздух начал синеть, и без того день был пасмурным, а теперь уже в десятке шагов предметы расплывались, от земли поднимался серый туман, пора прятаться, ночью даже Дик не рискнет пойти в лес. В темноте появляются ночные твари. Если выйдешь ночью за изгородь, не вернешься. А здесь, вдали от поселка... Олег обернулся... Ему показалось, что за ним кто-то идет. Нет, только туман. Он не заметил, что прибавил шагу, – тут же обернулся Томас, негромко прикрикнул:

– На меня не налетай, сшибешь. Держи дистанцию.

И все-таки Олег никак не мог отделаться от ощущения, что кто-то идет сзади.

Спина Томаса исчезла – Томас обогнал Марьяну. Теперь впереди идет Марьяшка. У нее узкая спина, даже в теплой куртке узкая. Марьяна спотыкается, она в сумерках плохо видит. Эгли сказала – куриная слепота, но не стандартная, а эндемичная. «Эндемичная... то есть свойственная данной местности», – прозвучал в ушах голос Старого, как будто тот был рядом.

– Хочешь, тебя за руку возьму? – спросил Олег.

Они вдвоем шли по болоту в тумане, утопая в нем по колени.

– Нет, – ответила Марьяна, – спасибо.

– Стойте! – Голос Дика донесся глухо, издалека. – Скалы.

* * *

Хорошо, что пещеру никто не занял. В ней мог бы прятаться медведь или кто похуже из тех сумеречных и ночных тварей, которые призраками ходят вокруг изгороди и даже иногда шатают ее, тянутся к человеческому жилью и боятся его. Как-то Марьяна притащила из леса козленка, маленького еще, по пояс. У него был занудный голос, хуже, чем у близнецов, зеленая трава волосами свисала до земли, он топтал покрытыми роговыми пластинами ногами и вопил.

«Блеет, – сказал тогда с удовлетворением Вайткус. – Обожаю голоса домашних животных».

«Значит, будет козлом», – решил Томас.

Козел дождался в поселке до зимы, когда ночь тянется почти без перерыва. Он привык к людям, почти не кусался, торчал все время в мастерской Сергеева, там было тепло. В мастерской Сергеев делал мебель и вырезал посуду. Олег любил ему помогать, ему нравилось делать руками вещи. А потом пришли ночные твари. И увели козла с собой. Марьяна нашла несколько клочков зеленой шерсти за кладбищем, но это уже было весной. Она могла ошибиться.

Вайткус тогда произнес: «Развитие животноводства отложим на будущее».

«Тем более, – добавила Эгли, – что от него пользы – как от козла молока».

У пещеры был один недостаток – широкий вход. Поперек входа натянули палатку из рыбьих шкур, зажгли костер – ночные твари не любят огня. В пещере было почти тепло, и Олег с наслаждением растянулся на гладком каменном полу. Марьяна рядом.

– Как я устала, – вздохнула она. – И страшно было.

– Мне тоже, – добавил Олег тихо. – Мне казалось, что кто-то идет сзади.

– Хорошо, что я не знала, – сказала Марьяна.

Дик раскалывал чурбачки. Они взяли с собой самые хорошие дрова – которые медленно горят. Томас раскрыл мешок с сушеными грибами, достал котелок на треноге.

– Олег, – попросил он, – подай воду.

Вода была у Олега в мешке, в сосуде из тыквы. Томасу всего-то надо было сделать два шага и взять воду самому. Олег понял, что Томас говорит в воспитательных целях. Не хочет приказывать Олегу, чтобы тот встал и занялся каким-нибудь делом. А разве он не работал – палатку вместе повесили, костер горит. «В следующий раз, если меньше устану, займусь хозяйством, ведь я Марьянин мешок волочил...»

Но Олег ничего, конечно, вслух не сказал. И не успел подняться, как Дик протянул длинную руку и подвинул мешок Олега Томасу.

– Пускай отдыхает, – произнес он без всякого чувства, равнодушно. – Он устал. Два мешка тащил.

– Пускай полежит, – согласился Томас.

Олег сел.

– А что нужно делать? – спросил он. – Когда нужно, я всегда делаю.

– Погодите, Томас, – сказала Марьяна, – я сама кипяток заправлю. Вы не знаете, сколько грибов класть.

– У меня было чувство, – бросил Дик, – что за нами кто-то шел.

– И у тебя? – отозвался Олег.

И тут они услышали чьи-то тяжелые шаги у входа. Дик метнулся к арбалету. Томас наклонился к костру, готовый схватить полено. Шаги умолкли. Стало очень тихо. Слышно лишь, как редкие капли дождя срываются с козырька над входом в пещеру.

– Мы вовремя успели, – сказала Марьяна.

– Тише.

Но за блестящим пологом из рыбьих шкур, на котором металась отсветы пламени, ничего не было слышно.

Дик, держа копьё наготове, подошел к пологу, осторожно отодвинул угол, выглянул.

Олег смотрел на его широкую напряженную спину и ждал. Надо было взять копьё... Но ведь это дело Дика. Несправедливость такой мысли была очевидна Олегу, но можно было утешить себя тем, что его дело в другом. Он должен увидеть то, что неинтересно видеть остальным. Старик надеется на него...

Марьяна возилась у костра, разбирая грибы и сушеные соленые ягоды, она их всегда варила отдельно, а потом смешивала. Она стояла на коленях, рукава куртки закатаны, тонкие руки в ссадинах и шрамах. Олег подумал, что руки Марьяны красивые, а шрамы – это пустяки, у всех шрамы.

Томас тоже смотрел на быстрые руки Марьяны, смотрел, как девушка углубилась в священнодействие, которое для него, пришельца на этой планете, не имело смысла, видел шрамы на ее руках – цену, которую лес взял за учение, и думал о пропасти, что поселок роет между ним и этими подростками, которые сейчас отлично заснут на каменном полу, не прикрывшись и не чувствуя влажного, промозглого холода, а запах этих растительных каракатиц, которые они называют грибами, им не противен, они с этим запахом свыклись... впрочем, здесь дети пахнут иначе, чем дома. Даже свои дети. И Рут в собственные восемь лет, попади в лес, может, и не пропадет, по крайней мере, не умрет с голоду. Лес хоть и опасное, коварное место, но

свое. И если он, Томас Хинд, в этом лесу человек, то они оленята, зайцы и даже волчата – не самые сильные, но хитрее многих, не пропадут.

Марьяна надкусила сомнительный гриб, пискнула, отбросила его в угол. А на вид гриб как гриб...

Снова кто-то тяжело прошел, чуть не коснувшись полупрозрачной занавески. «Чертовы призраки тьмы. Ходят слоны, не удивлюсь, если ядовитые... Ребята устали, но у Дика такой вид, будто он сейчас готов гоняться за шакалами по чаще. Олег, конечно, послабее. Парень неглупый...»

Занавес колыхнулся, ночной гость, видно, решил сорвать его. Томас поднял головешку и опередил Дика, выглянул в сумерки, в туман. Темная тень отплыла вдаль, растворилась в сером тумане, словно шутник утянул к себе воздушный шар.

– Не знаю, – произнес Томас, – я такого раньше не видел.

– Придется дежурить у костра, – решил Дик.

– Я совсем не хочу спать, – сказал Олег.

– Сейчас бы хороший пистолет, – вздохнул Томас.

– Через пять минут будет суп, – предупредила Марьяна. – Вкусный суп. Тетя Луиза нам все лучшие грибы отобрала, постаралась.

Далеко-далеко что-то чавкнуло, ухнуло. Потом раздался легкий топот многочисленных ног и блеяние. В несколько голосов.

Марьяна вскочила на ноги.

– Козлы!

– Твоего уже съели, – бросил Дик. – Кто же их гонит?

– Ядовитый слон, – неожиданно для самого себя сообщил Томас.

– Кто? – удивилась Марьяна.

Дик засмеялся.

– Так и будем звать.

Блеяние перешло в высокий крик, так кричит ребенок. Потом все стихло. И снова топот.

– Я думаю, их выпускает белый гриб, – заметил Олег.

– Кого? – спросил Дик.

– Ядовитых слонов.

– Это злые духи, Кристина рассказывала, – произнесла Марьяна.

– Злых духов нет, – ответил Олег.

– А ты в лес подальше заберись, – предложил Дик.

– Помолчите, – одернул их Томас.

Совсем близко промчались козлы. Следом, мягко и редко ступая, двигался преследователь. Люди отодвинулись за костер, оставив огонь между собой и занавеской. Незнакомые твари страшны, потому что не знаешь их повадок.

Занавеска рванулась в сторону, распоролась наискосок, и в пещеру ворвалось зеленое волосатое существо, ростом с человека, но круглое, на четырех ногах, с костистым гребнем вдоль спины, торчащим из шерсти, как цепь крутых холмов из леса.

Зверь быстро и мелко дрожал. Его маленькие красные глаза смотрели бессмысленно и обреченно.

Дик прицелился из арбалета, стараясь бить наверняка.

– Стой! – закричала Марьяна. – Это же козел!

– Правильно, – прошептал Дик, не двигаясь с места и даже не шевеля губами, – это мясо.

Но Марьяна уже шла к козлу, обходя костер.

– погоди, – постарался остановить ее Томас.

Марьяна стряхнула его руку.

– Это мой козел, – сказала она.

– Твой давно уже помер, – заверил ее Дик, но его рука с арбалетом опустилась: мясо у них еще было, а убивать просто так Дик не любил. Охотники убивают столько, сколько можно унести.

Козел попятился. И замер. Видно, то, что подстерегало снаружи, было страшнее Марьяны. Марьяна наклонилась, быстро подхватила из мешка вкусный сушеный гриб и протянула козлу. Тот вздохнул, понюхал, распахнул бегемотью пасть и послушно схрупал подарок.

* * *

Первым дежурил Олег. Козел не уходил. Он отступил к стене, будто старался влиться в нее, смотрел одним глазом на Олега и иногда шумно вздыхал. Потом начинал чесаться о стену.

– Блох напустишь, – кинул Олег. – Стой смирно, а то выгоню.

Внимательный, немигающий взгляд козла создавал впечатление, что тот слушает и понимает, но на самом деле козел прислушивался к тому, что происходило снаружи.

Глядя на догорающий костер, Олег незаметно задремал. Ему казалось, что он не спит, а видит, как взлетают над головешками синие искры и танцуют парами, сплетаются в хоровод. Козел ахнул и заблеял, застучал копытами. Олег вскинулся, не сразу сообразил, где он, и только через секунду-другую понял, что козла на старом месте нет – он отпрыгнул в глубь пещеры, а в дыру в занавесе лезет серая пупырчатая масса, медленно, тестом вваливаясь в пещеру. В массе было какое-то тупое любопытство, неспешность, упорство, а козел отчаянно блеял, умоляя его спасти, – видно, решил, что тесто пришло специально за ним. Олег почему-то успел подумать, что для ночного призрака эта масса слишком некрасива, он шарил рукой по камням и никак не мог найти арбалет, а отвести взгляд от надвигающейся близкой массы, которая испускала удушающий кислотный запах, он не мог. И потому видел, как в боку твари вдруг возникла оперенная стрела арбалета и ушла до половины в тесто, провалилась в него, и тут же легко и быстро тесто подобралось, съежилось и исчезло, края разрыва занавески сошлись, и она лениво заколыхалась.

Олег наконец-то смог опустить взгляд. Его арбалет лежал в двух сантиметрах от растопыренных пальцев. Дик сидел на полу, подтянутый, свежий, будто и не ложился спать. Он опустил арбалет и произнес:

– Может, не стоило мне стрелять. Подождал бы.

– Чего же стрелял? – спросила Марьяна. Она, не вставая, протянула руку, погладила тонкие, покрытые роговыми пластинками ноги козла, который всхлипывал по-детски, жалуясь Марьяне на свой страх.

– Олег окаменел, а эта штука уже к нему подбиралась, – сказал Дик без желания упрекнуть или обидеть Олега, сказал, как думал. Он всегда говорил, как думал. – Не было времени головешку выбирать.

– Задремал? – спросил Томас Олега.

Томас лежал, положив под голову мешок с сушеным мясом и закутавшись в одеяло. Ему было холодно, холоднее всех, он никак не мог привыкнуть к холоду. «Ему будет труднее всех, когда станет холодно в самом деле», – подумал Олег. И признался:

– Задремал. Сам не заметил. Меня козел разбудил.

– Молодец, козлик, – похвалила Марьяна.

– Хорошо, что разбудил, – сказал Дик, укладываясь на бок. Его ладонь лежала на рукояти арбалета, выточенной точно и красиво, сам делал. – Сожрали бы нас...

И он заснул, не кончив фразы.

Томасу не хотелось спать. Он встал, сменил Олега, тот чуть поспорил, но согласился, у него глаза слипались – сразу растянулся на полу. Томас накинуд на плечи одеяло. Хорошо бы подкинуть дров, но дрова надо беречь, их не так много, а будет холодно. Он вспомнил, как было

холодно, когда они в первый раз шли к перевалу, – смертельно и безнадежно холодно. Дальше всего они прошли во второй раз. Правда, и вернулись из того похода только двое: он и Вайткус.

Томас поглядел на ребят. Почему они не чувствуют, что на камнях спать жестко и холодно? Это естественные дикари, глядящие на него, старика, с вежливым снисхождением аборигенов. Как бы ни пугал их Борис, они с каждым годом все лучше вживаются в этот мир мокрого леса и серых облаков. А Борис прав и не прав. Он прав, что переход в дикость неизбежен. Томас видит его и в собственной дочери, и в других малышах. Но, очевидно, это и есть единственный выход, единственная возможность спастись. А перевал – тот символ, в который уже никто не верит, но от которого трудно отказаться.

Козел переступил ногами, постучал копытами о камень. Дик открыл глаза, не двигаясь, прислушался, снова заснул. Марьяна во сне подкатилась к Олегу под бок и положила голову ему на плечо. Так уютнее. Далеко в лесу что-то ухнуло, и прокатился медленный затихающий рокот. Томас выбрал полешко потоньше и положил в костер.

* * *

Когда рассвело и в разрыв занавески полился голубой туман, вдали, в лесу, затрещали, приветствуя новый день, попрыгунчики. Дик, который дежурил у погасшего костра и стругал древки для арбалетных стрел, сложил аккуратно древки в мешок и спокойно заснул. Поэтому никто не видел, как козел ушел из пещеры. Марьяна, проснувшись, расстроилась, выскочила наружу, обежала скалы вокруг – нигде никаких следов козла.

– Я его ненавижу, – произнесла она, вернувшись.

– За то, что он не сказал тебе спасибо? – спросил Олег.

– Ему лучше с нами, безопаснее.

– Зря я его на рассвете не пристрелил, – пожалел Дик. – Я думал это сделать, но потом решил, что лучше днем.

– Так нечестно, – сказала Марьяна, – он же нас ночью спас.

– Одно к другому не имеет отношения. Разве непонятно? К тому же козел думал только о собственной шкуре.

Олег взял кожаное ведро, пошел поискать воды.

– Копье не забудь, – напомнила Марьяна.

– И не отходи далеко, – предупредил Томас.

– Не маленький, – отмахнулся Олег, но копье взял.

Туман еще не растаял, прятался в низинах, облака опускались к самой земле, и кое-где между ними и подушками тумана возникали перемычки, будто облака, пролетая, тянули руки к туману, зовя с собой. Но туман хотел спать и не любил летать по небу. Олег подумал, что согласился бы полететь с облаками вместо тумана на юг, к большим лесам, к морю, куда ходили в прошлом году Сергеев с Вайткусом и Диком. С ними еще ходил Познанский, но не вернулся. Они не смогли пройти далеко и моря так и не увидели, потому что леса там велики, полны хищных лиан, зверья и ядовитых гадов, и чем теплее, тем больше там существ, опасных для человека. Но если лететь, то можно промчаться над вершинами деревьев и над морем, как обычные птицы, которые иногда тенями возникают в облаках в хорошую погоду, но никогда не садятся на землю.

Люди умеют летать, разумеется, умеют куда быстрее, чем облака. Но в поселке все приходится начинать сначала. И это нелегко, потому что нет инструментов и времени. Олег хотел сделать воздушный шар, но для воздушного шара нужно очень много рыбьих шкур, и нитей, и иголок, а никто, кроме малышей и старика, не хотел ему помогать.

«Это неплохая абстрактная идея, – оценил тогда Сергеев. – Лет через сто мы с тобой обязательно этим займемся».

А Старый ответил: «Лет через сто мы все об этой идее благополучно забудем. Придумаем себе богов, которые живут в облаках и не велят нам, смертным, к ним приближаться».

С воздушным шаром ничего не вышло.

Олег пошел вниз, под уклон, ему показалось, что там журчит вода. В таких местах могут быть источники, ключи. Потом он вышел к каменной осыпи, за которой из земли торчала верхушка громадного гриба, что вчера вечером раскрывал свой зев. Шапка тумана сползла с белого круга, и Олег увидел, как медленно лепестками раскрывается центр гриба, а из тумана по ту сторону долинки выкатываются один за другим торжественно, держа правильные интервалы, серые, чуть темнее гриба, ноздреватые, мягкие на вид шары. Один, два, три, четыре... Так вот кто был ночным гостем, ядовитым слоном, куском теста...

– Охотники возвращаются домой, – сказал Олег тихо и вдруг понял, что шары катятся в его сторону, и катятся куда быстрее, чем кажется от равномерности их движения.

Олег начал отступать, а шары один за другим вкатились на упругую поверхность гриба и направились к центру, к разверстым лепесткам. Вот первый шар, мягко раздвинув их, ухнул внутрь, за ним второй, третий; четвертый задержался на секунду, словно проверял, все ли в порядке в дневном мире.

И исчез. И лепестки медленно, удовлетворенно сошлись в центре, поверхность гриба разгладилась, и он стал подобен замерзшему озерцу.

Олег поежился. С запада, куда лежал путь, вдруг примчался ледяной ветер, обжег лицо и руки. Напомнил о том, что их ждет. Но не этого вдруг испугался Олег, а того, что они не смогут преодолеть перевал, как не удалось это сделать в прошлых походах. Дик только порадуется – он сможет вернуться в свою любимую степь. Марьяна утешится, найдя новые травы и грибы. Томас привык к несчастьям и не верит в удачу. Плохо будет только Олегу. И Старому.

* * *

Весь день они шли по открытой местности, лишь иногда встречая заросли невысокого кустарника. В этих местах было пустынно, но идти легко, и они даже не очень устали. Томас говорил, что время угадали верно. Лето в этом году было теплое, в прошлый раз здесь уже лежал снег. Дику было скучно, он как попрыгунчик убегал в сторону, появляясь через полчаса без добычи, разочарованный.

Козлу повезло, что он вернулся как раз в одну из отлучек Дика. Иначе, решил Олег, Дик бы его обязательно пристрелил. Это был тот же самый козел. Он с шумом выскочил из зарослей – люди встретили его, ошестинившись арбалетами. Но узнали еще издали. Волосатая громадина, выше Олега в гребне, шумно обрадовалась, что встретила приятелей. Козел пробежал мимо, подкидывая тяжелый зад, гремя пластинами на спине и оглушительно бляя.

Больше козел от них не отходил. Он и Дику обрадовался, почуяв его приближение за километр, а потом влез в середину отряда, не желая идти сбоку или последним, и путался под ногами. Олегу все казалось, что козел наступит ему на ногу острым копытом, но зверь оказался деликатнее, чем при первом знакомстве.

Чутье и слух у него были замечательные. Он чувствовал присутствие живых существ за много километров, и к вечеру Марьяна уже уверяла, что понимает смысл его звуков: когда козел утверждает, что впереди поляна со вкусными грибами, а когда надо смотреть под ноги – там ползают хищные лианы.

Остановились на ночлег задолго до темноты. Дальше начинался подъем, и Томас сказал, что надо будет с утра отыскать устье ручья и подниматься по его долине, которая потом сузится, станет ущельем, и вот по этому ущелью придется идти не меньше двух дней.

Никакой пещеры или другого укрытия здесь не было, спали в палатке, что козлу не очень понравилось, и хоть опасности той ночью не было, козел все равно требовал, чтобы его пустили

в тепло, и в конце концов навалился на палатку, его все ругали, но терпели, потому что можно было не выставлять охрану – ясно уже было, что, если придет нежелательный гость, козел подымет такой шум, что всех разбудит.

* * *

К утру Олег замерз. Проснуться не было сил, во сне казалось, что его окунают в ледяное болото и выбраться он не может. Его начало колотить. Потом вдруг стало теплее. И Олег заснул спокойней, проснулся оттого, что козел решил забраться повыше на палатку. Олег подтянул ногу, открыл глаза и увидел, что Томас ночью поменялся с ним местами, лег с краю. Томас был бел от холода, он лежал, стиснув зубы, закрыв глаза, и делал вид, что спит. Олегу стало стыдно. Еще в деревне договорились, что, когда станет совсем холодно, Томаса надо беречь. У него слабые легкие, и он плохо переносит мороз, ребятам проще, они здоровые и привыкшие.

– Томас, – тихо позвал Олег, – я согрелся. Давайте меняться.

– Нет, не надо, – прошептал Томас, но губы плохо слушались.

Олег перелез через него. Рыбья кожа палатки пропускала мороз, в эту ночь под одеялами спали все, даже Дик, который утверждает, что может спать и на снегу.

– Спасибо, – произнес Томас. Его била дрожь.

Проснулась Марьяна. Она сразу все поняла.

– Я согрею воды, – решила она и начала шуршать, развязывая мешки.

Козел, сообразив, что люди проснулись, вскочил, затоптал вокруг, призывно заблеял, видно, соскучился за ночь. Дик бросил свое одеяло Томасу и быстро вылез наружу.

– Главное, – крикнул он снаружи, – двигаться! Поглядите, как здорово!

Олег заставил себя вылезти вслед за Диком.

Долина, до края которой они дошли вечером, была покрыта снегом. Снег выпал за ночь. Он был бел и чист, куда светлее облаков, которые по контрасту казались совсем фиолетовыми. Козел стоял неподалеку и выгрызал из шерсти льдинки. Белое пятно долины упиралось в крутой откос плоскогорья. Кусты, росшие на склоне, медленно шевелили ветвями, поднимая вокруг себя облачка снега.

Дик был недоволен тем, что дрова тратятся быстрее, чем рассчитывали, но сказал об этом только Олегу и тихо, когда они отошли подальше от грязного холмика палатки.

– Не надо было Томаса брать, – сказал он. – Будет болеть.

– Без него нам трудно пройти перевал.

– С ним еще труднее, – ответил Дик, пуская стрелу арбалета в темную нишу в скале. Олег ничего там не увидел, но в нише за клубился снег, оттуда вылетел заяц и большими прыжками, закинув хоботок на спину, помчался прочь. В следах его темнели капли крови.

– Я пойду подберу его, – сказал Дик. Он остался при своем мнении.

С Диком трудно спорить, потому что, когда он уверен, спора не продолжает, а просто уходит. А самые нужные слова появляются потом, и получается, что Дик берет верх, даже если неправ.

«Как же мы дойдем без Томаса? – мысленно продолжал разговор с Диком Олег. – Ведь главное даже не дорога, главное – как себя вести дальше. Ведь мы же дикари, которые никогда не видели велосипеда, и поэтому мы не знаем, велосипед это или паровоз. Дику кажется, будто он знает все, что может понадобиться человеку в поселке или в лесу. Может, он боится оказаться в ином мире, где он не сильнее всех, не быстрее всех?»

Марьяна разогла костер. Козел уже привык к огню и решил, что огонь ему ничем не угрожает, поэтому тут же полез в костер, и Марьяна крикнула Олегу, чтобы он оттащил это проклятое животное. Оттащить взрослого козла – дело почти невыполнимое, но Олег старался.

Он исколотил козла рукоятью ножа, хотя тот, видно, решил, что его гладят, и восторженно взвизгивал.

Томас быстро ходил по снегу, чтобы согреться, он кутался в одеяло и горбился, и Олегу показался старым человеком, хотя он знал, что Томасу сорок лет. Эгли как-то говорила, что процессы старения в поселке почему-то происходят активнее, а тетя Луиза сказала тогда, что на такой диете всем давно пора загнуться. У всех бесконечные гастриты, аллергия, у старшего поколения почки никуда не годятся. Правда, дети были сравнительно здоровы. И поселку повезло, что большинство местных микробов к человеческому метаболизму не приспособилось. Еще не приспособилось, добавила тогда тетя Луиза.

– Жалко, здесь нет болота, – сказала Марьяна. – Я бы вам нарвала травы, я знаю какой.

– А почему не нарвала заранее? – спросил Олег.

Марьяна лучше всех в деревне разбиралась в травах.

– Странный ты, – удивилась Марьяна. – Эту траву надо сразу есть, пока свежая, как ее сохранишь?

Ей всегда казалось странным, что другие не знают того, что знает она.

– Олечка, – позвал Томас, – подойди ко мне.

Томас опустил на палатку и поморщился.

– Опять спина болит, – сообщил он, – прострел.

– Я вам потом потру, – пообещала Марьяна.

– Спасибо, не помогает, – улыбнулся Томас. Он был похож на ворону, как рисовал ее на уроках биологии Старый. Темная птица с крупным заостренным носом. – Слушай, ты помнишь, где я карту прячу? Мало ли что может со мной случиться.

– Ничего не случится, – заверил Олег. – Мы же вместе идем.

– И все-таки рисковать не будем. Ты разберешься в карте?

Карта была нарисована на кусочке бумаги – самой большой ценности в поселке. Олег всегда испытывал к бумаге особенное чувство. Бумага, даже чистый листок, была колдовским образом связана со знанием. Она и была создана, чтобы выразить знание. Бумага была как бы проявлением божества.

Томас, заходясь временами в кашле, заставил Олега показывать по карте путь к перевалу. Маршрут был знаком, они уже мысленно проходили его с Вайткусом и Старым, только, правда, в поселке ощутить суть пути, расстояние, холод было невозможно – в доме тепло, уютно горят светильники, за стеной шелестит дождик...

Дик принес зайца. Козел почему-то испугался безжизненной тушки, умчался к откосу и стоял там, сокрушенно тряся головой.

– Чует, что его ждет, – отметил Дик. Он бросил зайца на камни. – Давайте сейчас его съедим, веселее идти будет. И Томасу полезно. Правда, еще полезней горячей крови напиться, я всегда на охоте так делаю. Но ты ведь, Томас, не будешь?

Томас отрицательно покачал головой.

– Что делаете? Карту смотрите? – спросил Дик.

– Томас просил повторить на случай, если с ним что-то произойдет.

– Чепуха, – отрезал Дик, садясь на корточки и начиная ловко разделять тушку зайца, – ты еще можешь идти. А плохо будет, вернемся.

Олег понимал, что Дик не хочет обидеть Томаса. Дик с самого начала считал, что Томас может не дойти.

– Ничего, – произнес Томас, который ничем не показал, что ему неприятен равнодушный тон Дика, – лучше подстраховаться.

Когда они пили чай – кипяток с корешками, козел подошел ближе, но не с той стороны, где Дик кинул шкуру зайца, а с другой, как бы отгородившись от шкурки костром и палаткой. Он тяжело вздыхал, и Марьяна кинула ему несколько сушеных грибов.

– Вот это лишнее, – покачал головой Дик. – Грибы нужны нам самим. Может так случиться, что мы ничего не найдем. Как обратно идти?

– Там, за перевалом, есть пища, – напомнил Томас.

– Мы не знаем, есть или уже нет, – ответил Дик. – Глупо погибать от голода. А в морозы лучше много есть.

– В крайнем случае съедим козла, – сказал Олег.

– Почему в крайнем? – спросил Дик. – Мы его обязательно съедим. И скоро. А то еще сбежит.

– И не думай, – велела Марьяна, – не надо.

– Почему? – удивился Дик.

– Потому что козел хороший. Он вернется с нами в поселок. И будет жить. Нам пора иметь своих животных.

– Я тебе таких козлов тысячу притащу, – пообещал Дик.

– Неправда, ты только хвастаешься. Не приведешь. Их не так много в лесу. И если он не захочет, ты его никак не притащишь.

– Возьму тебя с собой, ты умеешь со зверями разговаривать. – И Дик стал резать зайца на равные доли, всем поровну.

– Я не дам убивать, – предупредила Марьяна. – У нее будут маленькие.

– У кого? – спросил Олег.

– У козла, – сказала Марьяна, – у козлихи.

– Так это коза? – спросил Томас.

– Да, козлиха, коза. Я знаю.

– Марьяна права, пускай коза живет, – решил Томас. – Полезно думать о том, что будет завтра.

– И еще надо думать, чтобы не умереть сегодня, – бросил Дик.

– Козу будем подкармливать, – произнесла Марьяна.

– И не вздумай, – отрезал Дик.

– Я свое буду отдавать. – Марьяна упрямо глядела на Дика, острый подбородок вперед. Дик склонил голову, разглядывая девушку, как незнакомую зверюшку.

Томас поднялся первым и пошел складывать палатку. Его трясло.

– Может, вернешься? – спросил его Дик.

– Поздно. Я пойду.

– Подумай, – рассердилась Марьяна, рассерженная на Дика, – как ты можешь говорить! Томасу одному до поселка не дойти.

– Олег с ним может вернуться.

Это Дик сказал просто так, чтобы оставить за собой последнее слово.

– Пора идти, – закончил спор Томас. – Если сегодня будем идти хорошо, может, выйдем на плоскогорье. В прошлый раз мы увязли в этом ущелье. Снег был по пояс. И метель.

Томас пошел впереди по широкому ложу ручья, который при больших дождях, наверное, превращался в поток, а сейчас лишь чуть-чуть журчал по камням, отламывая наросты за ночь у берегов льдинки.

Коза сначала бросилась вперед, словно показывала дорогу, а потом раздумала, остановилась. Дик погрозил ей пальцем, но тут коза вздохнула и побрела за людьми, хотя порой останавливалась и занудно вопила, уговаривая вернуться.

Чуть потеплело, снег под ногами начал таять, было скользко, за день пришлось раз десять перейти ручей, который вился по долинке, кидаясь от откоса к откосу, и ноги у всех заоченели.

* * *

Весь следующий день долина, по которой стекал ручей, постепенно сужалась, каменные темные стены становились круче и сходились все ближе, пряча ручей в вечную тень. Шум его стал мрачным, он отражался от стен, как в бочке. Было неуютно и страшно – никто из них, кроме Томаса, не был раньше в горах, даже Дик потерял всегдашнюю уверенность в себе, не убегал вперед, все время поглядывал вверх, словно боялся, что на голову упадет камень, и часто спрашивал Томаса:

– Ну, скоро? Скоро выйдем?

– К вечеру выйдем, – отвечал Томас.

Томас, как и все, согрелся, даже вспотел, почти не кашлял и шел быстрее, чем вчера. Только иногда хватался за бок.

– Вы узнаете места? – спросила Марьяна.

Она шла сзади, подгоняя козу, которой все это путешествие окончательно надоело и которая часто останавливалась, оглядывалась, будто умоляя Марьяну отпустить ее обратно в лес, на простор.

– Как тебе сказать, – отозвался Томас. – В прошлый раз мы сюда уже не добрались. А когда шли с перевала шестнадцать лет назад, здесь был снег, дни были короткие, и мы почти не смотрели по сторонам. Мы тогда обрели надежду, впервые обрели надежду, но очень устали. Путь отсюда до поселка занял больше недели.

Дик, шедший впереди, вдруг замер, поднял руку.

Все остановились. Даже коза остановилась, будто поняла приказ.

Дик с арбалетом наготове медленно пошел вперед. Нагнулся.

– Глядите! – крикнул он. – Они в самом деле здесь шли.

За большим камнем, поблескивая тускло и отражаясь в бочажке ручья, лежала чудесная вещь. Она была сделана из белого металла и похожа на сплюснутый шар с белым наростом сверху. К этой вещи был прикреплен ремень, так что ее можно было носить через плечо.

Дик поднял вещь и сказал:

– На нее, наверное, упал камень.

– Нет, не камень. Так надо, – произнес Томас, подходя к Дик и забирая у него вещь. – Здесь был привал. И кто-то... Вайткус! Это фляга Вайткуса. Вот он обрадуется, когда мы ему ее принесем!

– Это называется «фляга»? – спросила Марьяна.

Томас поболтал вещь в воздухе, и все услышали, что внутри плещется вода.

– Удобная вещь, – определил Дик.

– Ее специально сделали плоской, – объяснил Томас, осторожно отвинчивая крышку, – чтобы удобнее носить на боку.

– Красивая, – сказала Марьяна.

– Я буду ходить с ней на охоту, – решил Дик. – Вайткусу она не нужна. Он все равно болеет.

Томас поднес флягу к носу и понюхал.

– Черт возьми! – воскликнул он. – С ума можно сойти.

– Что случилось? – спросил Олег. Ему хотелось поддержать флягу.

– Ребята, да это же коньяк! Вы понимаете, это коньяк!

Коза отошла в сторону и удивленно заблеяла, подзывая к себе.

Олег подошел к ней. В углублении за каменной россыпью лежали грудой металлические банки – такого сокровища видеть ему не приходилось.

– Томас! – позвал он. – Посмотрите, что вы еще забыли!

– Не забыли, – сказал Томас. – Понимаешь, мы тогда поверили, что выйдем к лесу, и в последний раз поели. Это консервные банки, понимаешь? Это ненужные консервные банки.

– Ненужные?

– Тогда они казались нам ненужными. – Томас снова поднес к носу флягу и принялся. – Я сойду с ума. Это мне снится.

– Значит, правда, – сказал Дик, – что вы здесь шли. Я иногда думал, что поселок был всегда.

– Знаешь, я сам так иногда думаю, – улыбнулся Томас.

Он отпил немного из фляги. Один глоток, и зажмурился.

– Буду жить, – произнес он. Закашлялся, но не перестал улыбаться.

Марьяна собирала консервные банки и складывала их в мешок. Коза часто вздыхала, охала, ей банки не нравились. Они были чужими.

– Да не надо их тащить, – засмеялся Томас. – Не надо! Это же пустые банки. Если нужно, ты возьмешь их тысячу. Понимаешь?

– Не знаю, – трезво возразила Марьяна. – А если не найдем ничего, они там тоже пригодятся. Не с пустыми руками вернемся. Из этих банок отец много всего сделает.

– Тогда заберешь на обратном пути, – предложил Олег. Ему хотелось попробовать коньяк, который так обрадовал Томаса.

– А если их возьмут? – спросила Марьяна.

– Кто возьмет? – спросил Томас. – За шестнадцать лет никто не взял. Козлам банки не нужны.

Но Марьяна собрала все банки, даже дырявые.

Дик сказал:

– Дай попробовать, Томас. Из фляги.

– Тебе не понравится, – предупредил Томас. – Детям и дикарям коньяк противопоказан. Но протянул флягу Дику.

«Надо было попросить, – огорчился Олег. – Я всегда только думаю о чем-то, а Дик уже это берет».

– Только осторожно, – велел Томас, – один маленький глоток.

– Не бойся, – ответил Дик. – Если тебе можно, мне тем более. Я сильнее тебя.

Томас ничего не ответил. Олегу показалось, что он улыбается.

Дик запрокинул флягу и сделал большой глоток. Видно, этот коньяк был очень горьким, потому что он выронил флягу и жутко закашлялся, схватившись за горло. Томас еле успел подхватить флягу.

– Я же говорил, – произнес он укоризненно, но без сочувствия.

Марьяна бросилась к покрасневшему, несчастному Дику.

– Все горит. – смог наконец выговорить Дик.

– Вы зачем? – рассердилась Марьяна на Томаса.

Она стала копаться в своем мешке. Олег знал – искала снадобье от ожога.

– Сейчас пройдет, – заверил Томас. – Ты же дикарь, Дик. Ты должен был незнакомую жидкость принимать, как яд, сначала языком...

Дик отмахнулся.

– Я поверил... Понимаешь, поверил! Ты же пил!

Дик был унижен. Унижений он не выносил.

– Вот, – сказала Марьяна, – пожуй траву. Это помогает.

– Не надо, – отказался Дик.

– Все прошло, – отозвался Томас. – Ему теперь уже теплее.

– Нет, – возразил Дик. Но солгал.

– Есть еще желание обжечься? – спросил Томас. – Как, мои смелые единоплеменники? Кстати, индейцы называли это огненной водой.

– А потом спивались и отдавали за бесценок землю белым колонистам, – вспомнил Олег урок истории.

– Вот именно. Только те напитки были пониже качеством.

Томас повесил флягу через плечо. Дик поглядел на нее с тоской. Он бы с удовольствием вылил оттуда проклятый коньяк и налил воды.

Они расселись на камнях передохнуть. Марьяна раздала всем по горсти сушеных грибов и по ломтику вяленого мяса. Козе тоже дала грибов. Дик поглядел неодобрительно, но ничего не сказал. Коза деликатно хрупала грибами, поглядывала на Марьяну, дадут ли еще. Козе в этих местах было трудно добывать пищу, она была голодна.

– И вся ваша еда была в этих банках? – спросил Олег.

– Не только, – сказал Томас. – Еда была в ящиках, коробках, контейнерах, бутылках, тубиках, пузырьках, мешках и много в чем еще. Еды было, скажу вам, друзья, много. И еще там были сигареты, которые мне часто снятся.

И вдруг Олег понял, что находка фляги, консервных банок, следов подействовала не только на него или Дика. Больше всех изменился Томас. Словно до этого момента он и сам не очень верил в то, что когда-то был за перевалом, где едят из блестящих банок и во флягах бывает коньяк. И этот чужой, но желанный для Олега, чужой и, в общем, ненужный для Дика мир отдалил Томаса.

– Пошли, – сказал Томас, поднимаясь. – Теперь я почти поверил, что мы дойдем, хоть самая трудная часть пути впереди.

Они пошли дальше. Марьяна держалась ближе к Дику, она беспокоилась, не плохо ли ему. У Марьяны есть это качество – всех жалеть. Иногда Олега оно трогало, а сейчас злило. Ведь видно же, что Дик здоров, только глаза блестят и говорит громче, чем обычно.

– Это дверь, – произнес Томас, который шел рядом с Олегом. – Дверь, за которой начнутся мои воспоминания. Ты понимаешь?

– Понимаю.

– До этого я мог только представлять, – продолжал Томас. – И я совсем забыл об этом привале. Твоя мать несла тебя на руках. Она совсем выбилась из сил, но никому тебя не отдавала. И ты молчал. Дик орал, понимаешь, как положено голодному и несчастному младенцу. А ты молчал. Эгли все крутилась возле твоей матери, они же были еще совсем девочками, лет по двадцать пять, не больше, а раньше дружили. У нее ничего не осталось в жизни, только ты.

Томас вдруг закашлялся, его согнуло пополам. Он уперся ладонью о каменную стену, и Олег заметил, какие желтые и тонкие у Томаса пальцы. Дик с Марьяной ушли вперед и скрылись за поворотом.

– Давайте я понесу мешок, – предложил Олег.

– Нет, сейчас пройдет. Сейчас пройдет. – Томас виновато улыбнулся. – Казалось бы, я должен руководить вами, подавать пример подросткам. А тащусь еле-еле... Знаешь, мне показалось, что, если я глотну коньяку, все пройдет. Это наивно...

– А вы выпейте еще, – сказал Олег.

– Не надо. У меня температура. Добраться бы до перевала. Мне бы в больницу – покой и процедуры, а не восхождение и подвиги.

Часа через два ущелье кончилось. Ручей маленьким водопадом слетал с невысокого, метра два, обрыва. Но взобраться на него оказалось непростым делом. Томас так ослаб, что его пришлось втаскивать наверх. Козу поднимали на веревке, и перепуганное животное чудом никого не покалечило, отбиваясь тонкими бронированными ногами.

Было странное ощущение: два дня они поднимались узким полутемным ущельем, слыша только журчание воды, и вдруг оказались во власти простора, какого Олегу не приходилось видеть.

Покрытое снегом, с редкими каменными проплешинами плоскогорье простиралось на несколько километров, упираясь в стену гор. С другой стороны, скатываясь бесконечным крутым откосом, оно вливалось в широкую долину, сначала голую, каменистую, затем на ней возникали точки кустов и деревьев, а далеко-далеко к горизонту эти точки сливались, густея, в бесконечный лес. Там, в четырех днях пути, был поселок. Правда, его отсюда не разглядишь.

– Вот тут, – сказал, все еще стараясь отдышаться, Томас, – тут мы поняли, что спасены. Мы шли от гор, какой там шли – ползли, волоча больных, замерзая, ни во что не веря, и внезапно вышли к этому плоскогорью. Оно, как видите, чуть поднимается к краю, и потому, пока мы не добрались сюда, мы не знали, что есть надежда. Шел снег, метель... кто же был первым? Кажется, Борис. Ну да, Борис. Он ушел вперед и вдруг остановился. Я помню, как он вдруг замер, но я так устал, что не понял, почему он стоит. Когда я подошел к нему, он плакал, и лицо его обледенело. Видимость в тот день была плохая, но иногда снежная пелена рассеивалась, и мы поняли, что там, внизу, в долине, есть деревья. Значит, есть жизнь...

Дул ветер, к счастью, несильный, коза начала скакать, резвиться, радуясь простору, подбрасывая мохнатый зад, оставляя глубокие треугольные следы на снежной простыне. Остановилась возле бурой проплешины, стала разрывать смерзшуюся землю роговой нашлепкой на носу, вздыхая, ахая и блея, – видно, почувала что-то съедобное.

– Здесь нет дичи, – произнес Дик с осуждением. Он обращался к Томасу, будто тот был в этом виноват.

– Дня через три, если все будет нормально, дойдем, – заверил Томас. – Или через четыре.

– А говорят, что вы шли две недели.

– Мы шли тринадцать дней. Была зима, много больных и раненых, а сейчас мы налегке. Удивительно, как будто вчера было – мы стоим с Борисом и смотрим вниз...

До темноты удалось достичь гор.

* * *

Ночью похолодало, был мороз. Дик с Олегом положили Марьяну и Томаса посередине. Томас так вымотался за день, что даже не спорил. Он был горячим, но никак не мог согреться, и, когда он начинал заходиться в сухом кашле, Олег обнимал его, а Марьяна давала напиток микстуры от кашля, которую она приготовила. Марьяна не спала, и, чтобы скоротать ночь, они шептались с Олегом, а Дик, которому хотелось спать, ворочался. Потом сказал:

– Завтра дневки не будет, ясно?

– Ну и что? – спросил Олег.

– Заставлю идти, как бы вам ни хотелось дрыхнуть.

– Не бойся, из-за нас задержки не будет.

– Из-за кого бы то ни было.

Олег не стал спорить. Он понимал, что Дик имеет в виду Томаса. Он думал, что Томас спит, не слышит. Но Томас услышал.

– По-моему, у меня пневмония, простите, что так неудачно получилось, друзья.

Они разбили палатку в большой нише, тут было теплее, чем на открытом месте, и коза топталась рядом, вздыхая, потом начала шуршать, ковыряться в земле.

– Чего она ищет? – прошептала Марьяна.

– Улиток, – ответил Олег. – Я видел, как она нашла улитку.

– Я думала, им тут холодно.

– Мы же живем, значит, и другие могут.

– Ничего здесь нет, – оборвал Дик, – спите.

Закашлялся Томас. Марьяна опять дала ему напиток. Слышно было, как его зубы стучат о край кружки.

– Надо было тебе вернуться, – произнес Дик.

– Поздно, – сказал Томас, – до поселка мне не дойти.

– Дурак ты, Дик, – кинула Марьяна, – законы забыл.

– Я ничего не забыл, – громко заговорил Дик. – Я знаю, что мы должны заботиться о больных. Я знаю, что такое долг, не хуже тебя знаю. Но мне все твердили одно и то же: если мы сейчас не дойдем до перевала, если мы не принесем железо и инструменты, поселок может погибнуть. Это не я придумал. Я не верю, что поселок погибнет. Мы отлично живем без этих штук. Я из своего арбалета могу свалить медведя за сто шагов.

– Еще бы, – напомнил Олег, – у тебя же железные наконечники на стрелах. Если бы Сергеев их не ковал, как бы ты свалил медведя?

– Я могу сделать наконечник из камня. Тут дело не в материале, а в умении. Теперь нас погнало сюда, в горы...

– Тебя никто не гнал, ты сам пошел.

– Сам. Но вы знаете – вот-вот зарядит снег. И если мы будем тянуться еле-еле, мы можем не вернуться обратно.

– А что ты предлагаешь? – спросил Олег.

Ни Томас, ни Марьяна в их спор не вмешивались, но внимательно слушали его. Олегу казалось, что даже коза затихла, слушая.

– Я предлагаю оставить здесь Марьяну с Томасом. Дать им одеяла и пищу. А мы с тобой налегке добежим до перевала.

Олег не ответил. Он понимал, что Томаса оставить нельзя. Нельзя лишать Томаса цели. Это его убьет. Но вдруг Дик подумает, что он боится идти дальше вдвоем?

– Ты испугался? – спросил Дик.

– Я не о себе, – произнес наконец Олег. – Если Томас будет болен, он не сможет защитить Марьяну. А Марьяна его. А если звери? Если здесь хищники? Как она справится?

– Марьяшка, справишься? – Дик не спросил, а будто приказал, будто имел право приказывать.

– Я дойду, – произнес Томас. – Я дойду, не бойтесь, друзья. Мне надо дойти... я иду туда уже шестнадцать лет.

И голос Томаса был горяч, быстр, словно полон слез.

– Тогда спи, – велел Дик, переждав долгую паузу. Никто не согласился с ним, но никто и не убедил Дика.

А утром спор прекратился сам собой. По очень простой причине. Когда Олег, встав первым – голова болела, ноги как деревянные, спина промерзла до печенки, – выбрался из ниши, он увидел на белой долине плоскогорья цепочку углублений, в которых даже не сразу угадал следы: будто кто-то вдавливал в снег большие бочки.

Олег разбудил Дика, и вместе они осторожно прошли дальше по следам в ту сторону, куда указывали углубления когтей. Следы кончались у крутого откоса – этот зверь мог подниматься и по скалам.

– Какой он? – спросил Олег шепотом.

– Ляжет на дом – раздавит, – сказал Дик. – Вот бы подстрелить.

– Надежды мало, даже с твоим арбалетом. Ты ему шкуру не пробьешь.

– Постараюсь.

– Где вы были? – спросила Марьяна, которая разжигала костер. – У Томаса температура упала. Хорошо, правда?

– Хорошо, – ответил Олег.

Они рассказали про следы, потому что Марьяна их все равно бы увидела. Но она не испугалась. Мало ли какие звери водятся вокруг! Далеко не все злые и опасные. Звери заняты своими делами.

– Садитесь, – предложила Марьяна, – позавтракаем.

Томас вылез из-под палатки. Он был бледен и слаб. В руке держал флягу. Садясь рядом с Олегом, отвинтил и отхлебнул.

– Надо согреться, – объяснил он хрипло. – Когда-то врачи прописывали слабым и больным кагор.

Марьяна достала свой мешок.

Из него выкатился гриб.

Мешок был разорван, изжеван. И пуст.

– А где грибы? – спросила Марьяна у Томаса. Как будто он должен был знать, где грибы. Дик вскочил.

– Где лежал мешок?

– Я так устала, – сказала Марьяна. – Я думала, что положила под палатку, а он остался снаружи.

– Где эта скотина? – произнес Дик тихо.

– Ты с ума сошел? – закричала Марьяна. – Может, это не коза?

– А кто? Томас? Я? Мы что теперь жрать будем?

– У нас есть еще мясо.

– Покажи. Может, и его нет?

– Зачем коза будет есть мясо?

Дик был прав. От мяса осталось десятка два ломтиков.

– Я не шучу. – Дик подобрал со снега арбалет.

Коза будто сообразила, что ей грозит, резко отскочила за скалу.

– Ты не уйдешь, – бросил Дик.

– погоди, – остановил его Олег. – погоди, если нужно, успеешь. Всегда успеешь. Ведь Марьяна хочет разводить их, понимаешь, как это важно для поселка? Значит, у нас всегда будет мясо.

– Для поселка важно, чтобы мы не подошли, – сказал Дик. – Без нас коза в поселок не придет. Ей тоже жрать нечего. Она убежит.

– Нет, Дик, пожалуйста, – попросила Марьяна. – Ведь у козы будут маленькие, понимаешь?

– Тогда пошли назад, – решил Дик. – Кончился наш поход.

– Подожди, – вмешался Томас. – Пока еще решаю я. Если ты хочешь, я разрешаю тебе вернуться назад. Ты доберешься, я не сомневаюсь. Я пойду дальше. И те, кто захочет.

– Я пойду дальше, – отозвался Олег. – Мы не можем ждать еще три года, до следующего лета.

– Я тоже пойду дальше, – сказала Марьяна. – И Дик пойдет. Он не злой, не думайте. Он хочет, чтобы всем лучше.

– Не надо объяснять, – отрезал Дик. – Я все равно ее убью.

– На сегодня пища есть, – напомнила Марьяна.

– Было бы неплохо вернуться вместе с козой. Мы можем даже ее навьючить, – добавил Томас.

Он отхлебнул еще коньяка и поболтал флягой. По звуку было ясно, что огненной воды осталось совсем мало.

– Еще один день, – сказал Дик, – и возвращаться уже будет поздно. А тебя, Томас, это касается больше, чем остальных.

Марьяна засуетилась возле костра, спеша вскипятить воду. У нее еще остались сладкие корешки, горсти две.

Глава третья

Через два часа ходьбы Олег подумал, что прав все-таки был Дик. Они шли без тропинки, по снежной целине, путь вел вверх, к тому же приходилось обходить скалы, пробираться по расщелинам, пересекать ледники, воздух был резким, острым, и дыхание сбивалось. Олег при-
вык к тому, что никогда не наешься досыта, но все-таки голодать не приходилось – в поселке всегда были какие-то запасы. А тут голод, бродивший по соседству, сразу обрушился на Олега, как только стало ясно, что впереди дни без еды. Олег поймал себя на том, что смотрит на козу с вожделением, надеется, что она упадет в расщелину, разобьется, и тогда не надо будет отка-
зываться от своих слов – ну, найдем другую, твердил он беззвучно, найдем другую.

И, как бы подслушав его мысли, Томас сказал:

– Наше счастье, что мясо идет само. Нам бы его не дотащить.

– Стойте.

Это был голос Дика. Дик подошел к козе, неся в руке крепкую, сплетенную из водорослей веревку, накинул ее козе на шею. Коза покорно и тупо ждала, пока ее привяжут. Потом Дик протянул свободный конец веревки Марьяне.

– Веди. Я не хочу рисковать.

Днем они сделали привал. Долгий, потому что все выбились из сил, а Томас шел и пока-
чивался так, что его хотелось поддерживать. Лицо его побавровело, глаза были полузакрыты, но он упрямо шел и шел вперед, к своему перевалу.

Часа через два после привала Томас забеспокоился.

– Погодите. Как бы не сбиться. Здесь должен быть лагерь. Я помню эту скалу.

Томас сел на камень, развернул трясущимися руками карту и стал водить по ней пальцем. Дику это ничего не говорило, он пошел вперед, надеясь подстрелить добычу.

Карта была нарисована чернилами еще в то время, когда были чернила – густая паста, которой заполнялись ручки. Ручки Олег видел. Только они не писали.

– Мы здесь, – определил Томас. – Уже больше половины дороги. Я и не рассчитывал, что можно так быстро идти.

– Погода хорошая, – произнес Олег.

– Судя по всему, мы здесь ночевали. Должны быть следы, а их нету.

– Сколько лет прошло...

– Вот так. – бормотал Томас, – группа скал... три скалы, нет, четыре. Ах да, чуть не забыл. – Он обернулся к Олегу: – Возьми это. Без этого в корабль ни ногой. Помнишь?

– Это счетчик радиации, да?

– Счетчик радиации, ты же знаешь, почему мы не могли оставаться, там была такая ради-
ация. А мороз – это в придачу.

– Может, поспите? – спросил Олег. – А потом пойдем...

– Нет, оставаться нельзя. Это смерть. Я за вас отвечаю... Где же лагерь, надо глубже
выкопать... Мы их похоронили, но сил не было глубоко копать, понимаешь, обязательно надо
глубже...

Олег подхватил Томаса, который начал валиться с камня.

Вернулся Дик, глядел, как Олег кутает Томаса в одеяла, а Марьяшка хлопочет, раздувая
костер, чтобы согреть микстуру. Дик молчал, но казалось, что он повторяет: «Я же предупре-
ждал».

Олег сам отвинтил крышку фляги, понюхал коньяк – запах был острым, скорее приятным, но пить не хотелось, это было не для питья. Поднес осторожно к спекшимся губам Томаса, который шептал что-то неразборчиво, тот глотнул и сказал почему-то «скооль».

Дальше пойти смогли только в сумерки. Томас пришел в себя, его мешок нес Олег, арбалет взял Дик. Из-за этой остановки шли, вернее, карабкались по откосу, усыпанному громадными неустойчивыми камнями, часа два, не больше, потом стало плохо видно, и пришлось искать ночлег.

Похолодало, небо здесь было совсем другого цвета – не только серым, как в лесу, а приобрело к вечеру краски тревожные – красноватые, и это пугало, потому что в небе не было надежности.

Очень хотелось есть. Олег готов был жевать камни. И еще наглая коза, как только сняли и сложили на снег мешки, подбежала к ним, попыталась разбросать их, будто люди только и занимались, что прятали от нее еду.

– Иди отсюда! – прикрикнул на нее Олег. Кинул в нее камнем.

Коза отскочила с блеянием.

– Не надо, – сказала Марьяшка. На ней лица не было, даже почернела за день, стала меньше, тоньше. – Она же не понимает. Она думает, что ей дадут есть. Ей больше надо, чем людям.

В тот вечер Дик ударил Марьяну.

Они жевали последние кусочки мяса, сухие ломтики. Запивали их кипятком, это был обман, а не еда, потому что человеку надо съесть хотя бы горсть ломтиков, чтобы почувствовать сытость. А Марьяна потихоньку отдала свой ломтик несчастной козе, думала, что никто не заметит, но заметили все, кроме Томаса, который был в полузабытьи. Олег промолчал, он решил потом сказать Марьяне, что глупо кормить козу, когда сами скоро помрут от голода.

Но тут вмешался Дик. Он протянул над костром руку и коротко, наотмашь, ударил Марьяну по щеке. Марьяшка вскрикнула:

– За что?

Олег кинулся на Дика. Дик легко отшвырнул его.

– Идиоты, – бросил он зло, – скопище идиотов. Вы сами себя решили голодом уморить? Вы никогда не дойдете до перевала!

– Это мой кусок мяса, – ответила Марьяна, глаза ее были сухими и злыми, – я не хочу есть.

– Ты хочешь, – отрезал Дик, – а мяса осталось только по два ломтика на завтра. А идти в гору. Зачем только я пошел с вами!

Вдруг он схватил нож и, не оборачиваясь, сильно метнул его в козу. Вырвав клоч зеленоватой шерсти, нож ударился о скалу, звякнул. Дик вскочил, коза рванулась, натянула веревку. Дик подобрал нож. Наконечник был обломан.

– Идиоты! – закричал Дик. – Почему вы не понимаете, что мы уже никогда не вернемся!

Он не глядел на заплакавшую Марьяшку, на Олега, который ничего лучшего не придумал, как начать совать Марьяне свой последний ломтик, будто она была маленькой девочкой. Та отталкивала руку, а Дик, быстро развернув свое одеяло, во весь рост растянулся на нем и закрыл глаза. Заснул или делал вид, что спит.

Томас кашлял вяло, словно у него не осталось сил кашлять.

Олег поднялся и закутал его в палатку. Потом они с Марьяшкой легли с двух сторон Томаса, чтобы согреть его.

Пошел снег. Снег был не холодный, он покрыл их толстым слоем. Коза пришла уже в темноте и тоже легла рядом с ними: понимала, что всем вместе теплее.

Олег и в эту ночь почти не спал, или ему казалось, что не спит. Кто-то громадный прошел неподалеку, застывая голубой свет утра. Потом сразу стало холоднее – поднялась коза и пошла

искать себе пропитание. А потом Олега укусила блоха. Откуда она взялась, непонятно. Может, пряталась в одежде или в козлиной шерсти.

У снежной блохи особенный укус – ни с чем не спутаешь. Этот укус безнадежен, как смерть. Можно плакать, кричать, звать на помощь, но никто не поможет. Все происходит по часам. Сначала укус – укол, холодный, словно под кожу загнали льдинку, и это ледяное жжение острое, такое, что человек сразу просыпается и замирает в ужасе и бессилии. И потом ничего – целый час ничего. И вдруг человек теряет разум – это происходит одинаково со всеми: с умными, глупыми, маленьким, стариком. На полчаса, на час человек оказывается во власти кошмаров. Старый говорил, что, будь у него микроскоп, он бы легко с этой болезнью справился – понял бы, как возбудитель действует на нервную систему... Человек начинает буйствовать, он становится диким, он никого не узнает, он может убить самого близкого и потом ничего не будет помнить. Когда в поселке был первый случай этой болезни, никто не знал, что произошло. И еще было несколько страшных случаев, пока не поняли, что с блошиной лихорадкой не надо бороться – надо связать больного, спрятать его подальше и просто ждать, пока буйство пройдет и он вернется в сознание. Вот и все. Когда-нибудь, когда научатся лихорадку лечить, это будет иначе. А сейчас выход один... И если в поселке случается, что кого-то укусит снежная блоха, он сам спешит к людям и просит – свяжите меня! И в этом есть что-то ужасное. Человек еще здоров, он рассуждает и понимает, как обреченный на смерть, что пройдет еще несколько минут – и он исчезнет, а вместо него возникнет злое, бессмысленное существо. И каждый видел, как это случается с другими. И каждому стыдно думать, что это случится с ним. Потому, когда Олег почувствовал холодный укус блохи, он проснулся сразу и сразу поднял остальных.

– Дик, – сказал он виновато, – прости, у тебя веревка далеко?

– Что? – Дик вскочил, начал шарить руками в темноте.

Рассвет только начинался. Томас прохрипел во сне, но не проснулся.

– Ой, горе какое! – запричитала Марьяна. – Тебя блоха укусила?

– Только что.

Дик зевнул.

– Мог бы не спешить. У тебя час времени, как минимум час.

– Бывает и раньше, – произнес Олег. – Так неудачно получилось.

– Да, еще этого не хватало, – согласился Дик.

– Я тебя накрою одеялом, – предложила Марьяна. – И посижу рядом.

– Эх, – сказал Дик, разыскивая веревку, – опять вовремя не выйдем.

– Ну, это же пройдет, – ответил Олег.

– После припадка часа два лежать, не меньше, по себе знаю, – произнес Дик.

Он не сердился на Олега, он был зол на судьбу, на сплошные неудачи этого похода.

Ощущение холода в бедре, куда укусила эта блоха, не пропадало, Олег все время ощущал укус и представлял, как отравленная крошечной капелькой яда кровь течет, пульсируя, к мозгу, чтобы напасть на него и лишить Олега разума.

Дик не спеша проверил веревку. Марьяна стала разжигать костер.

Рассвет был синим, другим, чем в долине, где день всегда сер.

– Ну что ж, – велел Дик, – подставляйся.

– Только чтобы он себе что-нибудь не сломал, – сказала Марьяна. – Бедный Олежка!

– Не в первый раз мотаю, – успокоил Дик. – Жуткое дело эти блохи. Ты расслабься, Олег, так легче. И думай о другом.

Сначала он связал руки Олега за спиной, потом обмотал грудь и ноги. Веревки туго впились в тело, но Олег терпел, он знал, что в припадке человек становится сильным, как медведь. Если пожалеешь сейчас, потом всем будет хуже.

Застонал Томас. Его взлохмаченная пегая голова высунулась из-под палатки, он жмурился, не в силах сообразить, где он. Глаза Томаса налились кровью, лицо было красным, распаренным. Наконец он разглядел Дика, который связывал Олега. Олег смущенно улыбался – неприятно доставлять людям такие беспокойства. Старый как-то рассказывал, что в средние века эпилептичек и других ненормальных женщин называли ведьмами и даже сжигали на кострах.

– Блоха, – понял Томас, – всюду блохи... всюду твари...

– Вы еще поспите, – сказал Олег. – Я не скоро в себя приду, вы же знаете. Отдыхайте!

– Холодно, – произнес Томас, – нельзя спать, мне скоро выходить на вахту, опять барахлит компьютер, в него залезла блоха.

– И зачем только мы пошли, – сказал Дик. – Нельзя было такую компанию в горы пускать.

– Больше некому идти, – отозвалась Марьяна. – Ты же понимаешь.

Холод постепенно распространялся по всему телу, но то был не обычный холод, а свербящий, тянущий жилы, как будто множество маленьких льдинок суеилось, толкалось в груди, в ногах... Голова Томаса начала увеличиваться...

– Ну вот, вроде замотал я тебя сносно. Не тянет?

– Тянет. – Олег постарался улыбнуться, но скулы уже свело судорогой.

– Слушай. – Дик обернулся. – А где коза?

– Коза? Ночью я ее слышала.

– Где коза, я спрашиваю. – Голос Дика поднялся, стал мальчишеским, высоким от злости. – Ты ее привязала?

– Я ее привязывала, – оправдывалась Марьяна, – но она, наверное, развязалась.

– Где коза, я спрашиваю?

Видно, раздражение, копившееся в Дике, должно было найти выход – коза стала символом всех неудач.

– Не сердись, Дикунка, – сказала Марьяна. Она старалась укутать Олега одеялами. – Коза, наверное, ищет, чего поест.

– Здесь ей нечего искать. Почему ты ее не привязала?

Дик вытащил из-под полога свой арбалет, сунул за пояс нож.

– Ты куда? – спросила Марьяна, хотя отлично знала куда.

Дик внимательно осмотрел снег вокруг, ища следы.

– Она вернется.

– Она вернется, – повторил Дик, – только в виде мертвой туши. Хватит. Я не хочу помирать с голоду из-за твоих глупостей.

Дик рос и рос, скоро он достанет головой до неба, но он может расшибиться об облака, ведь облака стеклянные, твердые... Олег сильно зажмурился и снова открыл глаза, чтобы изгнать видение. Томас сидел на одеяле и раскачивался, словно беззвучно пел.

– Марьяшка, согрей кипятку. – Олегу показалось, что голос его звучит твердо и громко, на самом деле он шептал почти беззвучно. – Для Томаса. Ему плохо.

Марьяна поняла.

– Сейчас, Олежка, конечно.

Но она не отрывала глаз от Дика.

– Я так и думал, – сказал Дик. – Она пошла обратно. Вниз. За ночь она могла пройти километров двадцать.

– Дик, останься здесь, – произнес вдруг Томас внятно и громко. – Марьяшка сама найдет козу. Ты же ее убьешь.

– Можешь не сомневаться, – заверил Дик. – Хватит глупостей.

– Я найду ее. – Марьяна забыла о кипятке. – Тебе, Дик, нельзя сейчас уходить. Томас болен, а за Олегом надо следить.

– Ничего с ними не случится.

Дик запустил пальцы в густую темную гриву волос, рванул их, мотнул головой и, не оборачиваясь, быстро и легко пошел по следам козы вниз, откуда они пришли вчера.

– Я хотел, чтобы ты пошла, – вздохнул Томас, – ты бы привела ее. А он ее убьет.

Олег, хоть мир вокруг него все время менял форму и пропорции и становился все более зыбким и ненадежным, все еще сохранял способность думать. Он уронил:

– Дика можно понять... нам в самом деле не везет.

– Осталось идти совсем немного, – сказал Томас. – Я знаю. Мы идем быстро. Мы будем там послезавтра. Мы дотянем и без мяса. Ведь дотянем? А за перевалом пища. Дик, я обещаю!

Дик поднял руку, чтобы показать, что слышит, – звуки далеко разносились над снежным склоном, но шага не замедлил.

– Козу поймать нужно, – обернулся Томас к Марьяне. – Она нам нужна. Но не надо убивать. В этом нет смысла... Что-то меня жжет. Как жарко... Почему так болит печень? Это нечестно. Мы уже рядом.

– Он убьет ее. – прошептала Марьяна. – Он ее обязательно убьет... Ди-и-ик! – Марьяна обернулась к Олегу и Томасу. – Ну что делать, ну скажите, вы же умные, вы же все знаете! Ну как его остановить?

– Мне его не догнать, – ответил Томас. – К сожалению, я для него уже не авторитет.

– Сейчас. – решил Олег. – Ты только распутай меня. Может, я успею до припадка, может, я успею?

Марьяна только отмахнулась. Она сделала два шага за Диком, вернулась, посмотрела на Томаса, на Олега.

– И вас нельзя оставить.

– Да беги тогда! – вдруг закричал Томас. – Беги скорей!

– Но как же я вас оставлю? А вдруг какой-нибудь зверь.

– Беги же! – повторил Олег. – И возвращайся.

И Марьяна легко, словно не касаясь снега, понеслась вниз по склону, туда, где уже исчез Дик.

– Жалко девчонку, – огорчился Томас, – она привязалась к козе.

– Жалко, – подтвердил Олег. – Как странно, что у вас нет формы. Вы бываете толстый и потом совсем тонкий, как спичка.

– Да, – согласился Томас. – Ты лежи удобнее, почему-то сначала этот яд действует на зрение. Я помню, меня раза три она кусала. Но не бойся, побочных эффектов практически не бывает. Не бойся.

– Я понимаю, но все равно страшно потерять себя, понимаете? Вот сейчас это я, а скоро меня не будет.

Олега тянуло вниз, в синюю воду, и очень трудно было удержаться на поверхности воды, потому что ноги были спутаны водорослями и надо их освободить, надо вырвать их, а то утонешь.

* * *

Одеяло, которым Марьяшка накрыла Олега, слетело. Олег не удержался у стены и упал на снег. Глаза его были закрыты, губы шевелились, лицо потемнело от напряжения, от желания разорвать путы. Томас хотел помочь Олегу, накрыть его или хотя бы положить голову себе на колени. Это полезно делать в таких случаях – держать голову. Томас постарался подняться, но ноги отказывались его держать. Олег выгнул спину и буквально взлетел в воздух, оттолкнулся кулаками от земли и покатился вниз по откосу. Он перевернулся несколько раз, ударился о торчащую из снега глыбу и замер. Его куртка разорвалась, снег не таял на голой груди.

Так нельзя, подумал Томас. Надо обязательно до него добраться. Чертова коза, чертов Дик с его комплексом сильной личности. А ведь Дик уверен, что прав, и уверен, что им владеет лишь забота обо всех. И с его дикарской точки зрения, он прав, с его дикарским неумением посмотреть в будущее... Не слишком ли скоро человек коллективный, гомо цивилизованный, становится дикарем? Может, мы ошиблись, позволяя детям вырасти в волчат, чтобы им легче выжить в лесу? Но у нас не было выбора. За шестнадцать лет мы, взрослые, так и не смогли дойти до перевала. И надежда на это не возникла бы, если бы не выросли Дик и Олег. Сколько у меня сейчас? Наверное, за сорок. Очень больно дышать – двухсторонняя пневмония, для такого диагноза не надо быть врачом. Если я не доберусь до корабля, моя песенка спета. Никакое мясо козы мне не поможет. И идти надо самому – ребятам не дотащить меня до перевала... Что же Олежка? Блоха – это крайняя степень невезения, словно рок, притаившийся в скалах, не хочет отпускать нас к человечеству, словно лес хочет превратить нас в своих детей, в шакалов на двух ногах, он согласен терпеть наш поселок, но только как свое собственное продолжение, а не как отрицание. Там, за глыбой, темнеет обрыв, вроде бы невысокий обрыв, но если Олег сейчас упадет вниз, он разобьется. Где веревка, где вторая веревка, надо примотать его к тому камню...

Томас полз вниз, хорошо, что вниз ползти легче, и только жжет снег – почему-то умудряется проникать всюду и очень жжет грудь. Когда кашляешь, то тихонько, чтобы не разорвать легкие, а кашель накапливается и рвется из груди, и его ничем не удержишь.

Томас полз вниз, тащил за собой веревку, которая казалась ему невероятно тяжелой, свинцовой, веревка разматывалась и волочилась, как змея. Олег забился по-птичьи, стараясь разорвать путы, затылок его колотился о камень, и Томасу физически передалась боль, владевшая Олегом, владевшая им в кошмаре, но тем не менее реальная, трансформировавшаяся в видение. Олегу в этот момент казалось, что на него упала крыша дома.

До Олега оставалось метров десять, не больше. Томас понимал, что тот его не слышит, но твердил:

– Потерпи, я иду.

А сам старался поднять голову, чтобы увидеть, не возвращаются ли Марьяна с Диком.

Главное было успеть, успеть прежде, чем Олег скатится к обрыву, тогда будет поздно...

«Почему у меня сейчас кружится голова?»

Когда Томас дотянулся до Олега, он на несколько секунд потерял сознание, все силы ушли на то, чтобы доползти. Тело, движимое только этим отчаянным желанием, отказалось далее подчиняться, как бы выполнив все, на что было способно. Томаса привел в себя порыв ледяного ветра, принесший заряд снега, а может, невнятный шепот Олега и его хриплое дыхание. Томасу больше всего на свете хотелось закрыть глаза, потому что вот так лежать, ничего не делать, ни о чем не думать – это и было теплой, уютной сказкой, исполнением желаний. Олег сдвинулся еще на метр, он бился, стараясь освободиться от веревок, отталкивался связанными ногами от глыбы. Томас подтянул к себе веревку, стараясь сообразить, как ему примотать Олега надежнее к скале, и не мог понять, как это делается, а потом оказалось, что его рука пуста – веревку он выпустил, ее конец остался в нескольких метрах сзади и вернуться к нему не было сил. Томас подтянулся, чтобы уцепиться за ноги Олега, но тот дернулся и отбросил Томаса, тело которого не почувствовало боли.

Томас понял, что так ему Олега не удержать и что Олег, даже связанный, куда сильнее его, и потому Томас возобновил свое медленное путешествие к обрыву, чтобы оказаться между ним и Олегом, превратиться в барьер, в препятствие, в неподвижную колоду. Томасу казалось, что он ползет спокойно, и все же, когда ему удалось наконец доползти до узкой полки, отделявшей Олега от обрыва, Олег сполз уже так низко, что Томасу пришлось протискиваться между телом Олега и острыми камнями на краю.

И наверное, Томасу удалось бы оттащить Олега от обрыва навверх, к безопасности, если бы сам он мог удержаться на зыбком краю сознания.

* * *

Марьяна прибежала к лагерю запыхавшись, ей казалось, что она отсутствовала несколько минут, на самом деле ее не было больше часа. Она бежала прямо к палатке и потому не сразу поняла, что произошло. Она увидела только, что лагерь пуст, и сначала даже откинула полог палатки, решив, что Томас с Олегом прячутся там от снега, хотя палатка лежала плоско на земле и спрятаться под ней никто бы не мог.

Марьяна в растерянности оглянулась и увидела след на снегу, который уходил вниз к скале, след такой, будто кто-то тащил по снегу тяжелый груз, и ей сразу почудилась страшная картина: животное, которому принадлежали круглые, как от бочки, следы, тащит обоих мужчин, и виновата в этом только она, потому что побежала спасать козу и забыла о людях, о больных людях в снежной пустыне, чего делать нельзя. И все получилось ужасно и глупо, потому что она не догнала Дика и не нашла козу, а, оставшись одна среди скал, испугалась, что не найдет пути к лагерю, испугалась за Томаса с Олегом, которые беспомощны, побежала обратно – и вот опоздала.

Марьяна семенила вниз по склону, всхлипывая и повторяя:

– Мамочка, мамочка...

Почему-то на снегу лежала веревка. Олегу удалось распутаться?

Она обогнула серую глыбу и увидела, что на краю обрыва лежит связанный Олег, а Томаса нигде нет.

– Олег! Олежка! – закричала она. – Ты живой?

Олег не ответил. Он спал. Люди всегда засыпают, когда пройдет припадок. Он был один, но след от его тела продолжался вниз, к обрыву, и, когда Марьяна заглянула вниз, она увидела, что там недалеко, метрах в пяти, лежит Томас, очень спокойно и как-то даже удобно, и поэтому Марьяшка не сразу догадалась, что Томас уже мертв. Она спустилась вниз, спеша и обламывая ногти о ледяные камни, долго трясла его, старалась разбудить и вдруг поняла, что Томас умер, разбился. А Олег, который пришел в себя, услышал шум и плач Марьяны и спросил слабым голосом:

– Ты что, Марьяшка, что случилось?

Он совершенно не помнил, как столкнул Томаса вниз, хотя потом по следам и отрывочным кошмарным видениям Олега они смогли понять, как и почему все произошло, и догадались, как умер Томас.

* * *

Дик вернулся в лагерь через два часа. Он не догнал козу и потерял ее следы на большой каменистой осыпи. На обратном пути он встретил следы неизвестного животного и пошел по ним, думая подстрелить, чтобы прийти в лагерь с добычей. Тогда можно объяснить, что он нарочно оставил козу в покое, пожалел Марьяну. И он искренне уже верил, что пожалел Марьяну, потому что не выносил неудач.

Когда он узнал, что случилось в лагере без него, он оказался трезвее и спокойнее остальных и сказал Олегу:

– Не говори глупостей. Никого ты не убивал и ни в чем не виноват. Ты же не знал, что столкнул Томаса. Ты должен быть благодарен ему, что он тебя старался удержать. Может, он ничего и не успел сделать, вернее всего, он ничего не успел сделать, но все равно он хотел тебя

спасти. Может, так даже и лучше, потому что Томас был совсем болен, он мог умереть в любую минуту, он хотел идти к перевалу, и потому нам пришлось бы тащить его, и все погибли бы.

– Ты хочешь успокоить Олега, – отвечала Марьяна, раскачиваясь от боли – она отморожила руки и ободрала их в кровь, когда старалась оживить Томаса и когда они вместе с шатавшимся от слабости Олегом тащили его тело к палатке. – Ты хочешь успокоить Олега, а виню ваты мы с тобой. Если бы мы не побежали за козой, Томас был бы жив.

– Правильно, – подтвердил Дик, – тебе не надо было бежать за мной. Это глупость, женская глупость.

– Неужели ты не винишь себя? – спросила Марьяна.

Томас лежал между ними, закрытый с головой одеялом, и как будто присутствовал при их разговоре.

– Я не знаю. Я пошел за козой, потому что нам нужно мясо. Нужно всем. Мне меньше других, потому что я сильнее.

– Я не хочу с ним больше говорить, – возмутилась Марьяна. – Он холодный, как этот снег.

– Я хочу быть справедливым, – отрезал Дик. – От того, что мы будем метаться и стонать, никому не лучше. Мы теряем время. День уже перевалил за середину.

– Олег еще слабый, чтобы идти, – сказала Марьяна.

– Нет, ничего, – отозвался Олег, – я пойду. Только надо взять у Томаса карту и счетчик радиации. Он говорил мне, что, если что-нибудь случится, надо взять эти вещи.

– Не надо, – качнул головой Дик.

– Почему?

– Потому что мы идем обратно, – произнес Дик спокойно.

– Ты так решил? – спросил Олег.

– Это единственный путь, чтобы спастись, – ответил Дик. – Через два дня мы будем в лесу. Там я найду добычу. Я вас приведу в поселок, я обещаю.

– Нет, мы пойдем дальше.

– Глупо. У нас нет шансов.

– У нас карта.

– А почему ты веришь ей? Карта старая. Все могло измениться. И никто не знает, сколько еще идти без еды, по голому снегу.

– Томас сказал, что мы шли быстро, что остался один день.

– Томас ошибался. Он сам хотел туда, и он нас обманывал.

– Томас нас не обманывал. Он сказал, что там есть пища и мы будем спасены.

– Ему хотелось в это верить, он был болен, он плохо соображал. Мы останемся живы, только если вернемся обратно.

– Я пойду к перевалу. – Олег сказал это, глядя на тело, покрытое одеялом, он обращался к Томасу.

– Я тоже пойду, – поддержала его Марьяна, – как ты не понимаешь?

– Марьяшка, – начал Дик, постукивая большим кулаком по камню, отбивая такт словам. – Олегу заморочил голову Старый, всегда твердил ему, что он умнее, лучше нас с тобой, что он особенный. Он не мог быть лучше нас в поселке или в лесу, он всегда уступал мне. Даже тебе в лесу он уступает. Понимаешь, ему нужна эта сказка о перевале и речи о дикарях, которыми мы не имеем права стать. А я не дикарь. Я не глупее его. Пускай Олег идет, если он уверен. А тебя я не пушу – тебя я уведу вниз.

– Глупости, глупости, глупости! – закричала Марьяна. – Нас послал поселок. Нас все ждут и все надеются.

– Мы принесем больше пользы живыми.

– Пошли. – Олег протянул руку к одеялу, чтобы взять у Томаса карту и счетчик, и медленно произнес: – Прости, Томас, что ты не дошел и я беру у тебя такие ценные вещи.

От откинул край одеяла. Томас лежал, закрыв глаза, лицо его побелело, и губы стали тонкими. И Олег не смог заставить себя дотронуться до холодного тела Томаса.

– Погоди, я сама, – предложила Марьяшка. – Погоди.

Дик поднялся, подошел к скале, поднял со снега флягу, поболтал ею – там плеснулся коньяк. Дик отвинтил крышку и вылил коньяк на снег. Острый незнакомый запах повис в воздухе. Дик завинтил крышку и повесил флягу через плечо. Никто ничего не сказал. Марьяна передала Олегу сложенную карту, счетчик радиации и нож Томаса.

– Нам его не закопать, – решил Дик. – Надо отнести его под обрыв и засыпать камнями.

– Нет! – возразил Олег.

Дик удивленно поднял брови.

И глупо было отвечать. Почему нельзя на Томаса класть камни? Ведь Томас мертв, и ему все равно.

Все сделал Дик.

Олег и Марьяна только помогали ему. Больше они ни о чем не говорили. Олег и Марьяна молча собрались, взяли совсем похудевшие мешки (даже дров осталось на один-два костра), разделили на три части последние ломтики вяленого мяса, и Марьяна отнесла Дику его порцию. Тот положил ломтики в карман и ничего не сказал. Потом Олег и Марьяна поднялись и пошли, не оглядываясь, наверх, к перевалу.

Дик догнал их метров через сто. Догнал, потом обогнал и пошел впереди. Олег шел с трудом, еще не прошли последствия припадка. Марьяна хромала – ушибла ногу, когда лазала по обрыву. Они прошли всего километров десять, и пришлось остановиться на ночлег.

Олег свалился на снег и сразу заснул. Он не проснулся, чтобы напиться кипятку со сладкими корешками. И он не увидел того, что увидели Дик и Марьяшка, когда совсем стемнело. Облака вокруг разошлись, и на небе появились звезды, которых никто из них никогда не видел. Потом небо затянуло вновь. Марьяна тоже заснула, и Дик еще долго сидел у погасшего теплого костра, положив в него ноги, смотрел на небо и ждал – может, облака разойдутся вновь? Он слышал о звездах, старшие всегда говорили о звездах, но никогда раньше он не догадывался, какое величие и простор открываются человеку, который видит звезды. Он понимал, что им никогда не вернуться в поселок.

* * *

Они поднялись рано, выпили немного кипятку, растопив снег, и доели сладкие корешки, от которых голод лишь усилился. В тот день они тащились медленнее, чем обычно, даже Дик выбился из сил.

Беда была в том, что они не знали, правильно ли идут. На карте были нарисованы ориентиры, но они не совпадали. Понятно, почему: люди шли здесь в прошлый раз зимой, когда много снега, когда сильные морозы и мгла, и потому сейчас все вокруг выглядело иначе.

Наступило отчаяние, потому что перевал был абстракцией, в которую невозможно поверить, как невозможно представить себе звездное небо, если его не видел и знаешь лишь по рассказам. Олег жалел, что заснул и пропустил небо, но, может быть, оно повторится следующей ночью? Ведь облака на небе стали тоньше, сквозь них иногда проглядывала голубизна, и вокруг было куда светлее, чем внизу, в лесу.

Днем, когда все выбились из сил, Дик приказал остановиться и начать снегом растирать Марьяшке отмороженные щеки. Тогда Олег увидел в стороне, на снегу, синее пятно. Но до него надо было пройти еще шагов сто, а сил не было, и Олег не стал ничего говорить.

Когда наконец Дик сказал, что пора идти, Олег показал на синее пятно. Они пошли к нему, с каждым шагом быстрее.

Это была синяя короткая куртка из прочного и тонкого материала. Она наполовину вмерзла в снег, и один рукав ее, набитый снегом, торчал вверх. Дик окопал снег вокруг, чтобы вытащить куртку, а Олегом вдруг овладело болезненное нетерпение.

– Не надо, – сказал он хрипло, – зачем? Мы скоро придем, ты понимаешь, мы правильно идем!

– Она крепкая, – объяснил Дик, – Марьяшка совсем замерзла.

– Мне не нужно, – отказалась Марьяшка, – лучше пойдем дальше.

– Идите, я вас догоню, – заупрямился Дик. – Идите.

Дик догнал их через пятнадцать минут, неся куртку в руке, но Марьяна надевать ее не стала, сказала, что куртка мокрая и холодная. Но главное было то, что куртка чужая и ее кто-то носил. И если снял и бросил, то, значит, погиб. Всем известно, что с перевала вышло семьдесят шесть человек, а до леса дошло сорок.

Они не добрались в тот день до перевала, хотя Олегу все казалось, что перевал будет вот-вот – сейчас обойдем этот язык ледника, и будет перевал, сейчас минуем осыпь, и будет перевал... И подъем становится все круче, а воздуха все меньше.

Они ночевали, вернее, пережидали, пока кончится темнота, сжавшись в клубок, закутавшись всеми одеялами и накрывшись палаткой. Все равно не заснешь от холода, они только проваливались в забытие и снова просыпались, чтобы поменяться местами. От Марьяны, которая лежала в середине, почти не было тепла – она стала какой-то бестелесной и острой – почти птичьи кости. Они поднялись с рассветом, над ними было синее звездное небо, но они не смотрели на небо.

Потом постепенно рассвело, облака были прозрачные, как туман, и сквозь них светило солнце, холодное, яркое, которого они тоже никогда не видели, но они не смотрели и на солнце. Они брели, обходя трещины в снегу, осыпи и карнизы. Дик упрямо шагал впереди, выбирая дорогу, падая и срываясь чаще других, но ни разу не уступив первенства. И он первым вышел на перевал, не сообразив, что это и есть перевал, потому что склон, по которому они карабкались, незаметно для глаз выровнялся и превратился в плоскогорье, и потом они увидели впереди зубцы хребтов. Хребет за хребтом, цепи снежных гор, сверкающие под солнцем, а еще через час внизу открылась котловина, посреди которой, громадный даже отсюда, с километровой высоты, лежал круглый диск темного металлического цвета. Он накренился и вдавился в снег точно посреди котловины. До этой котловины капитан смог дотянуть корабль, когда после взрыва в двигательном отсеке отказали приборы. Он посадил корабль тут в метель, ночь и туман здешней злой зимы.

Они стояли в ряд. Три оборванных, изможденных дикаря, арбалеты на плечах, мешки из звериных шкур за спинами, оборванные, обожженные морозом и снегом, черные от голода и усталости, три микроскопические фигурки в громадном, пустом, безмолвном мире, и смотрели на мертвый корабль, который шестнадцать лет назад рухнул на эту планету. И никогда уже не поднимется вновь.

Потом они начали спускаться вниз по крутому склону, цепляясь за камни, стараясь не бежать по неверным осыпям, но бежали все скорее, хотя ноги отказывались слушаться.

И через час они уже были на дне котловины.

Глава четвертая

Шестнадцать лет назад Олегу и Дику было меньше двух лет. Марьяны еще не было на свете. И они не помнили, как опустился здесь, в горах, исследовательский корабль «Полюс». Их первые воспоминания были связаны с поселком, с лесом; повадки шустрых рыжих грибов и хищных лиан они узнали раньше, чем слышали от старших о том, что есть звезды и другой мир. И лес был куда понятнее, чем рассказы о ракетах или домах, в которых может жить по

тысяче человек. Законы леса, законы поселка, возникшие от необходимости сохранить кучку людей, не приспособленных к этой жизни, старались вытолкнуть из памяти Землю и вместо памяти возродить лишь абстрактную надежду на то, что когда-то их найдут и все это кончится. Но сколько надо терпеть и ждать? Десять лет? Десять лет уже прошло. Сто лет? Сто лет – значит, что найдут не тебя, а твоего правнука, если у тебя будет правнук и если он, да и весь поселок смогут просуществовать столько лет. Надежда, жившая в старших, для второго поколения не существовала – она бы только мешала жить в лесу, но не передать им надежду было невозможно, потому что даже смерть человеку не так страшна, если он знает о продолжении своего рода. Смерть становится окончательной в тот момент, когда с ней пропадаешь не только ты, но и все, что привязывало тебя к жизни.

Потому и старшие, и учитель – все, каждый как мог, – старались воспитать в детях ощущение принадлежности к Земле, мысль о том, что рано или поздно отторженность прервется. А в поддержание связи с миром оставался корабль за перевалом. Он существовал, его можно было достичь если не в этот тысячный бесконечный холодный год, то в следующий, когда дети подрастут и смогут дойти до перевала.

Дик, Олег и Марьяна спускались в котловину, к кораблю, он рос, был материален и громаден, но оставался легендой, чашей Грааля, и никто из них не удивился бы, если бы при прикосновении он рассыпался в прах. Они возвращались к дому своих отцов, который пугал тем, что перешел в эту холодную котловину из снов и легенд, рассказанных при тусклом свете лампы в хижине, когда за щелью окна, затянутого рыбьей кожей, рычит снежная метель.

Существование корабля возродило сны и легенды, привязав картины, рожденные воображением и потому неточные, к реальности этого гиганта. Подобного противоречия старшие не понимали – ведь для них за повестью о том, как грянула катастрофа, как пришел холод и тьма, за рассказом о пустых коридорах, в которых постепенно гаснет свет и куда прорываются снаружи сухие снежинки, – за всем этим скрывались зримые образы коридоров и ламп, молчание вспомогательных двигателей и шелканье счетчиков радиации. Для слушателей – Олега и его сверстников – в рассказе понятны были лишь снежинки, а коридоры ассоциировались с чашей леса или темной пещерой – ведь воображение питается лишь тем, что видно и слышано.

Теперь стало понятно, как уходили отсюда люди – тащили детей и раненых, хватали в спешке те вещи, которые должны понадобятся на первое время, в тот момент никто еще не думал, что им придется жить и умирать в этом холодном мире, – гигантские масштабы и невероятная мощь космической цивилизации даже здесь вселяли ложную уверенность, что все случившееся, как бы трагично ни было, лишь временный срыв, случайность, которая будет исправлена, как исправляются случайности всегда.

Вот тот люк.

Уходя, как рассказывал Старый, они закрыли его, а аварийную лестницу, по которой спускались на снег, отнесли в сторону, под нависшую скалу. Это место было отмечено на карте, но искать лестницу не пришлось – снег подтаял, и она лежала на месте, голубая краска кое-где облезла, а когда Дик поднял лестницу, то отпечаток ее остался голубым рисунком на снегу.

Дик пощелкал ногтем по перекладине.

– Легкая, – сообщил он, – надо будет взять.

Никто не ответил ему, Марьяна с Олегом стояли поодаль и, запрокинув головы, разглядывали округлое брюхо корабля. Корабль казался совершенно целым, хоть сейчас лети дальше. И Олег даже представил себе, как он отрывается от котловины, поднимается все быстрее к синему небу и становится черным кружочком, точкой в синеве...

Усталости не было. Тело было легким и послушным, и нетерпение как можно скорее заглянуть внутрь чудовища смешивалось со страхом навсегда исчезнуть в замкнутой сфере корабля.

Олег перевел взгляд на аварийный люк. Сколько раз Старый повторял Олегу: «Аварийный люк не заперт, понимаешь? Мы его только прикрыли. Ты поднимаешься к нему по лесенке и первым делом замеряешь уровень радиации. Ее быть не должно, но обязательно замерь. Тогда радиация была одной из причин, почему нам пришлось так спешно уходить, мороз и радиация. Сорок градусов ниже нуля, системы отопления не функционируют, и высокий радиационный фон – оставаться было нельзя».

Дик бродил вокруг корабля, выковыривая из снега ящики и банки, – многие вещи вытащили из корабля, но их пришлось оставить.

– Ну что, – спросил Олег, – пойдём туда?

– Пойдём. – Дик поднял лестницу и приставил к люку. Потом сам поднялся по ней, сунул в щель нож Томаса, нажал, нож сломался.

– Может, он защёлкнулся? – предположила Марьяна.

– Совсем ножей не осталось, – огорчился Дик.

– Старый сказал, что люк открыт, – напомнил Олег.

– Старый все забыл. Нельзя верить старикам.

– Не получается? – спросила Марьяна.

Облака затянули солнце, и сразу стало темнее, привычнее.

– погоди, – засомневался Олег. – Почему мы тянем крышку на себя, почему толкаем, как дома? А если дверь в корабле открывается иначе?

Дверца была немного утоплена в стене корабля, она уходила под обшивку. А что, если попробовать толкнуть ее вбок? Так не бывает, но если корабль летит, лучше, чтобы дверь сама случайно не открылась. Олег сказал Дик:

– Дай нож.

Тот кинул Олегу сломанный нож, сунул руки под мышки и принялся притопывать: замерз. Даже он замерз.

Пошел сухой снег. Они были одни во всем мире, они умирали от голода и холода, а корабль не хотел пускать их внутрь.

Олег вставил обломок ножа в щель и постарался толкнуть крышку в сторону. Та вдруг щёлкнула и легко, словно ожидала этого, отошла вбок и исчезла в стене. Все правильно. Олег даже не стал оборачиваться – все ли видели, какой он умный. Он решил задачу. Пускай задача была несложная, но другие решить не смогли. Олег заткнул нож за пояс и вынул счетчик радиации.

– Ой! – услышал он голос Марьяны. – Олег открыл!

– Это хорошо, – произнес Дик. – Иди, чего стоишь!

Счетчик показал, что опасности нет, все правильно.

– Там темно, – сказал Олег, – дайте факел.

Даже когда было очень холодно в последнюю ночь, они не стали зажигать факелы. Факелы давали мало тепла, зато долго горели.

– Там тепло? – спросила Марьяна.

– Нет. – Олег принюхался. В корабле сохранился чужой опасный запах. Ступить внутрь было боязно. Но Олег вдруг понял, что теперь он главнее Дика, что Дик страшно. Дик щёлкал кремнем, разжигая факел. Факел занялся маленьким, почти невидимым в свете дня огнем. Дик поднялся до половины лестницы и передал факел Олегу. Но дальше не пошел. Олег принял факел и протянул руку внутрь. Впереди была темнота, под ногами начинался ровный шероховатый пол.

Олег сказал громко, чтобы заглушить страх:

– Я пошел. Берите факелы. И за мной! Я буду ждать внутри.

Пол под ногами чуть пружинил, как будто кора живых деревьев. Но Олег знал, что пол неживой и что таких деревьев на Земле не бывает. Ему почудилось, что впереди кто-то подсте-

регает его, и он замер. Но потом понял, что так возвращается к нему эхо собственного дыхания. Олег сделал еще один шаг вперед, и свет факела, ставший ярче, осветил стену, круглящуюся кверху. Блестящую и светлую стену. Он дотронулся до стены. Она была холодной.

«Вот я и дома, – подумал Олег. – У меня есть дом – поселок. А есть дом, который называется космический исследовательский корабль «Полюс». Он мне тысячу раз снился, но снился совсем не таким, каким оказался на самом деле. А я тут был. Я тут даже родился. Где-то в темной глубине корабля есть комната, где я родился».

– Ты где? – спросил Дик.

Олег обернулся. Силуэт Дика заслонил проем люка.

– Иди сюда, – позвал Олег. – Здесь никого нет.

– Был бы, давно замерз. – Голос Дика улетел по коридору.

Олег протянул Дику факел, чтобы он зажег свой, потом подождал, пока Дик, уступив место Марьяне, зажжет ее факел.

С тремя факелами сразу стало светлее, только очень холодно. Куда холоднее, чем снаружи, потому что там был живой воздух, а здесь воздух мертвый. Коридор закончился дверью, но Олег уже знал, как ее открыть. В действиях Олега появилась еще не настоящая уверенность, но большее единство с кораблем, чем у остальных, которым корабль казался страшной пещерой, и, если бы не голод, они бы остались снаружи. Дойди с ними до корабля Томас, все было бы иначе. Олег не мог взять на себя роль проводника и толкователя тайн, но лучше Олег, чем никто.

За дверью был круглый зал, такого они никогда не видели. В нем мог разместиться весь поселок. Несмотря на свет трех факелов, его потолок пропадал в темноте.

– Ангар, – произнес Олег, повторяя заученные слова Старого. – Здесь посадочные катера и другие средства. Но узел питания был выведен из строя при посадке. Это сыграло роковую роль.

– И вынудило команду и пассажиров идти по горам пешком, – добавила Марьяна.

Старый на уроках заставлял их заучивать наизусть историю поселка, начало этой истории, чтобы не забывалось. «Если у людей нет бумаги, они учат историю наизусть, – говорил он. – Без истории люди перестают быть людьми».

– С огромными жертвами. – продолжил Дик, но не договорил, замолчал: здесь нельзя было говорить громко.

Перед ними, преградив путь, лежал цилиндр длиной метров десять.

– Это тот катер, – сказал Олег, – который они вытянули из ангара на руках, но не успели им воспользоваться, надо было уходить.

– Как холодно. – Марьяна поежилась.

– Он в себе держит холод с зимы, – объяснил Дик. – Куда дальше?

Дик признал главенство Олега.

– Здесь должна быть открытая дверь, – проговорил Олег, – которая ведет в двигательный отсек. Только нам туда нельзя. Мы должны найти лестницу наверх.

– Как ты хорошо все выучил, – чуть улыбнулась Марьяна.

Они снова пошли вдоль стены.

– Здесь должно быть много вещей, – сказал Дик. – Но как мы их понесем обратно?

– А вдруг те, кто здесь умер, ходят? – спросила Марьяна.

– Да кончай ты! – оборвал ее Дик.

– Разумеется! – Олег остановился.

– Что? Что ты увидел?

– Я догадался. Если загнуть концы у лестницы, то тогда ее можно нагрузить вещами и тащить за собой. Ну, как на санях, которые сделал Сергеев.

– А я думала, что ты увидел мертвеца, – шепнула Марьяна.

– Я об этом тоже подумал, – сказал Дик.
– Первая дверь, – сообщил Олег. – Туда нам не надо.
– Я загляну, – решил Дик.
– Там наверняка радиация, – сказал Олег. – Старый говорил.
– Ничего она со мной не сделает. Я сильный.
– Радиация невидима, ты же знаешь. Ты же учился. – Олег пошел дальше, неся факел близко к стене.

Томас был инженером. Томас понимал, что значат эти кнопки и какую силу они в себе несут.

– Сколько всего настроили, – сказал Дик, все еще не примирившийся с кораблем, – а разбились.

– Зато они прилетели через небо, – возразила Марьяна.

– Вот эта дверь, – сообщил Олег. – Отсюда мы попадем в жилые помещения и в навигационный отсек.

Как это всегда звучало: «навигационный отсек», «пульт управления»... Как заклинания. И вот он сейчас увидит навигационный отсек.

– А ты помнишь номер своей комнаты? – спросила Марьяна.

– Каюты, – поправил ее Олег. – Конечно, помню. Сорок четыре.

– Меня отец просил зайти и посмотреть, как все там. У нас сто десятая. А ты ведь родился на корабле?

Олег не ответил. Да вопрос и не требовал ответа. Но странно было, что Марьяна думает так же, как и он.

Олег отвел в сторону дверь. И отпрянул. Он забыл, что этого надо было ожидать. Есть такие краски, которые светятся многие годы. Ими покрашены некоторые коридоры и навигационный отсек.

Свет шел отовсюду и ниоткуда. И было светло. Достаточно, чтобы факелы как бы померкли.

– Ой, – прошептала Марьяна, – а может, тут кто-то живет?

– Хорошо, что есть свет, – сказал Олег. – Сбережем факелы.

– Как будто даже теплее, – произнесла Марьяна.

– Это только кажется, – сказал Олег. – Но мы, наверное, найдем теплые вещи. И будем спать в комнате.

– Нет, – отозвался Дик, который немного отстал и еще не вошел в светлый коридор. – Я не буду спать здесь.

– Почему?

– Я буду спать там, на снегу. Там теплее.

Олег понимал, что Дику страшно спать в корабле, но Олегу хотелось остаться здесь. Он не боялся корабля. Испугался сначала, когда было темно, но не сейчас. Это его дом.

– Я тоже не буду здесь спать, – решила Марьяна. – Здесь есть тени тех, кто жил. Я боюсь.

Справа стена коридора отошла вглубь и была забрана прозрачным, как тонкий слой воды, материалом, и Марьяна вспомнила, что он называется стеклом. А за ним были зеленые растения. С зелеными маленькими листьями, таких зеленых листьев в здешнем лесу не бывает.

– Они не схватят? – спросил Олег.

– Нет, – ответила Марьяна, – они замерзли. На земле растения не кусаются, разве ты забыл, как нам рассказывала тетя Луиза?

– Это не столь важно, – сказал Дик. – Пошли. Не вечно же гулять просто так. А вдруг тут нет еды?

Странно, подумал Олег, мне совсем не хочется есть. Я давно не ел, а есть не хочется. Это нервы.

Через десять шагов они увидели еще одну нишу, но в ней стекло было разбито. Марьяна протянула руку.

– Нельзя, – остановил Дик.

– Я знаю лучше, я их чувствую. А эти мертвые.

Она дотронулась до ветки, и листья рассыпались в пыль.

– Жалко, – проговорила Марьяна. – Жалко, что нет семян, мы бы посадили их у поселка.

– Направо склады, – сказал Олег. – Давайте посмотрим, что там есть.

Они повернули направо. Посреди коридора лежал разорванный полупрозрачный мешок, и из него выкатилось несколько белых банок – видно, когда люди бежали с корабля, мешок разорвался.

* * *

Это было странное, чудесное пиршество. Они вскрывали банки. Дик – ножом, а Олег догадался, что это можно сделать без ножа, если нажать на край банки; они пробовали то, что было в банках и тюбиках. И почти всегда это было вкусно и знакомо. И банок было не жалко, потому что там были целые комнаты, полные ящиков и контейнеров, там были миллионы банок и всяких других контейнеров. Они пили сгущенное молоко, но не было рядом Томаса, который сказал бы, что это молоко. Они глотали шпроты, но не знали, что это шпроты; они выдавливали из тюбиков варенье, которое казалось им слишком сладким; они жевали муку, не зная, что это мука. Марьяна расстроилась, что они так напакостили и на полу грязно.

Потом их потянуло в сон – глаза слипались, словно вся усталость последних дней навалилась на плечи. Но все же Олегу не удалось уговорить спутников остаться в корабле и спать в нем. Они ушли вдвоем, и Олег, как только шаги стихли в коридоре, вдруг испугался и еле сдержался, чтобы не побежать за ними. Он лег на пол, раздвинув банки, и проспал много часов, но время здесь, в корабле, не двигалось, его ничем нельзя было поймать. Олег спал без снов, без мыслей, глубоко и спокойно, куда спокойнее, чем Марьяна с Диком, потому что Дик даже с такой усталости несколько раз за ночь просыпался и прислушивался – нет ли опасности. И тогда чутко просыпалась Марьяна, прятавшая голову на его груди. Они накрылись всеми одеялами и палаткой, и им было не холодно, потому что вечером пошел густой снег и завалил палатку, превратил в сугроб.

Олег проснулся раньше тех, кто спал снаружи, потому что замерз. Он долго прыгал, чтобы согреться, потом поел. Это было удивительное чувство: не думать, хватит ли пищи, – он давно не испытывал его. Немного болел живот. Мог бы болеть сильнее, подумал Олег. Было стыдно глядеть на остатки пиршества, и Олег отодвинул в угол комнаты пустые и полупустые банки. «Надо идти обратно, – подумал он. – Пойти позвать ребят? Нет, наверное, они еще спят». Олегу казалось, что его сон длился лишь несколько минут.

Он немного оглядится, потом выйдет наружу и разбудит остальных. В корабле никого нет. Давно никого нет, бояться нечего. Надо уходить обратно, перевал скоро завалит снегом. А мы тут спим. Разве можно тут спать?

Олег, как настоящий житель леса, везде отлично ориентировался. Даже в корабле. Он не боялся заблудиться и потому спокойно пошел по пандусу, ведущему наверх, в жилые помещения.

Каюту с круглой табличкой «44» он нашел через час. Не потому, что трудно было найти, просто он отвлекался в пути. Сначала он попал в кают-компанию, где увидел длинный стол, и там ему очень понравились установленные посередине забавные солонки и перечницы, и он даже положил их в мешок по штуке, подумал, что мать будет рада, если он принесет ей такие вещи. Потом он долго рассматривал шахматы – видно, при ударе коробка упала на пол и разбилась, а фигуры рассыпались по полу. Ему никто не рассказывал о шахматах, и он решил,

что это скульптуры неизвестных ему земных животных. И конечно, удивителен был ковер – у него не было швов, значит, – его выделали из шкуры одного животного. Эгли рассказывала, что самые большие животные обитают в море и называются китами. Олег видел еще много чудесных и непонятных вещей, и к исходу часа, который потребовался, чтобы добраться до каюты сорок четыре, он был переполнен впечатлениями. Впечатления, накапливаясь, вызывали у Олега отчаяние из-за собственной тупости, из-за неспособности разобраться в вещах и из-за того, что Томас не дошел до корабля и не может все объяснить.

Перед дверью сорок четвертой каюты Олег долго стоял, не решаясь открыть ее, хотя знал, что ничего особенного он там не увидит. И он даже понимал, почему. Пусть мать говорила много раз, что его отец погиб при крушении корабля, что он был в двигательном отсеке, где раскололся реактор, все равно ему казалось, что отец может быть там. Почему-то Олег никогда не верил в смерть отца, и отец оставался живым на корабле, ожидающим, несчастным. Может, это происходило от внутренней убежденности матери, что отец жив. Это был ее кошмар, ее боль, которую она тщательно скрывала ото всех, даже от сына, но сын об этой болезни знал.

Наконец Олег заставил себя отодвинуть дверь. В каюте было темно. Стены ее были покрыты обычной краской. Пришлось задержаться, зажечь факел, и глаза не сразу привыкли к полутьме. Каюта состояла из двух комнат. В первой стоял стол, диван, здесь ночевал отец, во второй, внутренней комнате жила мать с ним, с Олегом, младенцем.

Каюта была пуста. Отец не вернулся в нее. Мать ошиблась.

Но Олега ждал иной сюрприз, иное потрясение, выражение той паузы, в которой жил корабль с момента, как люди покинули его, и до того дня, когда к нему вернулся Олег.

В маленькой комнате стояла детская кроватка. Он сразу понял, что это сооружение с расстегнутыми и висящими по сторонам ремнями, мягкое, как бы повисшее в воздухе, предназначено для маленького ребенка. И вот почему-то недавно, минуту назад, ребенка унесли отсюда в спешке, даже оставили один маленький розовый носок и разноцветную погремушку. Олег, еще не осознав до конца, что встретился с самим собой в этом заповеднике остановившегося времени, поднял погремушку и взмахнул ею, и именно в этот момент, услышав звук погремушки и, как ни странно, узнав его, он осознал реальность корабля, реальность этого мира, более глубокую и настоящую, чем реальность поселка и леса. В обычной жизни нельзя встретиться с самим собой. Вещи исчезают, а если что-то и остается, то остается как память, как сувенир. А здесь, в петле, прикрепленной к бортику кровати, висела недопитая бутылочка с молоком, молоко замерзло, но его можно было растопить и допить.

И, увидев себя, встретившись с собой, осознав и пережив эту встречу, Олег принялся искать следы двух других людей, бывших здесь по ту сторону остановившегося времени, – отца и матери.

Мать найти было легче. Она бежала отсюда, унося его, Олега, поэтому на ее кровати в глубине каюты валялся скрученный, смятый, сорванный второпях халат, мягкая туфля вывалилась из-под кровати, книга, заложенная листком бумаги, лежала на подушке. Олег поднял книгу, осторожно, боясь, не рассыплется ли она, как то растение в коридоре. Но книга отлично перенесла мороз. Книга называлась «Анна Каренина» и была написана Львом Толстым. Это была толстая книга, а на закладке набросаны формулы – мать была физиком-теоретиком. Олег никогда не видел почерка матери, потому что в деревне не на чем было писать, он никогда не видел книги, потому что книг в тот момент никто не брал с корабля, Олег слышал имя писателя на уроках тети Луизы, но не думал, что писатель может написать такую толстую книгу. Олег взял книгу с собой. И он знал: как бы ни было тяжело идти назад, он книгу донесет. И этот листочек с формулами. И потом, подумав, он положил в мешок туфли матери. Они казались очень узкими для ее разбитых, старых ног, но пускай они у нее будут.

А следы отца, хоть и были вещественны и очевидны, почему-то не произвели на Олега такого впечатления, как встреча с самим собой. Это случилось потому, что отца в тот момент,

когда корабль разбился, не было. Он ушел раньше. Он ушел на вахту, убрав за собой, – отец был аккуратным человеком, не терпел беспорядка. Его книги стояли в ряд на полке за стеклом, его вещи висели в стенном шкафу... Олег вынул из шкафа мундир отца. Наверное, он не надевал его на корабле, мундир был совсем новым, синим, плотным, с двумя звездочками на груди, над карманом куртки, с тонким золотым лампасом на узких штанах. Олег вынул мундир из шкафа и приложил к себе – мундир был немного великоват. Тогда Олег надел куртку поверх своей, и она стала впору, только пришлось чуть подогнуть рукава. Потом подвернул штанины. Если бы отец жил в деревне и ходил в этом мундире, он разрешил бы Олегу иногда надевать его.

Теперь корабль окончательно принадлежал Олегу. Даже вернувшись в лес, он всегда будет тосковать по кораблю и стремиться обратно сюда, как стремится Старый и как стремился Томас. И в этом тоже не было ничего плохого, в этом была победа Старого, который не хочет, чтобы те, кто растет в деревне, стали частью леса. Теперь Олег окончательно понял, как и почему думал Старый, и слова его приобрели смысл, осознать который можно было только здесь.

Олег догадался откинуть крышку стола, там с внутренней стороны оказалось зеркало. Олегу приходилось видеть себя отраженным в луже. Но в большом зеркале он не видел себя никогда. И, глядя на себя, он осознавал раздвоение, но это раздвоение не было противоестественным – ведь там, за открытой дверью, только что был он, маленький Олег, он даже не допил молоко. А теперь он стоит перед зеркалом в мундире отца. Конечно, он сейчас совсем не похож на отца, потому что лицо его обветрено, обморожено, обтянуто темной кожей с ранними морщинами от недоедания и жестокого климата, но все-таки это он, Олег, вырос, вернулся, надел мундир и стал членом экипажа корабля «Полус».

В письменном столе он нашел записную книжку отца, половина страниц в ней была пустой, не меньше ста пустых белых листков, целое сокровище для Старого. Можно будет учить ребят, рисуя на бумаге разные вещи, которых они никогда не видели. Ведь им надо будет, как подрастут, обязательно вернуться к кораблю. И еще он нашел там несколько объемных цветных картинок, фотографий с видами земных городов, и тоже взял с собой. Некоторые другие вещи были непонятны, их Олег трогать пока не стал – он понимал, что возвращение к поселку будет трудным. Но одну вещь он взял, потому что сразу догадался, что это такое, и понял, как будут счастливы Сергеев и Вайткус, который рисовал ему эту вещь на влажной глине и много раз повторял: «Я никогда не прощу себе, что никто из нас не взял бластера. Ни один человек». «Ты зря казнишься, – отвечал Старый, – для этого надо было возвращаться на мостик, а там была смертельная радиация». Оказывается, бластер лежал у отца в столе.

Рукоять надежно легла на ладонь. И чтобы проверить, есть ли в бластере заряд, он направил его на стену и нажал на спуск. Из бластера вылетела молния и опалила стену. Олег зажмурился, но еще с минуту после этого в глазах прыгали искры. И Олег вышел в коридор с бластером в руке: теперь он был не только хозяином корабля, но еще и получил возможность говорить с лесом не как проситель. Нас не трогайте!

В коридоре Олег остановился в раздумье. Хотелось пойти в навигационный отсек или в узел связи, но разумнее вернуться на склад, потому что если Дик с Марьяной пришли туда, они будут волноваться.

Олег быстро пошел обратно, но склад был пуст. Никто туда не заходил. Ну что ж, разбудим их. К тому же, хоть Олег в этом себе не признавался, хотелось показаться им в мундире космонавта, хотелось сказать: «Вы проспите все на свете. А нам пора улетать к звездам...»

На этот раз он пересек ангар напрямик, путь назад оказался куда короче, чем вчера, он уже привык к кораблю. Впереди показался яркий свет – люк наружу был открыт. Они его забыли закрыть. Хотя это здесь не важно, на такой высоте вряд ли водятся звери, что им тут делать?

Олег зажмурился и постоял так с минуту, пока глаза не привыкли к солнечному свету. Солнце стояло высоко, ночь давно прошла. Олег открыл глаза и испугался.

Никаких следов Дика и Марьяны: снег за ночь все сровнял и сгладил, снег без единого темного пятна.

– Эй! – сказал Олег негромко. Тишь стояла такая, что страшно было ее разбудить.

И тут же Олег заметил, как что-то зашевелилось метрах в двадцати от корабля. Там был невысокий пологий снежный холм. И зверь, белый, почти сливающийся со снегом, какого раньше Олегу не приходилось видеть, похожий на ящерицу, только мохнатую, длиной метра четыре, осторожно, словно боясь спугнуть добычу, разрывал холм. Олег как зачарованный глядел на зверя и ждал, что будет дальше, он не связал белый сугроб с ночевкой Дика к Марьяны. Даже когда лапы зверя разгребли снег и там показалось темное пятно покрывала палатки, он все равно стоял неподвижно.

Но в этот момент проснулся Дик, он сквозь сон услышал, как ворочается над ними зверь, и его нос уловил чужой опасный запах зверя. Дик, выхватив нож, рванулся из-под палатки, но запутался в одеялах. Олегу показалось, что снежный сугроб внезапно ожил, взметнулся вверх столбом снега. Зверь, ничуть не испуганный этим взрывом, а, наоборот, убедившийся в том, что не ошибся, раскапывая добычу, сцапал когтистыми лапами комок шкур и старался придавить его к земле, придушить, рыча и радуясь добыче.

Олег – лесной житель – нащупывал у пояса нож и примеривался для прыжка, глазами уже пытаясь угадать, где у этого белого зверя уязвимое место, куда надо вонзить нож. А Олег – житель корабля и сын механика – вместо ножа выхватил бластер, но стрелять отсюда, сверху, издали, не стал, а спрыгнул на снег и бросился к зверю, сжимая в руке оружие. Зверь, увидев его, поднял морду и зарычал, отпугивая Олега, видно, приняв его за конкурента, и тогда, уже без опаски попасть в Дика, Олег остановился и всадил в оскаленную морду заряд бластера.

* * *

Пока Дик с Марьяной, пообедав и обойдя корабль, стаскивали ко входу то, что надо взять в поселок, Олег забрался на самый верх, в навигационный отсек. Он звал Дика с собой, но тот не пошел – ему достаточно было добычи. Не могла и Марьяна – Олег показал ей, где находится госпиталь, и она отбирала лекарства и инструменты, которые описала ей Эгли. А надо было спешить, потому что снова пошел снег и заметно похолодало. Еще день, и из гор не выбраться – снег будет идти много дней, и морозы упадут до пятидесяти градусов. Так что Олег оказался в навигационном отсеке один.

Он постоял несколько минут в торжественном окружении приборов в центре погибшего корабля, создание которого было немыслимым подвигом миллионов умов и тысяч лет человеческой цивилизации. Но Олег не испытывал ни ужаса, ни безнадежности. Он знал, что теперь поселок, по крайней мере для него, Олега, превратится из центра вселенной во временное убежище на те годы, пока корабль не станет истинным домом: пока они не поймут его настолько, чтобы с его помощью найти способ сообщить о себе на Землю. Для этого надо – старшие тысячи раз обсуждали это – восстановить аварийную связь.

Олег вошел в радиоотсек, потому что Старый сказал ему, где искать справочник и инструкции по связи, те, которые надо понять прежде, чем умрет Старый и умрет Сергеев: только они могут помочь ему, Олегу, и тем, кто придет вслед за Олегом.

В радиоотсеке Олег не сразу отыскал ящик с инструментами. Он вынул справочники, их оказалось много, и неизвестно, какой нужен. Но Олег знал, что он скорее выкинет туфли матери, чем эти книги. Он рад бы взять с собой какие-нибудь детали, инструменты, которые пригодятся, но понимал, что это придется отложить до следующего раза, когда он будет понимать смысл этих экранов и панелей.

И тут внимание Олега привлекло слабое мерцание в углу панели, полуприкрытой креслом оператора. Олег осторожно, словно к дикому зверю, подошел к тому месту.

На панели равномерно вспыхивал зеленый огонек.

Олег попытался заглянуть за панель, чтобы понять, почему это происходит, но не удалось. Он уселся в кресло оператора и начал нажимать на кнопки перед панелью. Тоже ничего не произошло, огонек все так же мерцал. Что это означает? Почему огонек? Кто оставил его? Кому он нужен?

Рука Олега дотронулась до ручки, которая легко подалась и сдернулась вправо. И тогда из-за тонкой решетки рядом с огоньком донесся тихий человеческий голос:

– Говорит Земля... Говорит Земля. – Затем раздался писк в такт мерцанию огонька, и в пiske был какой-то непонятный смысл. Через минуту голос повторил: – Говорит Земля... Говорит Земля...

Олег потерял ощущение времени. Он ждал снова и снова, когда раздастся голос, которому он не мог ответить, но который связывал его с будущим, с тем моментом, когда он ответить сможет.

Его вернул к действительности звоночек наручных часов – их нашел в своей комнате Дик и отдал ему. Часы звенели каждые пятнадцать минут. Может, так было нужно.

Олег поднялся, ответил голосу Земли:

– До свидания.

И пошел к выходу из корабля, волоча кипу справочников, в которых не понимал ни единого слова. Дик с Марьяной уже ждали его внизу.

– Я за тобой собирался, – сказал Дик. – Ты что, хочешь здесь насовсем остаться?

– Я бы остался. Я слышал, как говорит Земля.

– Где? – воскликнула Марьяна.

– В радиоотсеке.

– Ты ей сказал, что мы здесь?

– Они не слышат. Это какой-то автомат. Ведь связь не работает. Разве ты забыла?

– А может, теперь заработала?

– Нет, но обязательно заработает.

– Ты это сделаешь?

– Вот книги. И я их выучу.

Дик скептически хмыкнул.

– Дик, Дикушка, – взмолилась Марьяна, – я только сбегая туда и послушаю голос. Это быстро. Пойдем вместе, а?

– Кто все это будет тащить? – спросил ворчливо Дик. – Ты знаешь, сколько снега на перевале?

Он уже снова чувствовал себя главным. Из-за пояса у него торчала рукоять бластера. Но арбалет, разумеется, не бросил.

– Дотащим. – Олег бросил мешок на снег. – Пошли, Марьяшка, ты послушаешь голос, тем более что я, конечно, забыл самое главное. В госпитале есть небольшой микроскоп?

– Да, даже не один.

– Ладно, – сказал Дик, – тогда я с вами.

* * *

Они втроем впряглись в сани и волокли их сначала вверх по крутому склону котловины, потом по плоскогорью, потом вниз. Шел снег, и идти было очень трудно. Но было не холодно. И было много еды. Пустые банки они не выкидывали.

На четвертый день, когда начали спускаться по ущелью, где тек ручей, они вдруг услышали знакомое блеяние.

Коза лежала под скальным навесом у самой воды.

– Она нас ждала! – закричала Марьяна.

Коза исхудала так, что казалось, вот-вот умрет. Три пушистых козленка возились у ее живота, стараясь добраться до сосков.

Марьяна быстро откинула покрывало на нартах и стала искать в мешках, чем накормить козу.

– Смотри не отрави ее, – предупредил Олег.

Коза показалась ему очень красивой. Он был рад ей. Почти как Марьяна. И даже Дик не сердился, он был справедливым человеком.

– Молодец, что от меня убежала, – похвалил он. – Я бы тебя наверняка убил. А теперь мы тебя запряжем.

Правда, запрячь козу не удалось. Она вопила так, что тряслись скалы, к тому же козлята тоже оказались крикливыми созданиями и переживали за мать.

Так и шли дальше: Дик с Олегом волокли нарты, Марьяна поддерживала их сзади, чтобы не опрокинулись, а последней шла коза с детенышами и канючила – ей вечно хотелось есть. Даже когда спустились к лесу, и там были грибы и корешки, она все равно требовала сгущенного молока, хотя так же, как и путешественники, не знала еще, что эта белая сладкая масса называется сгущенным молоком.

Часть вторая. За перевалом

Глава первая

Оттепель затянулась на две недели.

Судя по календарю, весне наступать было рано, но все надеялись, что морозы больше не вернутся.

В поселке двойной календарь. Один – местный, он определяется сменой дней, приходом зимы и лета. Вторым – земной, формальный. Как закон, которому никто не подчиняется.

Давно, почти девятнадцать лет назад по земному счету и шесть лет по местному, когда остатки тех, кто спасся после гибели «Полюса», достигли леса, Сергеев сделал первую зарубку на столбе, вбитом за крайней хижинкой. Одна зарубка – земной день. Тридцать зарубок или тридцать одна – земной месяц.

Постепенно календарь превратился в целый лес столбов с зарубками. Над ними соорудили навес от дождя и снега, зарубки были разные. Одни длинные, другие короткие. Возле некоторых дополнительные знаки. Знаки смерти и знаки рождения. Знаки эпидемии и знаки больших морозов.

Когда Олег был маленьким, эти столбы казались ему живыми и всезнающими. Они всё помнили. Они помнили, что он плохо выучил географию или нагрубил матери. Как-то Марьяна призналась Олегу, что тоже боялась этих столбов. А Дик засмеялся и рассказал, что хотел срезать со столба плохую зарубку, но Старый поймал его и отчитал.

Календарь Сергеева был лживым. Все об этом знали. Он был лживым дважды. Во-первых, сутки здесь на два часа длиннее, чем на Земле. Во-вторых, таких суток в году больше тысячи. Короткое лето, длинная дождливая осень, четыреста дней зимы и холодная, тоже длинная весна. Вся эта тягучая арифметика и стала как бы водоразделом между старшими, пришедшими с корабля, и молодым поколением. Старшие делают вид, что верят столбам под навесом и отсчитывают земные годы. Младшие приняли местный год, как он есть. Иначе как разберешься, если осень – это год и зима – тоже год...

Оттепель затянулась на две недели. Снег съезжился, пошел проплешинами. Склон кладбищенского холма, обращенный к поселку, стал бурый – вылезла и зашевелилась, поверив, что наступила весна, молодая поросль лишайника. Единственная улица поселка превратилась в длинную полосу грязи. За домами полоса раздваивалась – узкое русло шло к воротам в изгороди, широкое заканчивалось у мастерской и сараев. Справа от мастерской, перед козлятником, образовалась глубокая зеленая лужа. Утром козлята разбивали в ней ледок острыми когтями и копались в грязи, разыскивая червей. Потом начинали играть, драться, поднимать брызги, падали в жижу, сучили ногами – тоже приветствовали видимость весны. Лишь коза по имени Коза, матриарх этого семейства, отлично понимала, что до весны еще далеко. Она часами торчала возле мастерской, откуда тянуло теплом, а когда ей становилось невтерпёж, принималась тереться панцирем о стенку. Мастерская раскачивалась, Олег выбегал наружу и гнал козу палкой. При виде Олега коза поднималась на задние ноги, суетливо размахивала передними, нависала над Олегом и тонко блеяла от радости. Она была убеждена, что ее любимец шутит. Тогда Олег звал на помощь Сергеева. Его коза побаивалась. «А ну, – грозно говорил Сергеев, – возвращайтесь, мадам, к материнским обязанностям. Ваши дети – беспризорники». Коза не спеша уходила, высоко подкидывая зеленый зад. К беспризорникам она не возвращалась, а брела к изгороди и замирала там, надеясь, что появится ее друг, матерый козел, выше трех метров в холке, украшенной острыми костяными пластинами.

Порой козел возникал на опушке и тонким голосом звал козу гулять. Близко к изгороди он не подходил, опасался людей. Коза бежала к воротам и, если там никого не было, сама открывала засов и пропадала на несколько дней. От этих прогулок уже трижды случались приплоды, и потому в сарае жило семеро козлят разного возраста.

Пользы от козлиного стада было мало, но козы стали частью быта, доказательством живучести поселка, развлечением для ребятишек, которые ездили на них верхом, хотя козлятам это не нравилось и проделки наездников кончались синяками. Можно, конечно, было их зарезать и съесть – убивали же охотники диких коз. В середине зимы, когда стало плохо с пищей, Дик предложил сам все сделать. Но Марьяна воспротивилась, и ее поддержал Старый. Дик пожал плечами, он не любил спорить и ушел в лес, несмотря на метель. Вернулся он поздно вечером, обморозив пальцы на левой руке, но принес небольшого медвежонка.

Одно преимущество от существования козы все же было. Она оказалась изумительной сторожихой. И научила сторожить козлят. Стоило чужому подойти к изгороди, как козлиное семейство поднимало такой шум, что просыпался весь поселок. Правда, потом, если козе мерещилось, что опасность серьезная, она неслась в первый попавшийся дом прятаться. Тут она умудрялась перебить все, что плохо лежит, и опустошить, если вовремя не спохватишься, все миски и кастрюли.

Коза, существо добродушное и общительное, ненавидела только Чистоплюя. Вернее всего, ей в прошлом приходилось с ним встречаться. Близко к его клетке она подходить не решалась, но с почтительного расстояния топотала, угрожающе раскачивала гребнем, блеяла и требовала, чтобы поселок очистили от такого отвратительного жителя.

Первым познакомился с Чистоплюем приемыш большой Луизы, Казик.

К весне Казик исполнилось тринадцать лет, хотя на вид не дашь и десяти. Маленький, сухой, темная кожа вся в синих отметинах перекаטיפоля, руки в царапинах, шрам через лоб, наискось. Казика прозвали Маугли, потому что лес для него был родным домом. Если другие подростки могли бродить по лесу, если надо – и переночевать, зная, как укрыться от хищников в мягкой развилке белой сосны, Маугли мог жить в лесу неделями. По лесу он шел хозяином. И это знали все. Деревья послушно убирали ветки с его пути, грибы закапывались в землю, лианы-хищницы поджимали хвосты. Его запаха боялись даже шакалы. Маугли никогда не брал в лес арбалета. Он умел метать нож с такой силой и точностью, что мог пригвоздить комара к стволу с расстояния в пятьдесят метров.

В поселке Казик был всегда тих и неразговорчив. Он никогда не плакал и не дрался. И никто не хотел драться с ним, потому что в любой драке Казика охватывала холодная ярость. Он не умел играть.

Сначала Луиза боялась, что Казик – отстающий ребенок. Но в школу он ходил послушно, и, хотя никогда в классе не вызывался отвечать и не задавал вопросов, предпочитая молчать, когда другие шумно обсуждали что-нибудь, он все запоминал. Старый утверждал, что у Казика отличная фотографическая память. «На Земле, – говорил он, – из него бы вырос выдающийся человек. Здесь же не хватает интеллектуальной пищи. Это талантливейший, но вечно голодный мозг». «Дай ему все, что можешь, – отвечала большая Луиза, – а потом мы вернемся на Землю, и другие дадут остальное».

Идолем, покровителем и верным другом Казика был Дик. И потому, что Дик был человеком леса, и потому, что оба они были сиротами. Дик вообще едва помнил своих родителей. Казик потерял их в эпидемию, когда был маленьким. Он никогда не называл Луизу матерью. Фумико, второй приемыш Луизы, звала ее матерью. Казик – только Луизой.

Осенью, после возвращения с гор, где лежал разбитый «Полюс», Казик с Диком были в лесу. Они пошли на дальнюю охоту, к югу, километров за двадцать. Туда осенью откочевывают стада мустангов. Мясо мустангов несъедобно, даже шакал не трогает мустанга. Но у мустангов есть удивительный воздушный пузырь. Животное раздувает его, когда спасается от погони.

Тогда мустанг из сухого, поджарого, чем-то схожего с лошадыю насекомого превращается в блестящий шар и поднимается в воздух. Его воздушный пузырь эластичен и крепок. Из него получаются оконные пленки, мешки, сумки, пузыри для воды и зерна и многие другие полезные вещи. А девочки в поселке завели моду – радужные легкие накидки – и бегают в них как стрекозы.

Охотники вышли на рассвете. Ничего интересного в лесу они не встретили. В те дни все еще жили памятью об удивительном походе к перевалу, и потому немногословный Казик был на себя не похож – он замучил Дика вопросами. Он бесшумно и легко шагал рядом, не глядя под ноги, чтобы накрыть жесткой ладошкой сладкий грибок и кинуть, не останавливаясь, в рот, иногда стрелой кидался в сторону, чтобы приняться к следу, но тут же возвращался с очередным вопросом:

- Он весь из железа?
- Из сплава.
- И больше нашего поселка?
- Как наша изгородь. Нет, больше.
- И круглый?
- Маугли, ты это уже спрашивал.

Дик не любил говорить в лесу. В лесу далеко слышно. В лесу надо самому слушать. Казика эти соображения не смущали. Он все равно слышал лучше любого зверя.

– Я еще спрошу, – упрямо отвечал Казик. – Мне нравится спрашивать. Будущим летом ты возьмешь меня к «Полюсу»?

- Обязательно. Если ты будешь себя хорошо вести.

Казик фыркнул. Он вел себя так, как считал нужным.

– Я хочу полететь к звездам, – сказал Казик. – Звезды куда больше, чем наш лес, чем вся эта земля. Ты знаешь, куда я поеду, когда мы вернемся на Землю? Я поеду в Индию.

- Почему? – удивился Дик.
- Так. – Казик вдруг смутился. – Хочу.

Некоторое время они шли молча.

- Я бы остался здесь, – вдруг произнес Дик. Он никогда никому не говорил об этом.

Казик молчал. Вдруг он разбежался, прыгнул на низкий горизонтальный сук дерева, дотянулся до орехового гнезда и, сорвав его, кинул себе в мешок.

- Вечером поджарим, – сказал он, спрыгивая на землю.

Дик нахмурился. Он был недоволен собой. Это ему следовало бы увидеть гнездо орехов. Для Дика лес был полем боя, на котором он всегда старался побеждать. В лесу таились опасности, которые надо преодолеть или обойти, в лесу скрывалась добыча, которую надо настичь, хищники или смертоносные твари, которых надо убить, чтобы они не убили тебя. Казика же лес был домом, может, даже больше домом, чем поселок, потому что само существование поселка было чуждо этому миру, и лес мирился с ним только потому, что люди оказывались умнее и хитрее. Лес Казика был понятен и потому не страшен. Он не боролся с врагами. Если он был сильнее, то гнал противника. И уступал дорогу тому, кто сильнее его. Но и особой любви к лесу он не чувствовал, как не испытывал каких-либо чувств к воздуху или воде. Все его мечты, мысли, надежды были связаны с тем миром, который жил в рассказах взрослых, в памяти Луизы и Старого. Тот мир – обиталище звезд и космических кораблей, мир, в котором его ждала Земля, – был ему формально известен лучше, чем любому другому жителю поселка. Только об этом никто не догадывался. Потому что Казик запомнил все, что говорил о Земле Старый, все, что слышал из разговоров взрослых. Он знал высоту Эвереста и даты жизни Александра Македонского, атомные веса всех элементов и длину Брахмапутры, его мальчишеская голова была напичкана цифрами и сведениями, не имеющими никакого отношения к сумрачному миру поселка. Особенно его пленяла история – бесчисленность поколений, каж-

дое из которых жило, воевало, строило, сменяя друг друга на Земле. Миллиарды людей и миллионы событий, связанные сложным клубком отношений, превращали лес и поселок в некую абстракцию, подобие скучного сна, который надо перетерпеть. «Я целый год буду ходить по музеям, – говорил он себе, – Я знаю, как они называются: Эрмитаж, Лондонский музей, Прадо, Пергамон...» Но об этом он никому не говорил. Зачем говорить?

Когда летом Марьяна, Дик с Олегом и Томас Хинд отправились к перевалу, Казик мысленно прошел с ними весь путь по горам. И задолго до того, как они возвратились, он перестал есть, спать – он слушал. Слушал, когда они вернутся. Именно он встретил их километрах в десяти от поселка, когда они из последних сил тащили по грязной земле самодельные сани, нагруженные сокровищами с корабля.

Он допросил каждого в отдельности, тихо и настойчиво, о том, что они видели на корабле. Он знал, что надо ждать следующего лета, чтобы вернуться к «Полюсу», и три земных года казались ему недолгими. Пройдет зима, Олег с Сергеевым догадаются, как починить связь, настроят радио, и тогда Земля пришлет помощь.

Когда стемнело, а стемнело часа в четыре, Дик с Казиком остановились на ночлег в роще вонючек. Звери леса избегают таких мест, но если потерпеть, то к запаху можно привыкнуть. На следующее утро Дик с Казиком нашли стадо мустангов, подкрались к нему так, что насекомые их не учуяли, и выборочно убили нескольких старых самцов. Дик стрелял из арбалета, бластер, взятый на корабле, он носил с собой, но не пользовался им – берег заряд. Казик убил только одного мустанга. Его задача на охоте была другой – он гнал самцов к Дикун так, чтобы они не могли взлететь. Убил он, метнув нож, который ему выточил Сергеев – тот сделал ножи всем жителям поселка из металлической лестницы. Ее притащили с «Полюса».

Дик остался свежевать мустангов: вырезать пузырь, не повредив его, – кропотливая работа, не для мальчишки. Казик не сиделось на месте, он пошел вниз по берегу ручья, поглядеть нет ли там улиток. Из их раковин получались отменные скребки и блюдца – женщины в поселке скажут спасибо.

Казик прошел метров триста. Он думал о волшебной стране Индии, где в молодости жила Луиза, он входил в ворота города со сказочным названием Хайдарабад. И вдруг он услышал хлопок, что-то мелькнуло перед глазами, и в следующее мгновение Казик обнаружил, что стоит посреди озера, которого только что не было.

Озеро было совершенно круглым, метра три в диаметре, глубиной сантиметра два-три, не больше – травинки и камешки выступали из него. Оно было совершенно гладким и отражало затянутое облаками фиолетовое небо. Как будто сверху упала громадная капля.

Казик замер. Как любой обитатель леса, он не любил неожиданностей.

Лес насторожился и молчал, Казик хотел отступить и осторожно начал поднимать ногу. Но жидкость держала его за сапоги, сшитые из толстой рыбьей кожи, на глазах твердела, стекленела.

Казик встревожился и свистнул, призывая на помощь Дика. Он не сообразил, что ушел далеко и Дик не услышит. Тогда он снова замер, размышляя, что делать. И тут плотная стена листьев зашевелилась, и из них медленно вылезла тварь, схожая с крабом, с которого сняли панцирь и спереди приспособили хобот. Тварь была незнакома Казикун и не имела названия. Но от нее исходила опасность. И мальчик назвал ее гадом.

По сторонам хобота, ниже бессмысленных оловянных глаз, у гада были отверстия, затянутые мембранами. Мембраны чуть дрожали, и Казик интуитивно понял, что ему надо опасаться именно их. Поэтому, когда мембраны открылись и из скрытых ими отверстий метнулись две струи клейкой желтой жидкости, Казик был к этому готов и, хоть его ноги были прикованы к затвердевшей луже, извернулся и присел. Жидкость с громким плеском ударилась о лужу и потекла по ней, как вода по льду.

Гад был очень удивлен, что промахнулся. Он не привык к подобному поведению жертвы. Гад повел головой, поднял к небу хобот, затопал тонкими ломкими ногами – он был в гневе.

Казик даже улыбнулся, увидев, как гад прикрыл отверстия мембранами и начал раздуваться, пыжиться, тужиться, затем вновь открыл мембраны, но вместо упругих струй из отверстий вылились две жалкие струйки. Гад осел на задние лапы – видно, собрался ждать и думать, если у него, конечно, было чем думать. Казик же предстояло решить проблему, как выбраться из ловушки.

Клей, ссохшись, сжал ноги. Ясно было, что сапогами придется пожертвовать, Казик стал вытаскивать ноги из сапог. Теперь надо было прыгнуть в сторону, метра на полтора, стараясь не коснуться голыми ступнями клея. Глядя на Казика, гад снова взволновался. Он потрогал когтем передней ноги клей с края и, поняв, что тот еще не засох и жертву голыми руками не взять, отправился, медленно и неуверенно переставляя ноги, вокруг клеевой ловушки, отыскивая место, откуда можно дотянуться до Казика хоботом.

Казик прыгнул в дальнюю от гада сторону так, чтобы приземлиться на руки и подтянуть ноги. Прыжок почти удался, но правая нога голой подушечкой ступни коснулась края клеевого озера, и ее, прихваченную клеем, остро обожгло. Пытаясь оторвать ногу, Казик закричал так, что слышно было, наверное, в поселке, а гад, сообразив наконец, что муха попалась, шустро поспешил к Казик.

Изогнувшись, Казик вытащил нож и хотел было метнуть его в гада, но понял, что важнее сейчас освободить ногу – неизвестно еще, поможет ли нож против этого существа.

Казик быстрым движением попытался срезать слой клея, но нож только скользил по стеклянной поверхности. И тогда, чувствуя, как тянется к нему хобот гада, Казик полоснул себя по ступне, промахнулся и поднял нож, чтобы ударить в хобот, который уже дотянулся до него, обдав холодным кислым запахом.

И в этот момент Дик выстрелил в гада из бластера.

Дик не слышал свиста, но услышал крик о помощи и, когда прибежал, испугался за Казика. Он стрелял, пока рыхлое тело не превратилось в черный дымящийся клубок и ноги не рассыпались, как сучья, обломанные с дерева. Пахло озоном.

Казик с удивлением поглядел на кучу золы, окруженную сухими сучьями, и сказал:

– Зачем же так? Пистолет жалко.

Он никогда еще не видел действия бластера, но знал, что заряд надо беречь.

– Дурак, – бросил Дик. – Он бы тебя высосал. Кто по лесу ходит, задрал нос? В Индию собрался?

Казик промолчал. Ему удалось оторвать ступню от клея. Текла кровь. Он полез в мешок за бальзамом. Потом проговорил:

– Сапоги жалко.

Ногу смазали и перевязали, и Казик доехал до поселка на плечах Дика. Дику было тяжело. Он тащил еще и мешок с пузырями мустангов, но Дик был сильным, и все знали об этом. Поэтому он терпел. Казик тоже молчал, хотя ступня болела, и потом, в поселке, он две недели прыгал на одной ноге.

Приключение с Казиком явилось причиной важных событий. Первым толчком к ним послужили слова Казика. Он тогда сидел на койке и смотрел, как его приемная мать шьет ему сапоги. Еще утром Вайткус принес крой – он вырезал заготовки из рыбьей кожи, и большая Луиза сшивала их.

Работа эта была первобытная, хотя Марьяна и принесла с «Полюса» настоящие иголки. Ниток она там не нашла, и потому в поселке, как и прежде, использовали нитяные стебли водорослей, а они были довольно толстыми, и их все время приходилось связывать – уж очень коротки. Луиза, как всегда, ворчала, потому что ненавидела шитье, на которое в поселке уходило так много времени, Казик смотрел на нее, а потом сказал:

- Как выздоровлю, пойду в лес и притащу этого гада.
- Какого гада? Зачем? – не поняла Луиза.
- Чтобы шить.
- Почему твой гад должен шить?
- Ты не понимаешь, – ответил Казик. – Он не будет шить, он будет клеить.

Луиза пропустила слова Казика мимо ушей, но тот был человеком настойчивым. Как только он смог подняться с постели, он приковывал к Старому и попросил у него ненужную сеть. Старый ловил сетями рыбу в озерах за болотом, сети часто рвались, и Старый, который считал вязанье сетей лучшим транквилизатором и потому накопил их великое множество, выбрал самую большую и крепкую и даже согласился участвовать в экспедиции по поимке гада.

Еще в поход отправились Фумико, сводная сестра Казика, и старший из детей Вайткуса, добряк Пятрас. Ну и, конечно, Дик. Три дня они путешествовали по зарослям, пока не отыскали плюющего клеем гада. Дик раздражил его, и гад выплюнул весь запас клея. После этого накрыть его сетью и дотащить до поселка было нетрудно. Главное – не обломать ему ноги.

Гаду соорудили клетку, кормили его червями и улитками. Он себя отлично чувствовал, обмотал клетку изнутри паутиной и считал родным домом. Он был туп и медлителен, ну а что до непривлекательной внешности – в поселке привыкли к уродам и пострашнее.

Назвали гада Чистоплюем. Можно было бы назвать Чистоплюя пауком или крабом, но эти имена уже достались другим существам.

Старый давно заметил, что постепенно земной язык изменяется, приспосабливается к новой действительности. Словарный запас детей питался лишь из речи небольшой кучки взрослых, остальной мир планеты был безгласен. Поэтому язык неизбежно беднел, несмотря на то, что Старый в школе заставлял учеников заучивать наизусть стихи, которые помнил, а если не помнил, то звал других взрослых, и они восстанавливали забытые тексты вместе.

«Хорошо ребенку на Земле, – говорил Старый. – Родители только сетуют – сколько лишних слов он схватывает в школе или на улице, включая визор или путешествия. А ведь земной ребенок – счастливый человек. У него избыток информации, которая льется на него со всех сторон. И вся облечена в слова. А что у нас? Полдюжины взрослых, которые обходятся тысячью слов».

Олег не соглашался со Старым. Он считал, что язык нового поколения не так уж и беднеет. Он просто изменяется. Потому что дети часто должны находить слова для явлений и вещей, которые неизвестны или неинтересны взрослым. Им приходится не только самим придумывать слова, но и вкладывать в старые новое содержание. Однажды Олег слышал через перегородку, как шестилетний Ник Вайткус оправдывается перед Старым, что опоздал на урок.

- Я трех ягодинок принял на ложку, – говорит он, – на ноготь глубже Арниса.
- Иди садись, – ответил Старый, сделав вид, что понял. Но не понял.

А для Олега эта фраза была полна значения. Ее не надо было расшифровывать, достаточно окунуться в мир мальчишек поселка, о котором Старый, что бы он ни говорил, имел только приблизительное представление.

А дело было вот в чем: как-то прошлым летом на яблони, что росли у изгороди, напали «ягодки». Это были ленивые красные жучки, которые висели на ветках, не спеша вгрызаясь в кору. Вайткус старался истребить их, поливая яблони раствором, похожим на известь, даже разбавленным шакальим ядом, но ничего не выходило – они были живучи и упрямы. А потом в один прекрасный день ягодки исчезли. Взрослые ничего не заметили, а Вайткус вздохнул с облегчением – крупные сладкие плоды деревьев были источниками витаминов зимой. Мальчишки же знали, что «ягодки» никуда не делись, а превратились в голубоватые шипы, которые закопались в землю возле изгороди, чтобы переждать зиму. Ребята называли эти шипы ягодинками, взрослые же никакой генетической связи между ягодами и ягодинками не видели. Эти шипы обладали удивительной способностью. Если какое-нибудь теплокровное существо

проходило в том месте близко от изгороди, шипы выскакивали из земли, стремясь вонзиться в кожу, чтобы оставить в ней семечко, микроскопическое и безвредное. Но укол шипа был болезненным. Мальчишки придумали игру. Они снимали сандалии, подошвы которых Сергеев вытачивал из твердой и упругой скорлупы лесных кокосов и которые на детском языке звались ложками, и дразнили ими шипы. Шипы кидались на теплые подошвы и вонзались в них. Выигрывал тот, кто набирал больше шипов и чьи шипы вонзались в подошву глубже. Игра была увлекательной, но небезопасной, потому что шип мог вонзиться и в руку. Следовательно, загадочная фраза Ника означала лишь, что он играл с Арнисом, подставляя подошву, и победил.

...Имя Чистоплюй было придумано Ириной, матерью Олега, и его сразу все приняли. Лишь с одной поправкой. Клей Чистоплюя взрослые называли, как и положено, клеем, а дети, что понятно, плюем.

Появление Чистоплюя и в самом деле облегчило жизнь портных. Тем более после двух открытий Вайткуса, который обнаружил, что клей Чистоплюя затвердевает куда медленней, если его смешать со слюной, которая выделялась из хобота. А Сергеев догадался, как можно из засохшего клея вытачивать на токарном станке чашки и тарелки. Если же подмешать в клей краску, которую можно добыть из цветных глин у болота, то посуда становится разноцветной и очень красивой.

На зиму Чистоплюй задремал и почти ничего не ел, да и клея от него было трудно допроситься. Хорошо еще, что Вайткус догадался запастись клеем на зиму в закрытых сосудах. С приходом весенней оттепели Чистоплюй очнулся, начал волноваться, вертеться в клетке и плевать почему зря.

* * *

Бесконечная оттепель принесла насморки, бронхиты, обострения ревматизма. Мать лежала с радикулитом, и Олегу пришлось самому разогревать кашу и похлебку.

Олег уже убедился в том, что лекарства действуют выборочно. Те, кто в них верит, выздоравливают, а кто не верит – продолжают болеть. Правда, он не относил свои выводы к настоящим лекарствам, которые принес с корабля. Но те лекарства были от настоящих болезней, от тех, от которых раньше люди умирали, – от заражения крови, от воспаления легких. Корабельных лекарств было мало, их берегли. Эгли Вайткус держала их в специальном ящичке.

У матери был целый запас всяких плошек, деревянных баночек и коробочек с сушеными травами и средствами.

Вот и сейчас, хотя Олег был очень голоден, он в первую очередь разогрел воды и настоял в ней жгучую смесь для растираний. В хижине было почти совсем темно, только плошка горела на столе, мать лежала под шкурами. Она сказала:

– Ты ешь, я потерплю. Я весь день терпела. Сидела одна дома и терпела. Я думала, может, ты пораньше придешь.

– Сейчас, мам, – проговорил Олег, – сейчас настоится, и я тебя разотру.

– Нет, ты ешь, – ответила мать. – Ты теперь нужный человек, от тебя все зависит. И вообще, ты побледнел, исхудал. Я потерплю, ты не беспокойся. В самом деле, что может со мной случиться, просто радикулит, от этого еще никто не умирал.

За перегородкой у Старого что-то упало. Давно уже можно было разъехаться, новую хижину построить или Старому переехать в пустую, напротив Вайткусов. Но они привыкли жить вместе: Старый, Ирина и Олег; они не были одной семьей, но ели часто вместе, к тому же Старый с Ириной, когда были одни, подолгу разговаривали. Старый стал очень разговорчив, он почти все время говорил, ему трудно было молчать. Может, и школа была на нем, потому что он так любил говорить. А мать жаловалась и сердилась на жизнь. У нее остался только страх за Олежку, как бы он не упал, не заболел, только бы его не потерять. Олегу уже скоро

двадцать, взрослый человек, он целыми днями сидит с Сергеевым в мастерской, они делают нужные для поселка вещи и еще все время учатся с помощью справочников, которые Олег притащил с «Полюса». У них одна идея – наладить связь. Тогда можно будет с «Полюса» сообщить на Землю, где обосновались люди, которые уцелели. Сколько лет поселок живет надеждой возвратиться на Землю, но раньше надежда была робкая и абстрактная, а теперь она стала реальной. Мать Олега повторяла, что если связь не смогли наладить специалисты, инженеры, которые остались живы после крушения корабля, то что могут сделать мальчишка и старый инвалид? На самом деле она боялась, что Олегу придется снова идти к перевалу, где лежит разбитый «Полюс». Один раз Олежке повезло, а во второй раз ему не вернуться.

Но разве лучше всю жизнь прожить в этом вонючем поселке, среди каракатиц и мух, когда рядом нависает страшный лес, полный чудовищ и убийц? Нет, она не знала, что хуже, все было хуже.

Олег принес настой, он все-таки хороший мальчик, добрый, самый лучший в поселке. Он сильно повзрослел за эту зиму, как бы отец порадовался, что она вырастила такого сына.

Олег растер матери спину. Прикосновение жгучей жидкости было приятно, потому что оно означало жизнь. Тело ее еще живет и чувствует, и у сына жесткие теплые ладони, и он умеет растирать спину, он столько раз это делал за последние годы, это великое счастье, что есть на свете руки, которые могут делать тебе добро. Ирина тихо заплакала от неожиданной радости, а из-за перегородки донесся голос Старого:

– Тебе помочь, Олег?

– Нет, спасибо, – ответил Олег. – Но вы приходите, я уже суп разогрел, мы с вами пообедаем.

– Спасибо, я сыт, – ответил Старый, и Ирина сквозь слезы улыбнулась, потому что услышала – у нее был чуткий слух, – как Старый стал собираться в гости, мыл свою миску, потом начал переодеваться; он ценил понятие «ходить в гости», даже если это была соседняя комната за перегородкой.

Они сели за стол втроем, Ирине стало лучше, потому что у нее исправилось настроение. Она верила в жгучий отвар, и поэтому он ей помогал. Старый принес к похлебке сушеных орехов, сам собирал их и сам сушил на жаровне. Он надел новую куртку, у нее был один рукав. Олег иногда удивлялся, как человек может обходиться без руки; почти все Старый делал так, словно не был инвалидом.

– Когда в следующий раз пойдешь на корабль, – сказал он, глядя, как Олег наливает из лоханки похлебку, – обязательно принеси много бумаги. Это была роковая ошибка, что ты взял так мало бумаги.

– Я знаю. – Этот упрек Олег слышал много раз.

– Пока бумаги у нас не было совсем, – продолжал Старый, – мы отлично без нее перебивались. А тут устроили бумажный пир, я сам виноват, я даже детям в школе давал листки, чтобы они писали сочинения, но можно ли меня за это упрекнуть?

– Нет, нельзя, – успокоила Ирина, – я тебя понимаю.

– А Линда Хинд написала целую поэму о Томасе, – сказал Олег.

– Человечество привыкло передавать бумаге свои мысли, и поэтому микропленки и видеокатушки не смогли заменить бумагу. На Земле у меня есть неплохая библиотека, из настоящих книг. И она ни у кого не вызывает удивления. Так что ты обязательно принеси бумагу. Сила белого листа, на котором человек хочет выразить мысли или образы, наполняющие его, невероятна. Да и дети совсем иначе будут учиться.

– До лета еще жить да жить, – произнесла мать. Она сидела прямо, напряженно, неподвижно, чтобы не нарушить позу, вне которой ее настигала боль. – Меня удивляет, как вы все, взрослые люди, бегаете теперь к Олежке – об этом не забудь, это принеси...

– Если бы я мог дойти до корабля, – ответил Старый, – я бы лучше Олега сообразил, что надо взять. У меня опыт.

– А у меня интуиция, – ответил Олег лениво.

От горячей похлебки тянуло в сон. Они сегодня закончили вытачивать металлические части для мельницы, чтобы с теплом поставить ее на ручье. Из-за этой мельницы Олег запустил занятия электроникой, только перед сном он успевал прочесть параграф в учебнике и утром до работы ответить его Сергею.

– В следующий раз, – заверил Олег, – притащим с корабля целый воз добра. Я же не думал, что все так быстро исчезнет.

– Оно не исчезло. Оно рассосалось на нужды поселка, – поправил Старый.

– И почти половина ушла к Эгли и Сергею, – сказала мать, и непонятно было, довольна она этим или осуждает Эгли и Сергея.

– Еще бы, – напомнил Олег. – У Сергея мастерская, он все делает. А Эгли лечит.

– Я ей даже микроскоп отдал. На время, – добавил Старый. Он был горд своей жертвой.

В поселке в принципе все было общее, иначе не проживешь. Но были вещи собственные, довольно много вещей. Зеркало у Марьяны, микроскоп у Старого, книга «Анна Каренина» у матери. Не говоря уже об одежде или посуде. Из-за того, что были собственные вещи, иногда происходили казусы. Например, зеркало было только у Марьяшки. Его нашел на корабле Олег, карманное круглое зеркальце, а потом, уже на обратном пути, подарил Марьяне. Зеркало оказало огромное влияние на жизнь поселка. Раньше люди себя не видели. Других видели, а себя нет. Разве только в луже или в пленке окна. А зеркало сказало людям правду, и чаще всего грустную правду. Ведь взрослые помнили себя с тех времен, когда было много зеркал. А тут они увидели, как изменились, постарели и подурнели. Молодые же вообще себя не видели раньше. А тут надо было сформировать к себе отношение. Марьяна, например, мнение о себе изменила к худшему. Когда она увидела в зеркальце скуластое обветренное лицо со впалыми щеками, с острым подбородком и треснутыми губами, все в синих точках от укусов перека-типоля, и два больших шрама на шее, то поняла, что она урод и никому никогда не сможет понравиться. Она даже не заметила своих больших серых глаз, длинных черных ресниц, пышных и упругих волос, обрезанных коротко и не очень ровно. А вот Лиз, наоборот, решила с помощью зеркала, что она очень красива, почти как Анна Каренина. Она стала носить косу, а потом черной сажей намазала себе ресницы, чтобы быть еще красивее. Именно Лиз украла у Марьяны зеркало. Она просто жить без него не могла. Марьяна давала зеркало другим – а желающих поглядеться в него было много. Лиз сказала, что зеркало потерялось. Все очень расстраивались, а дня через два слепая Кристина, которая жила с Лиз, изошренным слухом уловила, что Лиз прячет зеркало. Она начала бить Лиз сухими кулачками и плакать от обиды, что Лиз такая плохая, а потом заставила ее отнести зеркальце Марьяне и во всем признаться. Лиз зеркало отнесла и сказала, что нашла его в щели, за кроватью. А на следующий день Кристина, сидевшая у своих дверей, окликнула пробежавшую мимо Марьяну:

– Лиз вернула тебе зеркало?

– Спасибо, да.

– И сказала, что она нарочно не хотела его возвращать?

После короткой паузы Марьяна ответила:

– Да, сказала.

Кристина поняла, что Лиз ничего не сказала. Но больше никто об этом не разговаривал...

Олег положил всем каши. Старый посыпал кашу орешками. Олег принес сладкий сироп, в этом году сироп был очень вкусный, потому что Вайткус добавлял в него яблоки.

– Мне хочется верить, – произнес Олег, – что мы починим связь. И тогда не нужно будет тащить оттуда вещи. Я как вспомню сейчас, чего нам стоило эти сани до поселка дотащить, умереть можно.

– Мы должны предусмотреть все варианты, – сказал Старый. – Разумеется, рано или поздно нас найдут. Но мы должны быть готовы к худшему.

– Мы всегда готовы к худшему. Хуже некуда, – бросила Ирина.

– Не зарекайся, – сухо улыбнулся Старый.

– Жалко, что планетарные катера разбились, – проговорил Олег. – А вездеходы по горам не пройдут. Но я думаю, если со связью не получится, мы с Сергеевым запустим планетарный катер.

– Хорошо бы, – вздохнул старик. – Но это потребует нескольких походов к кораблю.

– А может быть – мы с Сергеевым это обсуждали – два или три человека останутся на корабле на зиму.

– Это исключено, – отрезала мать. – Я никогда этого не допущу.

– При условии, что будут отопление и свет.

– Температура у перевала зимой падает градусов до шестидесяти мороза, – напомнил старик. – Не тешься пустыми мечтами. Я конкретен в моих запросах. Кипа бумаги, вот и все.

– Если бы хоть какой-нибудь транспорт, – вздохнул Олег, наливая сироп в кашу. – Хоть маленький самолетик.

– Мы вынуждены идти по тяжкому пути, пройденному человечеством, – ответил серьезно Старый. – Сначала изобретем колесо.

– Колесо нам почти не нужно, – ответил Олег. – В лесу нет дорог. Вот если бы было два поселка...

– Колесо уже было изобретено, и у нас есть телега. Теперь бы паровую машину.

– Мы с Сергеевым сделаем котел. Мы уже придумали. Из клея.

– После парового котла мы изобретем... воздушный шар, – улыбнулся Старый.

– Я думал о воздушном шаре, – признался Олег. – Я много раз думал о воздушном шаре.

Почему не сделать воздушный шар?

– В тебе говорит заблуждение человека, который никогда не делал воздушных шаров, – сказал Старый. – Для того чтобы поднять хотя бы одного человека, шар должен быть громадным.

– Ну, насколько громадным?

– Метров тридцать высотой. Это можно подсчитать. И второе – шары наполняются гелием или водородом. Где ты это достанешь?

– Вы же сами рассказывали, что братья Монгол...

– Монгольфье.

– Братья Монгольфье поднимались на шаре, наполненном горячим воздухом.

Олег подошел к печке и подбросил поленце. Оно сразу запылало голубоватым жарким пламенем. Отблески заиграли на лицах.

– У них была специальная горелка. И топливо.

– Какое? – спросил Олег.

– Ну, уж по крайней мере не дрова.

– Я лягу, – сказала мать. – Помоги мне, Олежка.

Старый успел первым, он подвел мать к постели и уложил ее.

– С топливом можно придумать, – проговорил Олег, глядя в огонь. – И горелку мы сделаем.

– Ты всерьез это замыслил?

– Совершенно серьезно. Если подняться к перевалу на воздушном шаре, это будет громадная экономия времени и сил. Хотя бы подняться. А может, и спуститься. Или сделать два шара, три шара. Один для людей, другой грузовой.

– Оставь эти бредни! – испугалась мать. – Еще полетишь и разобьешься.

– Не бойся, Ирина, – ответил Старый. – Это только мечта.

– Сделаем, – сказал Олег.

Он повернулся и быстро вышел из хижины.

– Оденься! – крикнула мать вслед.

Но он не слышал.

На улице похолодало. Пошел мелкий снег, мокрый, крупяной. Крупинки взбивали лужи и катились по скользкой земле. Поднялся ветер, северный, с гор.

Было темно, только тускло, сквозь крупу, светил, покачиваясь, фонарь у ворот. Его свет падал на мокрый блестящий гребень козы, которая маячила у изгороди, ждала кавалера.

Олег перепрыгнул через лужу и наискось через дорогу побежал к хижине Сергеева. Сквозь затянутое мустанговой пленкой окошко пробивался слабый свет плошки.

Олег постучал и сразу же вошел, захлопнув за собой дверь, чтобы не выпускать тепло.

– Сергеев, прости, – сказал Олег от порога, – у меня идея.

Сергеев сидел за столом, пил чай – кипятик, подкрашенный сушеной травой. Напротив за столом сидела Линда Хинд, вдова Томаса. Марьяна в торце стола колдовала в полутьме, расставив плошки с сушеными снадобьями.

– Садись, – пригласил Сергеев.

Линда поздоровалась тоже, хотя они, конечно, раз пять за день уже виделись. К тому же Линда приносила Сергееву поесть в мастерскую. Она в последнее время часто приходила к Сергееву, и никто этому не удивлялся. Все думали, что она переедет к Сергееву жить. Мать Олега даже говорила: скорей бы, чего они ждут, Линде совсем тяжело без мужа – она-то знала, что такое женское одиночество.

– Я решил сделать воздушный шар, – произнес Олег.

– Зачем? – спросил Сергеев.

Он был самым сильным и надежным мужчиной в деревне, как бы вожаком этой маленькой человеческой стаи. Еще крепкий и «относительно целый», как сказала мать. У него лишь не хватало двух пальцев на правой руке. С Марьяной у них похожи только глаза – у обоих серые, светлые, в длинных густых ресницах. Но лицо Сергеева квадратное, тяжелое и, наверное, некрасивое, если посмотреть на него чужими глазами. Однако в лице читалось спокойствие, и ему можно было верить. Раньше кумиром Олега был Старый, который обо всем знал, который был Учителем. Но после возвращения с гор Олег все больше привязывался к Сергееву. Тот был не только учителем, он был мастером, и у них с Олегом общее дело.

– Мы сделаем большой воздушный шар, – проговорил Олег. – И на нем полетим к кораблю. Понимаешь?

– Ты все-таки садись. Марьяшка, сделай гостю чай.

– Я уже пил, – сказал Олег, но сел.

Линда поднялась и сказала, что ей пора, а то дети боятся и не спят.

Олегу всегда казалось, что Линда холодна с ним, потому что именно из-за него погиб в горах ее муж. И она не может ему этого простить. Олегу хотелось подойти к ней и сказать, что он не виноват, он ничего не помнит, его укусила снежная блоха. Но Олег так и не решился подойти к Линде, которая в одну ночь поседела, когда узнала, что Томас погиб.

Сергеев смотрел вслед Линде, и Марьяна тоже смотрела ей вслед, и Олег вообразил, что Марьяна не хочет, чтобы вместо ее матери, которая погибла очень давно, здесь жила Линда, хотя все знают, что Линда тихая и добрая.

– Продолжай, – перебил мысли Олега Сергеев.

– Если сделать большой воздушный шар и дожидаться, пока будет хороший ветер, можно подняться на нем в горы, даже долететь до «Полюса». Представляешь, какая это экономия?

– Любопытно. – Сергеев никогда не спорил, пока сам для себя не решит проблемы. – Большой воздушный шар. И если дожидаться обратного ветра, то можно на нем спуститься обратно.

– И за лето слетать на корабль пять раз. Понимаешь, пять раз.

Сергеев отрывисто засмеялся, будто кашлял.

– Именно пять?

– Именно. – Олегу показалось, что он уже нашел союзника, а если это так, то считай – шар взлетел.

– Можно, я буду думать вслух? – спросил Сергеев.

«Не надо», – хотел ответить Олег. Сейчас все рухнет. Сергеев – это не Старый, который мыслит в общих чертах. Сергеев сейчас найдет по-настоящему слабые места.

– Если бы мы сделали шар, – размышлял Сергеев, – и он бы полетел, это было бы полезно. Но, во-первых, шар неуправляем. Допустим, мы поднимаемся в воздух, ветер попутный, и мы летим к горам. Потом ветер меняется, и нас несет к снежным хребтам, где никто из нас не был. Мы разбиваемся и погибаем или садимся, но потом не можем найти пути назад. Как мы прикажем ветру принести нас именно в нужную долину?

Олег взглянул на Марьяну. Она подвинула к нему чашку чая. Марьяна была за него. В прошлом году Старый устраивал им – ему, Марьяне и Дику – экзамены, потому что они стали большими и кончили школу. Это были торжественные экзамены, все жители поселка, даже маленькие дети, собрались под навесом рядом с календарными столбами. Старый задавал вопросы, и другие члены комиссии – Вайткус и большая Луиза – тоже задавали вопросы. Олегу почему-то достались вопросы куда более трудные, чем Марьяне и Дику, и он был немного обижен на Старого за такую несправедливость, только потом он понял, что в этом и была справедливость – Старый приготовил каждому вопросы, на которые тот мог ответить. Тогда у Олега возникло такое же чувство, как сейчас. Он весь собрался, он был как на охоте, когда на тебя нападает шакал, и все мысли были ясными и точными.

– Если ветер неожиданно изменится, – ответил Олег быстро, – то в шаре нужно сделать такое устройство, чтобы он быстро опускался. И его не успеет унести в сторону. Мы просто опустимся на полпути и дальше пойдем пешком или подождем попутного ветра.

– Разумно, – кивнул Сергеев, – при условии, что спускаться придется на ровном месте, а не над скалами.

– Нам бы только перевалить за плато, дальше скал нет. Там ровно.

– Ты возьмешь меня с собой? – спросила Марьяна, глядя в упор на Олега. Она всегда смотрела в упор на человека, с которым говорила, и потому многие чувствовали себя неловко. Обычно люди не смотрят в глаза, когда говорят с тобой.

– Не знаю.

– Вторая сторона проблемы, – продолжал Сергеев, – заключается в том, как сделать шар. Я пока не знаю, как его сделать.

– Я тоже не знаю. Но придумаю.

– Он должен быть большим. Где мы найдем такое полотно?

– А если связать много пузырей мустангов? – подключилась Марьяна. – Будет гроздь воздушных шаров.

– Нет, – возразил Сергеев, – шары останутся лежать на земле. Ведь мустанг наполняет их горячим воздухом из своего тела, поэтому они его поднимают.

– Правильно, – согласился Олег. – Значит, мы возьмем много мустанговых шаров и сошьем из них большой шар.

– Нитками?

– Клеем. У нас есть Чистоплюй.

– Хорошо, предварительно мы принимаем эту версию. Но как ты подвесишь к шару гондолу?

– Что? – не понял Олег, который не слышал раньше такого слова.

– Люльку, корзину, в которой будут сидеть люди.

– А как это делали на Земле? Наверное, ее можно пришить к нижнему краю шара. Ведь там внизу должно быть отверстие, чтобы входил теплый воздух.

– Нет, – вспомнил Сергеев. – Как сейчас вижу картинку в книжке Жюль Верна – их покрывали сеткой, а к сетке подвешивали корзину.

– Ну, сетку мы сделаем.

– А как будем согревать воздух?

– Как братья Монгольфье. – Олег чувствовал, что побеждает. – Сделаем печку... ну, разве не придумаем?

– Может, и придумаем, – усмехнулся Сергеев.

Тут заблеяла коза у ворот, что-то случилось. Умеренно заблеяла. Если бы угрожала настоящая опасность, коза бы орала втрое сильнее. Так что никто не встревожился. Но все же проверить следовало. Сергеев выжидательно поглядел на Олега. Тот встал:

– Я погляжу.

– Хорошо, а то я устал сегодня. А насчет шара мы завтра с тобой подумаем.

Олег попрощался, направился к воротам. Марьяна пошла за ним.

– Ты хорошо придумал, – сказала она.

Они шли по краю длинной лужи. Небо чуть светилось, и поэтому глаза быстро привыкли к темноте. Окна хижин были желтыми – везде горели лампы. Никто не вышел, хотя коза продолжала голосить. Все знали, что ничего опасного.

Марьяна поскользнулась и взяла Олега за руку. У нее были жесткие пальцы. Олег поглядел на ее профиль, на ее очень точно выточенный нос и полные губы. Олег подумал, красивая ли она? Мать говорит, что Марьяна – гадкий утенок, которому не суждено стать лебедем. Вечный подросток. Мать считает, что в Лиз есть женская прелесть. Может, она так говорит, потому что Лиз совсем не нравится Олегу, а Марьяна нравится. Олег не мог бы объяснить, почему она ему нравится – он ощущал только негативные следствия этого. Например, если Марьяна уходила в лес с Диком. Наверное, хотя он не смог бы сформулировать эту мысль, это была не ревность, а скорее зависть к Дикю. Потому что Дик был выше ростом, смелее, сильнее, великолепный охотник. Олег завидовал умению Дика стрелять из арбалета и метать нож, его способности выследить и убить зверя, даже очень сильного, его холодному безрассудству и, главное, полному равнодушию к достижениям и мечтам Олега. Достижения Олега были Дикю недоступны, он и не пытался разобраться в справочниках по связи или в логарифмах. А это несправедливо и обидно. От этого ценность знаний и умений Олега падала, и ему приходилось уговаривать себя, что в один прекрасный день он докажет Дикю свое превосходство в знаниях, в мудрости, хотя на самом деле ему хотелось доказать превосходство в схватке с шакалом.

Иногда Олег начинал скучать по Марьяне, ему хотелось услышать ее голос или встретить серый настойчивый взгляд. Но в последние месяцы они почти не бывали вместе, потому что Олег был очень занят и уставал за короткий мутный день. Все в поселке и всегда были заняты, даже дети, все и всегда уставали, если не считать слепую Кристину и Лиз, не любившую работать. Олегу надо было понять все написанное о связи в книгах, которые он принес с корабля. Он должен был вернуться туда и сказать Земле, что они здесь.

Коза бегала вдоль изгороди и блеянием пыталась отпугнуть сидевшего по ту сторону одинокого шакала – белая шерсть дыбом, черная пасть нараспашку. Коза справилась бы с шакалом, если бы он перебрался через забор – один шакал козе не страшен, она вдвое больше и вдвое сильнее, поэтому шакал только облизывался. А коза топотала, пугая шакала. Это был пустой поединок.

– Молчи, – велел Олег козе, – иди спать.

Марьяна погнала козу к козлятнику и закрыла ее там. А Олег взял камень из кучи, специально для этой цели лежавшей у ворот, и запустил в шакала. Шакал понял, что делать ему тут больше нечего, и двинулся к лесу.

Было очень тихо. Снег сыпал лениво и беззвучно. Олегу стало холодно.

– Спокойной ночи, – сказал он Марьяне, которая запирала козлятник. – А то я замерзну.

– Спокойной ночи, – ответила Марьяна.

Голос ее был грустным, но Олег не прислушивался к интонациям. Скользя по грязи, он побежал к своей хижине изобретать воздухоплавание.

Глава вторая

Шар стал яблоком раздора в поселке. Идея казалась безумной и невероятно громоздкой. И она требовала, чтобы все жители поселка жертвовали своим временем, нужным на каждодневные заботы, ради мальчишеской выдумки, из которой ничего не выйдет. Но у Олега были союзники.

Первым стал Сергеев. Он не вмешивался в споры, он согласился придумать и сделать горелку. К счастью, стебли дерева каракатицы, которыми отапливали дома, состояли чуть ли не наполовину из жирной смолы. Они не очень хорошо пахли, когда горели жарким фиолетовым пламенем, сгорая почти без остатка, но этого давно уже никто не замечал. Сергеев сделал пресс, чтобы выжать из стеблей смолу – большая экономия веса. А Старый, хоть и со скрипом, отдал им непригодный микроскоп. У него был новый, который Олег принес с «Полюса», но он берег и прежний, без линзы. Из микроскопа получились трубка для горелки и клапан, чтобы регулировать пламя.

Вторым союзником стал Казик.

Воздушный шар был для него великим приключением. Причем земным. Ведь только на Земле летают на воздушных шарах. Казик попросил, тихо и вежливо, всех взрослых по очереди, чтобы они рассказали ему содержание романа Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре». Казик рассудил, что все читали этот роман, но давно, в детстве, и забыли множество деталей. Однако если поговорить с каждым, если каждый перескажет сюжет романа, то получится более или менее полная картина. Он даже выудил из рассказчиков имена героев и заставил Старого нарисовать воздушный шар. Старый часто рисовал для учеников картинки из жизни Земли. Первое поколение учеников – Дик, Лиз, Марьяна и Олег – были вынуждены довольствоваться грубыми изображениями на земле или углем на сосновой коре. В последний год ребятам повезло – появилась бумага, и Старый, охваченный эйфорией в одну ночь разбогатевшего нищего, потратил немало ценных запасов на картинки, неумелые, наивные, но самые настоящие картинки: Эйфелева башня, Кремль в Москве, Слон, Лунный купол, Первый паровоз, каравелла Колумба. Таких картинок набралось с полсотни, и их можно было рассматривать после каждого урока. И была картинка, сделанная по просьбе Казика и даже с его поправками, потому что он, хоть и не умел рисовать, о воздушном шаре знал куда больше, чем Старый. На этой картинке воздушный шар опускался в африканскую саванну, а за ним бежали слоны и жирафы.

Эту картинку Казик и принес Олегу, когда тот решил делать воздушный шар.

– На, – сказал он, глядя на Олега снизу вверх. – Тут все есть.

Олег взял картинку и долго смотрел на нее. Он заметил, что из корзины свисает канат с якорем на конце, и подумал, что обязательно надо сделать такой якорь.

Если бы не Казик, судьба шара была бы под большим вопросом. Ведь шла весна, и мустанги, не подозревавшие, как нужны Олегу их воздушные пузыри, еще не очнулись от спячки. Найти их гнездовья было нелегко, и Казик с верной Фумико раз двадцать ходили в лес, пока не отыскивали зимнюю лежку мустангов. Оказывается, мустанги на зиму забирались в большие норы в сосновом лесу. Мягкие подвижные корни прикрывали их от снега и морозов.

Потом возникла проблема с сеткой, которая должна вместить воздушный шар и держать корзину. Водоросли для нее собирали Марьяна с рыжей Рут. Руки у них распухли от холода, в

конце концов Линда запретила дочке лазать по болоту, и Олегу пришлось забросить все дела и заниматься сбором водорослей. Правда, помогали ребятишки, близнецы, которые жили у Старого, и дети Вайткуса, но это занятие им быстро надоедало, и они куда-то улетучивались.

С утра, как рассветет, Марьяна с Олегом шли за кладбище по проторенной тропинке к болоту. С каждым днем приходилось забираться все дальше, они брели по топкому берегу, по колено в ледяной воде, которая обжигала даже сквозь непромокаемые штаны из рыбьей кожи. Водоросли сидели крепко, приходилось их срезать. Упругие белесые водяные волосы вырывались из рук, а подрезать их надо было под корень, чтобы волокна получались как можно длиннее. Ноги скользили; жадные, но, к счастью, вялые еще пиявки елозили по штанам коготками; в панике бросались в сторону, если наступишь невзначай, глазастые крабы; подплывал, любопытствуя, утюг, и тогда приходилось отступать на берег и ждать, пока он снова уйдет в тину.

Олег старался делать больше, чем Марьяна, но все равно отставал от нее, и ему казалось, что никогда уже не набрать водорослей на эту чертову сетку. А ведь их надо было еще отнести к сараю, там разложить на полу, чтобы сушились, а сушились они плохо – было пока холодно и воздух сырой.

Больше всех противилась мать. Перспектива воздушного путешествия Олега ее пугала до смерти.

– Это самоубийство, – повторяла она Сергею. – И вы это допускаете так равнодушно.

Слова матери только раздражали Олега.

– Мне скоро двадцать лет, – отвечал он устало.

Он выматывался, как никогда раньше, потому что Сергей не уменьшил занятий электроникой, да и работы в мастерской было достаточно.

А когда Олега принялся отговаривать Вайткуса, он вдруг взорвался:

– Я что, меньше делаю? Я не строю мельницу? Не делаю плуг? Я никого не заставляю. И если мне придется делать этот шар одному, я все равно буду его делать. Наверное, братьям Монгольфье тоже все говорили, что они тратят время даром. А не было бы их, не прилетели бы мы сюда на космическом корабле. Все начинается с чего-нибудь.

Вайткус засмеялся. Смех выбулькивал откуда-то из огромной рыжей бороды.

– Лучше бы не было братьев Монгольфье, – сказал он наконец. – И мы сейчас мирно сидели бы дома.

– А я не шучу, – сказал Олег.

– Жаль. Надо уметь относиться с юмором к самому себе.

– Какой уж тут юмор. Мать кричит. Луиза говорит, что игра не стоит свеч, Старый твердит, что риск слишком велик, а остальным кажется, будто я играю в какую-то игру. Почему никто не понимает?

– В общем, ты играешь, – сказал Вайткус, – в хорошую игру, но уж очень непривычную для нас, простых смертных.

– Но разве вы не хотите улететь отсюда?

– Очень хотим. Мы, старшие, даже больше, чем ты. Мы знаем, что мы потеряли, а ты только догадываешься. Но даже в таком странном социуме, как наш поселок, вырабатываются стереотипы отношения к новому. И они мало отличаются от того, что происходит в очень большом городе. Идти к кораблю – это понятно, это все делали. Убивать зверя – понятно. Без этого не проживешь. Но лезть в горы на воздушном шаре – это безумие. Детский тип риска. Это мечта Казика, а не дело человека, на которого поселок надеется совсем в другом.

– Но пешком тоже опасно.

– Пешком вдесятеро больше шансов дойти. Дорога уже известна. Экипированы вы будете куда лучше, чем год назад. Опыта у вас тоже больше. Нет, я за традиционные пути, даже если традициям всего год от роду. Слишком много поставлено на карту.

Возражения Олега не останавливали. Но, за исключением Сергеева, который в первые же дни подсчитал объем шара и мощность горелки и пришел к выводу, что шар может полететь, остальные надеялись, даже были убеждены, что из затеи с шаром ничего не получится.

Дик, как и раньше, не завидовал Олегу. Ему было достаточно собственного превосходства в тех областях жизни, в которых он был непобедим. Он бы сам полетел на шаре, но не к кораблю, а в другую сторону, к таинственным лесам и рекам, которые скрывались за холмами. Там были его победы и испытания. Дик хотел увидеть мир сверху, как птицы, но об этом не считал нужным говорить. Поэтому Олег удивился, когда Дик тоже разыскал лежку мустангов и принес оттуда целый мешок пузырей.

Совсем уж неожиданно воспротивилась полету Лиз.

Олег избегал ее, как можно избегать человека в маленьком поселке. И если Лиз приходила к ним, он искал предлога уйти в мастерскую или перейти за перегородку к Старому, чтобы там позаниматься, не слушая женских разговоров. Его удивляла мать – с Лиз она начала говорить, причем с искренним увлечением, о вещах неважных, пустяковых, которые явно не стоили того, чтобы их обсуждать. Ну ладно, пока они обсуждали рецепты всяких скудных блюд, соревнуясь в умении сочетать сладкие клубни с кашей или сушеными орешками, это их дело. Но они взяли за правило судить о других людях. Не желая слушать эти разговоры, но не в состоянии не слушать – голоса доносились даже через перегородку, – он узнал, например, что Линда плохо воспитывает рыжую Рут, потому что больше думает о том, как заполучить Сергеева, большая Луиза недокармливает Казика, он такой бледный, а Марьяшка все дурнеет – что-то у нее неладно с метаболизмом (это были слова матери, Лиз их не поняла, но сразу согласилась). Какой-то недоразвитый ребенок – восемнадцать лет, а больше похожа на мальчишку-подростка. Олег даже закашлялся, чтобы они поняли, что он все слышит, и почему-то Лиз засмеялась высоким голосом. И он сразу представил себе Лиз, только по голосу, хотя совсем не хотел о ней думать. Лиз была самой толстой из молодого поколения. То есть она не была толстой, а у нее были толстые части тела, другого слова Олег придумать не мог. Толстая грудь и толстые бедра. Лиз часто смеялась, когда с ней разговаривали Олег или Дик, и однажды Олег перехватил взгляд Дика, который глядел на Лиз, как на добычу на охоте. Как-то, когда Лиз ушла, а Олег вернулся от Старого, стал укладываться спать, мать спросила, не пора ли подумать о семье. Олег даже не понял – в каком смысле.

– Жениться, – объяснила мать.

Олег засмеялся.

– Уж не на Лиз ли?

– Жизнь продолжается. Даже в такой дикой обстановке. Смотри, упустишь девушку. Уйдет она к Дику.

– Считай, ему повезло, – ответил Олег.

– У тебя нет выбора.

– Я улечу на Землю и там решу все свои проблемы.

– Дурак, – сказала мать в сердцах. – Ты кончишь тем, что влюбишься в заморыша.

– Марьяна хоть не дура. – Олег отвернулся к стене.

* * *

Весна наступила ранняя и теплая. Сергеев, который ведал не только календарем, но и погодой, сказал, что и лето, по его расчетам, должно быть теплым.

Сначала дожди смыли остатки снега, только в глубине леса он еще держался некоторое время, потом дожди стали реже, и днем воздух прогревался сквозь облака настолько, что ребятишки скинули куртки и выбегали по пояс голые. Солнце поднималось уже так высоко, что его можно было различить неясным, но ярким пятном сквозь вечные тучи. Коза пережила

очередной медовый месяц и теперь присмирела, паслась за изгородью, ожидала прибавления семейства.

С юга вернулись шакалы, которые откочевывали туда за зверьем, первые птицы опустились на изгороди, громко хлопая перепончатыми крыльями, появился гнус, и, когда ребятишки и женщины во главе с Вайткусом работали в огороде, приходилось зажигать дымные костры. Одного из близнецов Старого укусила снежная блоха, и он прикусил себе до крови язык.

Лето еще только начиналось, но Олег все более ощущал внутреннюю тревогу, нетерпение и даже страх, что времени осталось слишком мало. Он ничего не успеет. Главное, не успеет выучить все, что нужно, чтобы прийти на корабль починить связь. Теперь его часто освобождали от общих дел – он совсем перестал ходить на охоту, и его не звали работать в огород, даже в мастерской Сергеев говорил ему, чтобы он не путался под ногами, а вечерами строго допрашивал, что он выучил, узнал, понял, причем Олег видел и раздражение Сергеева, которое возникало от того, что сам Сергеев далеко не все понимал.

А вместе с тем шар, незаметно преодолевая оппозицию, превращался в объективную реальность. Когда прошли дожди, а Чистоплюй, которого Казик с Фумико до отвала кормили червями, стал плевать так злобно, что вокруг его клетки образовалось стеклянное озеро, под навесом между мастерской и яблонями Олег с Марьяной начали склеивать из пузырей шар. Сначала они с Сергеевым нарисовали на земле выкройку шара, похожую на цветок с острыми лепестками, и она была так велика, что Фумико с трудом докидывала камешек от края до края. Сто двадцать шагов. Затем Марьяна с Олегом начали склеивать сегменты шара – лепестки. Пузырей, которых, казалось, так много, сразу не хватило. Казика с Диком пришлось снова охотиться на мустангов.

Отношение в поселке к шару постепенно изменилось – видно, привыкли. Даже мать перестала кричать. Лиз приходила несколько раз резать и клеить пузыри. А потом вместе с Кристиной, которая вдруг обнаружила талант к сплетению сетей, она вила веревки. Вайткусы делали корзину – ее плетали из тонких веток.

Но все же так серьезно, как Олег, к шару никто не относился. Даже Марьяна. Оставался, правда, Казик, но он был еще мальчишкой, диким человечком, который в глубине души верил, что на шаре они в конце концов прилетят в Индию. Не раз бывало, что, когда все в поселке еще спали и черное холодное небо чуть начинало сереть, Олег вылезал тихонько на холод, движимый все растущим нетерпением, и шел к разложенным на земле блестящим лепесткам. Казик возникал рядом неслышной тенью, лесным Маугли. Он бежал к клетке, чтобы разбудить Чистоплюя, и молча помогал Олегу.

Потом надо было склеивать лепестки по краям, чтобы получился шар, то есть груша, вытянутая книзу. Как ни старайся, клей попадал на руки, пальцы стекленели и немели. По утрам надо было опасаться колючих шаров перекаטיפоля, которые поднимались в воздух и летели в поисках медведя, чтобы прорасти на нем новыми побегами.

Наконец шар был склеен.

Потом была готова сеть. И даже канат с якорем, чтобы цепляться за землю. И горелку Сергеев закончил вовремя, и топлива заготовили достаточно. И корзина была сделана, упругая крепкая корзина. Можно было собирать шар.

Старый требовал, чтобы сначала шар запустили без человека. Пускай повисит, если поднимется, и опустится обратно. Но Олег воспротивился этому, и его поддержал Сергеев. Ведь испытывать надо не только шар, но и горелку, надо узнать, будет ли шар слушаться человека.

– Канат сделайте покороче, – велела мать.

Олег только улыбнулся. Канат плели Лиз с Кристиной. И он тоже им помогал, хотя времени для этого совсем не было. Олег понимал, что Лиз делает это, чтобы доставить ему радость. Он два вечера приходил в дом, где жили Лиз с Кристиной, слушал Кристину, которая всегда жаловалась и ждала смерти, и они плели этот бесконечный канат. Олегу можно было

бы не приходиться – какой из него плетун. Лиз смотрела на него, отвлекалась и старалась найти предлог, чтобы коснуться его рукой. Олег терпел-терпел, слушал пустые слова, старался думать о другом, а потом все-таки не выдерживал и убегал к себе или в мастерскую.

Олег знал, что первым на шаре поднимется он, и никто не оспаривал этого – шар был детищем Олега, без его настойчивости ничего бы не вышло. Казик последние дни молча ходил за Олегом и никак не мог примириться с мыслью, что его собственное путешествие откладывается. Он надеялся на чудо, которое заставит взять его в первый полет. Олег оставался непреклонен. В этом были не только доводы разума, но и некоторая доля злорадства: «Никто не верил, что шар будет, но шар есть. И он мой. Нет, конечно, он общий, его сделали вместе, но он мой. И полечу на нем я».

Может, кто-то и догадался о мыслях Олега, но не сказал вслух.

Только Старый сказал. Утром, когда должен был подняться шар.

– Ощущаешь себя Наполеоном? – спросил Старый.

– Почему? Никогда не видел Наполеона. Даже картинки не видел. И не знаю, что он сделал.

– Знаешь, – ответил Старый, любуясь Олегом.

Олег вытянулся за зиму, плечи стали шире, волосы потемнели, но сохранили легкую пышность. Хочется запустить пятерню и потрепать. А лицо погрубело, потеряло мальчишескую мягкость. Это было умное лицо. Может, недостаточно сильное, но в круглом подбородке и острых скулах была внутренняя настойчивость. Приятное лицо.

– Ну, ладно, знаю, – улыбнулся Олег. – Завоевал половину Европы.

Он натянул сапоги и проверил, надежно ли они прилегают к штанам. Вайткус сказал, что там, наверху, будет холодно. Как в горах.

– Разве этого недостаточно? – спросил Старый.

Вбежали близнецы, воспитанники Старого, существа беззаботные, склонные к взрывам смеха и необдуманным шалостям. Они, как и весь поселок, чувствовали, что сегодня торжественный день, большой праздник. И Олег, очень обыкновенный Олег, который живет за перегородкой и у которого злая мать, сегодня полетит в небо.

– Все это слишком просто, – сказал Олег. – Как будто математическая формула. Александр Македонский завоевал полмира. Наполеон завоевал половину Европы. Гитлер попытался завоевать всю Европу. Юлий Цезарь тоже завоевал. Кажется, Египет. Всех этих людей нет. Для меня даже понятий за ними нет, смысла нет. Вы их видите иначе. Видели их портреты, читали о них книги. Они для вас необыкновенные, а для меня никакие. Я ведь даже Европы не видел.

– Ну уж, никакими их назвать нельзя, – возразил Старый. – Именно необыкновенность привлекает к ним человеческую память, хорошая, дурная, но необыкновенность.

– Для вас – да. Вы по ним могли мерить свое существование. Я не могу. Когда мне было двенадцать, меня вдруг начала мучить эта проблема. Что такое «завоевал»? И я спросил в классе: а был ли другой Наполеон, который завоевал не половину Европы, а четверть? И ты ответил мне, что различие между завоевателями заключается лишь в продолжительности их успехов. Не было ни одного, который бы достиг своей окончательной цели.

– Помню. И я еще сказал, что те, кто потерпел поражение в начале пути, нам известны, потому что в каждом сражении есть проигравшая сторона. И каждый Наполеон дожидается своего Ватерлоо, если не успевает погибнуть раньше. Я помню.

– Ну вот, – заключил Олег, подпрыгивая на месте, чтобы проверить, все ли на нем сидит прилаженно. Потом взял флягу со сладкой водой и повесил через плечо. – Я и говорю. Завоевательство – обычное занятие завоевателей. И все они одинаковы. Но это очень чужое и непонятное занятие. Так же, как торговля. Для меня необыкновенный тот, кто делает что-то в первый раз.

– Объективно ты прав, – согласился Старый. – Но я назвал тебя Наполеоном не потому, что хотел сравнить с завоевателем. Аналогия была совсем иная. Весь поселок вылез на улицу, потому что ты сегодня запускаешь свой шар.

– Ну, не я один.

– Сегодня действия всех нас подчинены твоей воле, понимаешь ты это или нет? И я представил себе такую картину... Я сам этого не видел, но, в отличие от тебя, могу представить. Раннее утро. Где-то в Австрии или в Пруссии, в начале девятнадцатого века. Наполеон провел ночь в небольшой, пахнущей ванилью, чистенькой гостинице. Он просыпается от шума под окном и, еще не совсем очнувшись, подходит к окну и распахивает его. Вся дорога и площадь городка запружены повозками, фургонами маркитанток, орудийными упряжками. Идут люди, ржут кони – столпотворение. И вдруг Наполеон понимает, что в этом всеобщем движении есть странность – оно кем-то начато, из-за чего-то растет, набирает силу... И эти солдаты ждут завтрака у походной кухни не потому, что любят завтракать именно таким образом, и эти пушки выезжают на площадь совсем не потому, что пушкарям больше нечего делать, – все это движение, все это скопище жизней и судеб происходит по его воле, Наполеона, у которого всю ночь болел зуб и которому вдруг хочется закричать в открытое окно: «Скорее возвращайтесь домой!»

– И он закричал?

– У тебя вырабатывается обязательное качество великого человека. – Старый был доволен. – Выпадение чувства юмора.

В дом заглянул Казик. Его тонкая гибкая фигура была напряжена. Он никак не мог смириться с тем, что не полетит сегодня на шаре. Но понимал: главное всего, чтобы шар все-таки полетел, хотя бы и без него. Потому что если он полетит сегодня, то Казика обязательно возьмут в следующий раз.

– Я иду, – сказал Олег. Он был готов.

Они с Казиком вышли из дома. За ними Старый. Он тяжело опирался на палку. Палка была новая, безобидная. Простую палку, красивую, серебряного цвета, ему срезал осенью Дик в шипящей роще. Но когда наступила весна, палка в один прекрасный день пустила колючие липкие побеги и попыталась уползти из дома, пока Старый вел урок. За палкой гонялись всем классом, а потом, поймав, отпустили на волю. Палка добралась до изгороди, там пустила корни и превратилась в пышный куст. Старый однажды услышал, как мальчишки собирались на рыбалку и договаривались встретиться «у палки», и догадался, что они имеют в виду.

Олег, уже с поляны, обернулся и поглядел на медленно бредущего старика. Ему вдруг стало его жалко. Старый уже скоро умрет. Он стал хуже ходить, много болеет, даже в школе ему нелегко вести уроки. Он все забывает. Хорошо еще, что дети подросли и скоро уже улетят на Землю. Старый много сделал. Если бы не его школа, никто бы не смог научить детей всем наукам.

На поле, за сараями, некрасивой грудой лежал воздушный шар. Горелка шипела и нагоняла теплый воздух внутрь шара. Но работала она в четверть мощности. Сергеев, который командовал шаром, не хотел рисковать.

Шар был похож на большого горного слона – бесформенную громаду плоти, чуть шевелящуюся во сне. Еще на рассвете шар был просто большим куском тряпки, отдельно сеткой, отдельно корзиной. Все изменилось. Шар оживал.

Коза с козлятами опасливо замерли в стороне.

Когда Олег подошел, Сергеев, стоявший у корзины, спросил:

– Прибавим пламя?

Он обращался к Олегу, как к равному. Он тоже признавал, что шар – собственность Олега, как зеркальце – собственность Марьяны. Но это не означало, что зеркальце не принад-

лежит всем. Ведь не могло же Марьяне прийти в голову отказать, если кому-то понадобилось зеркало?

– Мы потом тоже полетим? – спросила рыжая Рут.

Все лица казались очень четкими, словно Олег смотрел на них сквозь увеличительное стекло. Вот бежит Марьяна с банкой клея – она заметила, что где-то шов пропускает воздух.

Вот большая Луиза, громоздкая, толстая женщина с отеками лица, поправляет ветку, вылезшую из корзины.

Шар вздрогнул, будто вздохнул, и как-то сразу стал круглее.

Олег нагнулся, проверяя, надежно ли он прикреплен к земле.

К кольям, глубоко вбитым в землю, были привязаны веревки. А близко от корзины в землю был закопан гнутый штырь из железного дерева – якорь. Рядом канат, сложенный аккуратными кольцами.

Шар еще раз вздохнул. Теперь он был почти круглым и касался земли лишь в одном месте.

– Я залезу в корзину? – спросил Олег у Сергеева, и голос его неожиданно сорвался.

Он испугался, что другие заметят его волнение и будут смеяться. Про себя он подумал: «Я не Наполеон. Я хочу необыкновенных дел, а не завоеваний. Я не хочу, чтобы из-за меня люди ели из походных кухонь и стреляли из пушек. Люди движутся не потому, что я того хочу, но если им будет лучше от моих дел, я буду рад».

– Рано еще, не улетит, – остановил его Сергеев. Он не засмеялся.

Неожиданно шар приподнялся, оторвался от земли, но тут же опустился вновь. Крупная сетка врезалась в его тело, и тонкая оболочка пузырями вылезла в ячейки.

– Лучше бы материал был жестче, – сказал Вайткус. – В будущем обратимся к опыту дирижаблей.

– К какому опыту? – Олег вдруг понял, что дирижабль для него – пустое слово.

– Если промазать шар тонким слоем клея, – сообщил Вайткус, почесывая бороду, – то он станет жестким.

– Что же ты раньше не сказал? – До Олега дошла красота этой мысли, и он обиделся на Вайткуса, что тот скрыл от него такую прекрасную мысль.

– Я только сейчас подумал.

– Это увеличило бы вес, – напомнил Сергеев.

Тут шар окончательно оторвался от земли и криво, под углом к корзине, поднялся вверх.

Олег не стал ждать. Он перелез через край корзины и встал в ней, крепко держась руками за борт.

Корзина была невелика, диаметром полтора метра и высотой по пояс. В середине ее умещался еще запас топлива и несколько мешков с песком – в каждом шаре обязательно должен быть балласт.

Шар медленно шевелился над головой, и до нижнего обода, под которым приделана горелка, несложно дотянуться рукой. Олег потрогал канаты, крепившие корзину к ободу. Канаты были крепкими.

Корзина стояла на земле, можно было легко перемахнуть через ее край и встать на мягкую молодую траву, но Олег ощущал некую отчужденность от всех, кто стоял рядом, как будто все остальные люди были уже далеко внизу.

Корзина дернулась, шар натянул канаты, стараясь поднять ее в воздух.

– Полетит, полетит, отвязывайте! – закричала рыжая Рут.

– Молчи, – оборвал ее Сергеев. – Рано.

Олег, запрокинув голову, смотрел на шар. Он был так громаден, что закрывал половину неба. И был некрасив – неровно склеен, пузырист, веревки как-то неудобно и неловко стягивали его, полупрозрачная белесая оболочка отражала траву и кривые домики поселка. И в то

же время в этой нелепой громадине чувствовалась странная сила, которая была и в медленных настойчивых попытках вырваться, оторваться от земли, и в том, как натягивались веревки, державшие корзину, и в том, как гудела горелка и ее гудение увеличивалось и гулко растворялось в чреве шара.

Теперь шар был точно над головой, и канаты сильно натянуты. Олег отвлекся, глядя на шар, и не сразу увидел, что по сигналу Сергеева его помощники наклонились над кольями, к которым привязаны веревки.

– Готовься, Олежка, – предупредил Сергеев. – Сейчас будем отпускать. Крепче держись. Может дернуть.

– Держусь, не беспокойся! – крикнул Олег, глядя, как Вайткус склонился совсем близко – можно дотронуться до спины, – отвязывает узел.

Но тут же Олег чуть было не вывалился наружу.

Как ни старался Сергеев, чтобы все веревки отпустить одновременно, силы его помощников были далеко не равны. Вайткус уже отвязал веревку и крепко держал ее. Дик выпрямился, чуть улыбаясь и показывая всем своим видом, что он принимает участие в несерьезной забаве. Свой канат он держал не очень крепко, шар, хоть и большой, не казался ему сильным. С другой стороны корзины Луиза и Эгли чуть замешкались, отвязывая узлы. Шар как будто ждал этого, с одной стороны веревки еще крепко держатся за землю, но с другой-то уже освобождены, дождался легкого порыва ветра, который пришел к нему на помощь, и как следует дернул.

Вайткус почувствовал рывок и, будучи готов к нему, повис всем телом на веревке, но другая веревка резко дернулась вверх, разодрав ладони Дика, и вырвалась, отбросив его на землю. Он тут же по-звериному перевернулся через голову, вскочил и бросился, чтобы подхватить веревку, но было поздно: корзина, которую шар резко накренил, рванувшись в сторону, завалилась набок, Олег упал, ударившись о бак с топливом, на него навалились мешки с балластом. Корзина отбросила в сторону большую Луизу, придавила Эгли, шар еще раз поднатужился, качнулся в сторону, отбросив Вайткуса, вырвал из земли остальные веревки и с кольями, болтающимися в воздухе, резко пошел вверх.

Корзина болталась под ним, как невесомый жучок.

Все это заняло несколько секунд, которые были полны треском, криками, уханьем воздуха.

И тут же наступила тишина, короткий период тишины, в котором был слышен только тихий плач Фумико: она на всякий случай начала плакать еще до этих событий, потому что боялась за Олега.

Молчали все, даже тетя Эгли, которой оцарапало корзиной руку, и Луиза, все еще лежавшая на земле, и Сергеев, и Вайткус, и даже дети. Все смотрели вверх, потому что там, в корзине, был Олег.

Мать Олега, единственная из всех, зажмурилась, потому что с убийственной ясностью представила себе, как тело ее сына падает из корзины и летит, растопырив руки, к земле.

А для Олега все прошло очень быстро: в одно мгновение он упал внутрь корзины и на него, как душный зверь, навалился мешок с песком. И в следующее мгновение он понял, что летит, что ничего под ним нет, что земля где-то очень далеко, потому что корзина раскачивалась свободно и легко и сквозь щели в прутьях он видел свет.

Он очень осторожно, охваченный страхом высоты, поднялся на четвереньки, ощущая в то же время, что корзина раскачивается все меньше и шар все увереннее тянет ее вверх.

И пока Олег поднимался на ноги, к нему возвращались ощущения, словно органы чувств по очереди включались, сообщая ему, что происходит вокруг. Шипела горелка, гоня внутрь шара горячий воздух, скрипели веревки, елозили по оболочке, поскрипывали ветки корзины, по которым он ступал. И снизу доносился тонкий детский плач.

Наконец Олег смог подняться. Он крепко взялся за край корзины и уже готов был выпрямиться, но, к счастью, не успел, потому что корзину резко дернуло, так, что Олега чуть не выкинуло вверх. И он не сразу догадался, что вытравился весь канат, которым корзина была привязана к якорю.

Движение шара вверх прекратилось, хотя он продолжал попытки вырваться, и от этого корзина вздрагивала и пошатывалась.

Внизу всем казалось, что прошло очень много времени. Почти минуту все смотрели наверх и молчали. Шар поднялся метров на сто – дальше его не пускал канат – и начал медленно двигаться к лесу, словно стараясь обмануть канат, который цепко держал его.

Олега все не было видно.

Но, по крайней мере, он оставался в корзине.

Сергеев, опомнившийся раньше других, уже хотел было крикнуть Вайткусу и Дику, чтобы они помогли ему тянуть шар вниз, потом понял, что сначала надо закрыть горелку, а то подъемная сила шара слишком велика и его не одолеть.

И тут заголосила Ирина.

– Сынок! – кричала она, нарушая этим молчаливую торжественность полета. – Сынок, ты цел? Олежка!

Олег слышал этот крик, и ему стало стыдно, что мать зовет его, как маленького, но потом мелькнула мысль, что и у Наполеона, наверное, была мама, и он, высунувшись из корзины и крепко цепляясь за веревки, заорал вниз:

– Все в порядке!

Совсем маленький темный силуэт Олега – голова и плечи – был виден всем на земле, и все стали кричать, дети запрыгали, а Ирина зарыдала во весь голос.

Шар медленно двигался над головами – это был самый настоящий воздушный корабль, который может полететь в небо.

Старый помог Вайткусу, который так и просидел ту минуту на земле, подняться и сказал ему:

– А потом они изобрели воздухоплавание.

Вайткус улыбнулся.

– Уменьши пламя в горелке! – выкрикнул Сергеев. – Уменьши подъемную силу! Ты меня слышишь?

– Отлично слышу! – откликнулся Олег, и его голова пропала.

Олег обернулся к горелке, осторожно уменьшил пламя, но не сильно. Теперь, когда все обошлось, ему совсем не хотелось спускаться.

Он еще раз поглядел вниз и помахал рукой:

– Все в порядке!

И увидел поселок сверху. Сразу весь. Улицу – грязную речку, вдоль которой тянулись такие жалкие сверху хижины, кривые крыши сараев и мастерской, покосившаяся изгородь. Маленькую россыпь человечков – их пришлось угадывать, потому что некоторые стояли прямо под шаром. Кто-то махал руками, дети прыгали, изображая дикий танец.

Олег увидел, что на пороге своей хижины сидит Кристина. Может, не захотела прийти к шару, а может, о ней забыли в суматохе.

А вон там задрала зеленую морду коза. Она еще не видела летающих слонов.

Взгляд Олега скользил дальше, за ограду – неширокая полоса луга, а потом начинался лес. Никогда он еще не видел его сверху. Сплетение белесых голых ветвей, кое-где бурые и зеленые пятна лишайников и лиан, и это месиво тянется до болота. Сверху болото, такое обширное, кажется совсем небольшим, и за ним начинается кустарник, дальше снова лес, без перерыва и просвета, скрывающийся в туманной дымке.

Олег осторожно перешел на другую сторону корзины. Теперь ему было видно начало пути, которым они прошли к горам, к «Полюсу». Снова лес, за ним пустошь и красные скалы, поднимающиеся из леса.

Еще два шага вправо. Тоже лес. Только он прерывается – там участки степи, куда они ходят охотиться на оленей, и темная стена большого дальнего леса, куда редко добираются охотники и собиратели. Там нет дичи, и во влажной полутьме таятся хищные цветы и лианы.

Подул ветер, стараясь унести шар. Корзина задрожала.

Олег понимал, что ему нужно еще уменьшить огонек горелки. Люди внизу ждут, когда он спустится. Но он не мог оторваться от простора, открывшегося перед ним. Он перестал быть муравьем, ползающим среди ветвей, он взлетел над миром, как птица, и совсем иные масштабы этого мира наполнили Олега свободным и щекотным чувством могущества и уверенности в себе и в тех маленьких человечках, что ждут его внизу. Это чувство было чем-то сродни тому, что посетило его, когда он впервые увидел за перевалом в горной долине на снегу громадную чечевицу космического корабля. Но тот корабль был лишь памятью о могуществе людей. Этот же полет был сотворен им самим. И Олег понял, что более всего он хочет обрезать этот канат и подняться высоко, к самым облакам, чтобы увидеть дальше и полететь над этими лесами, не таясь в них и не опасаясь никого.

Олег подумал, что братья Монгольфье не могли сравниться с ним. Они поднимались над своим родным городом, где никто не грозил им смертью. Им надо было победить только воздух. Олегу надо было победить всю эту планету, которая хотела их убить.

Высота была невелика, вряд ли здесь было намного холоднее, чем на земле, но Олегу стало зябко. Наверное, переволновался. И когда он закрывал горелку, пальцы у него дрожали.

Шар постепенно терял силу и желание умчаться к облакам.

Внизу Сергеев и Дик стали тянуть за канат, чтобы помочь шару плавно спуститься.

Мир вокруг начал уменьшаться, горизонт приближался.

* * *

В начале лета подготовка к походу на корабль несколько замедлилась. Два главных участника этого дела – Олег и Сергеев – часто отвлекались на другие дела. Олег все продолжал возиться с шаром. Что-то изобретал в нем, мастерил, почти каждый день поднимался вверх, чаще вдвоем с кем-нибудь. У Сергеева была другая забота – Линда Хинд переехала все-таки к нему. Свадьбы никакой не было, и праздника, в общем, тоже, если не считать, что взрослые собрались к ним в дом, посидели, помянули Томаса и покойную жену Сергеева, выпили чаю, пожелали Линде с Сергеевым вернуться благополучно на Землю. И разошлись.

Взрослых в поселке осталось очень мало, и некоторые из них были совсем плохи. Сильно сдал Старый, хворала большая Луиза, а слепая Кристина сама о себе говорила, что она не жилец. Олегову мать так замучил радикулит, что она большую часть дня лежала на постели. Поэтому в огороде возились в основном Вайткус с Линдой и Эгли, а Сергеев занимался мастерской. И конечно, все больше дел падало на долю молодых. Охота в эти недели полностью перешла в ведение Дика, который брал с собой Казика, а иногда Пятраса Вайткуса. Их уже трудно было назвать мальчиками – это были подростки, умелые, ловкие и быстрые. В школу они теперь не ходили, да Старый и не мог им больше ничего дать. Его прошлое для них было будущим, причем близким и достижимым. Отныне все верили в шар и даже склонны были преувеличивать его возможности. Казалось, что на шаре можно летать к кораблю, когда и как хочешь.

Олег лучше других понимал, что его детище – корабль ненадежный. Он уже научился чувствовать шар и знал, как легко он под действием слабого ветерка готов нестись куда придется.

Во второй свой полет Олег взял с собой Казика. Это было справедливо. Казик добровольно возился с неприятными делами, связанными с шаром. Он без усталости таскал дрова для шара и давил прессом масло из них. Он ходил на охоту на мустангов, потому что надо было чинить и латать шар.

Олег заметил, правда не сразу, как проявляется человеческий эгоизм в отношении к шару. Может, люди и не замечали собственного эгоизма, только со стороны ты видишь чужие слабости. Те, кто хотели полететь на шаре, честно помогали его запускать, держа веревки, скачивать его и прятать под навес, когда полет кончался. Но после того как сами поднялись в воздух, интерес их к шару пропадал. Большинство из тех, кто летал с Олегом, полет разочаровал. Был момент страха, когда шар поднимался, потом возникал интерес – увидеть лес и поселок сверху. Вот и все. Так было с Линдой и с Лиз, которая три раза пропускала свою очередь, потому что очень боялась, потом все же забралась в корзину, а когда шар поднимался, визжала от страха так, что ребяташки, смотревшие снизу, чуть не умерли от смеха. Вайткус, поднявшись в воздух, внимательно глядел вокруг, а потом сказал, что надо будет сходить за болото, потому что он видит в чаще за ним яблоневые деревья. Старый молчал, когда они были наверху. Минут двадцать молчал, потом произнес: «Спасибо, можно опускаться». Эгли смотрела на поселок, потом вытерла глаза, может, от ветра, может, соринка попала. И уронила: «С ума сойти, какое убожество».

Мать лететь отказалась, и это было хорошо. Но каждый раз, когда Олег готовился к полету, она выходила на площадку и обязательно проверяла, хорошо ли держит канат.

Казик с Фумико канат нарастили. Еще метров на двадцать. Больше не получалось. Он оказывался таким тяжелым, что тянул шар книзу, к тому же начинал рваться.

Дик поднялся одним из последних. Он несколько дней после первого полета избегал Олега, так как считал себя виноватым в том, что чуть не произошло крушение. Олег сам спросил его, хочет ли он подняться, и Дик согласился.

В тот день шел дождик, и капли срывались с шара, отчего было плохо видно. Олег чувствовал, что Дик оробел – он был в чужой обстановке, а Дик всегда терялся в чужой обстановке: Олег помнил, каким был Дик на «Полюсе». Он так и простоял весь полет, держась за канаты со своей стороны корзины, и не решился обойти ее. Дик взял с собой в полет арбалет и даже заткнул за пояс бластер, все это было лишнее, но Олег сделал вид, что не заметил.

Неожиданно Дик сказал:

– Летом надо будет дойти до большой степи. Я думаю, она начинается вон там.

И он показал пальцем к югу, где лес сливался с облаками.

– Там должно быть много оленей, – добавил Дик.

И Олег понял, что Дик все равно остается на земле.

Но он был неправ. Дик чувствовал себя неуверенно в слишком легкой, почти прозрачной плетеной корзине. Однако главное было в другом: впервые в жизни он завидовал Олегу.

Пока Олег занимался хоть и нужными для поселка, но не очень нужными, с точки зрения Дика, делами, Дику было все равно. У него был свой лес и свои победы. И только теперь, глядя на лес и видя, как среди ветвей крадутся шакалы, как ползет по стволу ногостая змея, как пучатся от весенних соков стволы серебряных сосенок, – видя то, что было недоступно не столь тренированному и чуткому взгляду Олега, Дик осознал дополнительную власть и свободу, которые дает обладание шаром. В нем проснулось острое желание лететь по воздуху к новым лесам, гнаться за стаями зверей, опускаться на ночь возле таинственных речек...

Олег с удивлением увидел, как Дик достает бластер.

– Ты что? – удивился он.

– Тихо, – прошептал Дик.

Зеленый нитяной луч протянулся к деревьям у болота – немым и неподвижным. И тут же там, внизу и вдали, возникло движение: крупное животное забилося в чаще, и тяжелая туша вывалилась на поляну.

– Я такого еще не видел, – сказал Дик, пряча бластер. – Давай спускаться. Я хочу посмотреть, кого я убил.

С Марьяной Олег поднимался в тихую теплую погоду.

– Здесь красиво, – проговорила Марьяна. – Не хочется опускаться, правда?

Олег смотрел на нее. Он был точно щедрый хозяин, показывающий гостю свое поместье. И поскольку он знал прелести поместья и был уверен в них, то комплименты воспринимал как должное. И ему было приятно, что именно Марьяна смогла оценить красоту полета.

– И тихо, – сказала Марьяна.

– Спасибо.

– Почему? – Марьяна повернулась к нему и посмотрела на него внимательно, будто увидела в первый раз. – Почему спасибо?

Олег протянул руку и дотронулся до ее пальцев, лежавших на краю корзины. Корзина чуть качнулась, но Марьяна не испугалась.

– Ты все понимаешь, – ответил Олег.

Марьяна оторвала руку от края корзины и вложила пальцы в руку Олега.

Это было так естественно, и его ладонь уже ждала этого прикосновения. Корзина снова качнулась, и Марьяна сделала шаг вперед, чтобы не потерять равновесия. Они оказались совсем рядом, и Олег поцеловал ее в щеку. Он хотел поцеловать в губы, но промахнулся и поцеловал в щеку, возле уголка губ. И уже не было ничего – ни неба, ни шара, – они парили там, где нет никого, кроме них, где так хорошо и понятно.

– Эй! – закричал снизу Казик. – Вы куда пропали?

Марьяна подняла голову – она была на голову ниже Олега – и улыбнулась.

– Что? – не понял Олег.

– Давай подниматься сюда каждый день. – И засмеялась.

– Давай. – Олег тоже засмеялся. – Утром будем подниматься, а вечером спускаться.

– Только Казика жалко. Может, будем его брать с собой?

– Нет, – ответил Олег тихо, он вдруг испугался, что на земле их могут услышать. – Мы никого не будем брать с собой.

– Эй! – кричал Казик. – Спускайтесь! Гроза идет.

У Казика было удивительное чутье на погоду – как у зверя. Он никогда не ошибался. Если он чувствовал, что идет гроза, значит, пора прятаться.

Олег не спеша прикрыл горелку.

И пока шар охлаждался и опускался вниз, он все не отпускал руки Марьяны.

Они успели спуститься в самый последний момент – сильный порыв ветра дергал шар так, что канат трещал. Внизу, кроме Казика, никого не было: после третьего полета решили, что тащить шар за канат не нужно – никуда он не денется. Но в тот раз задержка чуть не кончилась плохо, потому что влекомый порывами ветра шар опустился не на место старта, а на всю длину каната в сторону, у крайнего дома, чуть не задев его. И уже под дождем, борясь с бурей, они прыгали по оболочке, чтобы скорее вышел воздух и можно было бы оттащить шар под навес. К ним на помощь прибежал Дик, потом Сергеев. Все промокли, устали, ругали Олега, что он замешкался со спуском.

– Я же тебе кричал! – повторял Казик. – Ты что, оглох?

Олег не отвечал. Ему хотелось – ну разве в этом признаешься? – снова подняться в воздух, высоко, в грозу, чтобы бешеный ветер нес его – и ничего не страшно, а только весело.

Он ловил взгляд Марьяны. Ему казалось очень важным, чтобы она на него смотрела. И раз или два ему удалось поймать ее взгляд. И тут же его начинали одолевать сомнения: а вдруг она пошутила? Вдруг она не чувствует того, что чувствует он?

Но когда они уже очутились в сарае и шар был надежно спрятан, Марьяна взглянула на Дика и Сергеева, которые стояли возле открытых дверей, пережидая ливень, и прошептала:

– Как хорошо, что мы с тобой летали, правда?

И в ее вопросе тоже слышалась неуверенность, можно ли верить тому, что было. И неуверенность обрадовала Олега.

Он сказал:

– Это замечательно, что мы с тобой летали.

* * *

В тот день, когда впервые решили подняться без каната, с Олегом полетел Сергеев.

Они специально выждали безветренный день.

Шар шел уверенно. Олег уже привык обращаться с ним и знал его маленькие хитрости. Когда шар поднялся до прежней отметки, Олег перегнулся и помахал рукой тем, кто собрался внизу. Там снова был весь поселок, как в день первого полета. Олег отыскал глазами Марьяну. Он махал ей, но никто, кроме Марьяны, об этом не догадывался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.